

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ СБОРНИК

ПО МАТЕРИАЛАМ XXII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 31 ЯНВАРЯ 2017 Г.

2017
№ 1-6

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2017 • № 1, часть 6

Периодический научный сборник

*по материалам
XXII Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 31 января 2017 г.*

ISSN 2413-0869

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2017 • № 1-6

Периодический научный сборник

Выходит 12 раз в год

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-65905 от 06 июня 2016 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель и издатель:

ИП Ткачева Екатерина Петровна

Главный редактор: Ткачева Е.П.

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а

Телефон: +7 (919) 222 96 60

Официальный сайт: issledo.ru

E-mail: mail@issledo.ru

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)** по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.issledo.ru

По материалам XXII Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 31 января 2017 г.).

Редакционная коллегия

Духно Н.А., д.ю.н., проф. (Москва); *Васильев Ф.П.*, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (Москва); *Датий А.В.*, д.м.н. (Москва); *Кондрашихин А.Б.*, д.э.н., к.т.н., проф. (Севастополь); *Котович Т.В.*, доктор искусствоведения, проф. (Витебск); *Креймер В.Д.*, д.м.н., академик РАН (Москва); *Тихомирова Е.И.*, д-р пед. наук, проф., академик МАН, академик РАН, Почётный работник ВПО РФ (Самара); *Алиев З.Г.*, к.с.-х.н., с.н.с., доц. (Баку); *Стариков Н.В.*, к.с.н. (Белгород); *Ткачев А.А.*, к.с.н. (Белгород); *Шановал Ж.А.*, к.с.н. (Белгород)

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	6
<i>Mamatov R.R.</i> CHARAKTERISTIK DER EINZELNEN PERIODEN DER DEUTSCHEN SPRACHGESCHICHTE	6
<i>Mamatov R.R.</i> DIE BESONDERHEIT DER DEUTSCHEN HISTORISCHEN MORPHOLOGIE	8
<i>Mamatov R.R.</i> DIE DEUTSCHE HISTORISCHE PHONETIK	11
<i>Mamatov R.R.</i> DIE HISTORISCHE SYNTAX DER DEUTSCHEN SPRACHE	13
<i>Азаренко Н.А.</i> КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»	16
<i>Аллахверанова Р.Х.</i> ПОНЯТИЕ СЛЕНГА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	18
<i>Антонов И.И., Кривошеева Е.И.</i> ЭВОЛЮЦИЯ КИТАЙСКИХ ФОРМАНТОВ В ЯЗЫКЕ ЯПОНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЭПОХИ ХЭЙАН	20
<i>Бекетова Е.Н.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕДАГОГОВ	24
<i>Васильева Г.М.</i> ОБ УЧЕТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ КУЛЬТУРНО МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ, ВЫСТУПАЮЩЕЙ В КАЧЕСТВЕ ПРЕДМЕТА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	26
<i>Григорьева Л.П.</i> СЕМАНТИКА ЛОКУСА САДА В ПРОЗЕ А. ГРИНА	28
<i>Гулина В.В.</i> ПОНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕРМИНА	32
<i>Егиазарян Г.В.</i> ПОЛИФОНИЯ В РОМАНЕ ДЖ. ПИКОЛТ «STORYTELLER» («УРОКИ МИЛОСЕРДИЯ»)	36
<i>Жамиштова Г.Ж.</i> О ПРИНЦИПАХ ОПИСАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В УЧЕБНЫХ ЦЕЛЯХ	38
<i>Жамиштова Г.Ж., Абдувалиева Э.А.</i> О ТИПАХ КАРТИН МИРА	41
<i>Зимовец Н.В., Лелюк Г.К.</i> СИНТАКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ КОМПРЕССИИ	45
<i>Идразова Э.С.-А.</i> НАЗВАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДОЙ В ЧЕЧЕНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ	47
<i>Идразова Э.С.-А.</i> НАЗВАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПИЩЕЙ (БЛЮДА, ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ) В ЧЕЧЕНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ	50
<i>Идразова Э.С.-А.</i> НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ФОЛЬКЛОРА КАК ОБЪЕКТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ	52
<i>Исмаилова Е.Э.</i> БОРИС АКУНИН КАК «СОАВТОР» А.П. ЧЕХОВА: ОБЗОР РЕЦЕНЗИЙ И ОТЗЫВОВ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ	58
<i>Калашова А.С., Патрушева Е.В.</i> К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЭВОЛЮЦИИ ФРИКАТИВНЫХ СОГЛАСНЫХ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ	61
<i>Колосова Т.Н., Якименко Н.Е.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ГЛАГОЛОВ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ	63

Лапишова Н.В. КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ АССОЦИАТИВНОГО ХАРАКТЕРА В РЕКЛАМЕ ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ 1980-2015 гг.	67
Леонтьев Н.А., Протопопова В.Ф. ЭЛЕКТРОННЫЙ КОРПУС ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА И АВТОРСКОЕ ПРАВО	69
Лысенкова Т.В. ДЕРИВАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕ-ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В НАРОДНЫХ ГОВОРАХ.....	71
Никишина С.Р. ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПЕРЕВОДА.....	74
Никольская С.В. У ИСТОКОВ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	76
Писаревская Н.С. МАССОВАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНСКИХ ЖУРНАЛАХ.....	80
Подшивалова Н.И. ОСОБЕННОСТИ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СБОРНИКЕ «ШЕСТЬ СПИЧЕК» БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ	82
Репенкова М.М. К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОТИПОЛОГИИ ТУРЕЦКОГО ИСТОРИКО- АВАНТЮРНОГО РОМАНА	85
Сергеева Ю.С. КОНЦЕПТ «ПРОФЕССОР» В РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ. АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ	92
Скачкова Л.В. ВОЙНА 1812 ГОДА КАК ИСТОЧНИК ПОЯВЛЕНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	95
Таджибоев Ш.Г. О СТЕПЕНИ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИГУРЫ «ТАВСИФ» (ЭПИТЕТ) В ТАДЖИКСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ	98
Тилляходжаева М.Н. НЕПОЛНЫЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ С. АЙНИ И ЕГО РОЛЬ В ТАДЖИКСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ	101
Тлисова С.М., Мисходжева Ф.А. О НЕКОТОРЫХ КОГНИТИВНО- ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ	104
Тлисова С.М., Мисходжева Ф.А. РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА ПРИМЕРЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ЗАДАНИЙ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВУЗОВ	109
Циманович Л.С. СТЕПАН МАЛЫЙ КАК ДВОЙНИК И АНТИПОД П.П. НЕГОША (НА ПРИМЕРЕ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ «САМОЗВАНЕЦ СТЕПАН МАЛЫЙ»)...	112
Ши Шаньшань МЕТАФОРА В ТВОРЧЕСТВЕ А.П. ЧЕХОВА И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА	118
СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	125
Vasileva S.Zh., Lachezarov K.L. SOME ETHICAL ISSUES OF FORMATION OF THE GLOBAL INFORMATION SOCIETY.....	125
Yordanova B.Ts., Vasileva S.Zh. SOME NEW OPPORTUNITIES OF THE PERSONALITY AND THE MODERN INFORMATION TECHNOLOGY.....	129
Игебаева Ф.А. АНАЛИЗ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА	135
Костин Р.А., Михайлова О.К. РЕСУРСНАЯ МОДЕЛЬ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП	137
Литвяк И.В. СПЕЦИФИКА ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	140

Логунова О.А., Логунова Е.Г. О ВЛИЯНИИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА НА ТРУДОВУЮ ЗАНЯТОСТЬ	144
Панина Е.В., Ивушкина Е.Б. РОЛЬ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОЦИАЛЬНОМ СЛУЖЕНИИ РПЦ.....	147
Ревазов В.Ч., Ревазова Э.Ч. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И БЕСПРИЗОРНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ	149

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

**CHARAKTERISTIK DER EINZELNEN PERIODEN
DER DEUTSCHEN SPRACHGESCHICHTE****Mamatov R.R.**

Der Lehrer des Lehrstuhls «des Usbekischen, der Pädagogik und der Psychologie»,
die Landwirtschaft für die Andijaner Hochschule, Usbekistan, Andijan

In diesem Artikel wurde man über die Charakteristik der einzelnen Perioden der deutschen Sprachgeschichte analysiert. Die Entwicklung der althochdeutschen Sprache aus altgermanischen Sprachen beginnt in der zweiten Hälfte des 5.Jhs. Bis zur Mitte des 8.Jhs. besitzt die deutsche Sprache keine schriftlichen Sprachdenkmäler. Diese Zeit nennt man die vorliterarische Zeit.

Die Stichwörter: Charakteristik des Althochdeutschen, Literarische Charakteristik, Charakteristik der frühneuhochdeutschen Zeit, Literatursprache.

1. Charakteristik des Althochdeutschen (8.-11.Jh.)

Etwa 770 beginnt die schriftliche Überlieferung der deutschen Sprache. Die althochdeutsche Zeit beginnt 770 und dauert bis zum 11. Jh. Das ist die Zeit des Feudalismus, die Zeit der Herrschaft Karl des Großen und seiner Enkel.

Sprachlich – geschichtliche Charakteristik

Die herrschende Sprache ist das Latein (Amts-, Kirchen-, Schulsprache). Das ist die Zeit der 2. Lautverschiebung und des Anfangs der Entwicklung des Umlauts. Die Stelle des Prädikats und Attributs ist nicht fest. Die Verben hatten zwei Zeitformen (Präsens, Präteritum).

Literarische Charakteristik

Die ersten deutschen Denkmäler sind Glossare, d.h. die Listen der lateinischen Wörter mit Übersetzung ins Deutsche.

Die epische Dichtung, die heiligen Lieder und Sprüche leben in dieser Epoche meistens in der mündlichen (überliefernden) Sprache. Die einigen uns überliefernden Sprachdenkmäler sind:

- das Poem "Muspilli" (Weltuntergang) (um 830)
- das Poem "Hildebrandslied"
- manche Übersetzungen der Bibeltexte aus dem Lateinischen.

2. Charakteristik des Mittelhochdeutschen (11.-14.Jh.)

Das Mittelhochdeutsche umfasst die Zeitspanne vom 11. bis zum 14. Jh. Das ist die Zeit des Aufblühens des Feudalismus, die Zeit der ritterlichen Kultur. Das Latein spielte auch in der mittelhochdeutschen Zeit eine große Rolle. Aber seit dem 12.Jh. beginnt die deutsche Sprache die lateinische Sprache zu verdrängen, vor allem aus der Dichtung. Kennzeichen dieser Periode der deutschen Sprachgeschichte sind: weitere Entwicklung der Umlauts, Vokalabschwächung, Entwicklung der Zeitformen der Verben, der regelmäßige Gebrauch des Artikels, Entwicklung der landschaftlichen Literatursprache. Die Hauptgenres damaliger Dichtung sind:

1. Versepen (Heldenepen und höfische Epen)

Das wichtigste Epos ist "Nibelungenlied"

2. Minnesang (Lyrik)

Die Lieder besingen die Liebe. In dieser Zeit schufen die größten Dichter Hartmann von Aue (die Verslegende "Der arme Heinrich"), Walther von der Vogelweide.

3. Prosa

Die Prosa hatte folgende Arten:

a) *geistliche Prosa*

Das sind die Übersetzungen der religiösen Werke und der Werke von Mystikern.

b) *historische Prosa*

Das sind die Chroniken (1225 "Sächsische Weltchronik" vom Patrizier aus Obersachsen Eike von Repdow), Chroniken der Städte ("Chronik der Stadt Köln", "Straßburger Chronik" und andere).

Später entwickelte sich auch

c) *Rechtsprosa*:

Im 13. Jh. entstanden die ersten deutschen Aufzeichnungen des Stadtrechts, z.B. "Sachsenspiegel", eine Aufzeichnung des sächsischen Rechts.

d) *Geschäfts- und Kanzleiprosa*

e) *wissenschaftliche Prosa* fängt an, sich zu entwickeln (z.B. Arzneibücher).

3. Charakteristik der frühneuhochdeutschen Zeit (14. -17. Jh.)

Diese Periode ist die Zeit der Reformation, des Großen Bauernkrieges, der territorialen Zersplitterung Deutschlands. Der Kampf gegen die Großfeudalen und Kirche erfasste alle Klassen der Gesellschaft. Die deutsche Sprache wurde zum ersten Mal zur Sprache der Propaganda unter den breiten Volksmassen. Die Sprache wird zur Waffe im ideologischen Kampf. Das führt zu einer starken Demokratisierung der Schriftsprache.

Bis zum Ende des 17. Jhs. standen in Deutschland drei Varianten der Literatursprache im Wettbewerb:

1) die ostmitteldeutsche Variante

2) die oberdeutsche Variante

3) die schweizerische Variante.

In weiterer Entwicklung gewinnt die ostmitteldeutsche Variante der Literatursprache eine herrschende Rolle, weil sich viele Grammatiker und Sprachwissenschaftler zum Ostmitteldeutschen bekannten.

Im 16. Jh. erschienen bereits die ersten Grammatiken der deutschen Sprache. Das ist die Zeit der Normalisierung der Rechtschreibung.

z.B.: fraw – Frau

valsch – falsch

fewer – Feuer

In der zweiten Hälfte des 16. Jhs. verbreitete sich die Großschreibung der Substantive. Im 17. Jh. wurde sie aber erst geregelt.

Zur Entwicklung der deutschen Sprache haben auch die Sprachgesellschaften beigetragen. Die erste deutsche Sprachgesellschaft wurde 1617 in Weimar ge-

gründet. Sie hieß "Fruchtbringende Gesellschaft", später auch "Palmenorden". Die Sprachgesellschaften kämpften gegen die Herrschaft des Lateinischen und Französischen. Man kämpfte gegen die Fremdwörterei.

Literaturverzeichnis

1. Moskalskaja O.I. Deutsche Sprachgeschichte. Moskau, 1977. – S.54-62, 143-160, 189-208, 237-247.
2. Sinder L.R., Strojewa T.W. Einführung in das Studium der deutschen Sprachgeschichte. L., 1977.

DIE BESONDERHEIT DER DEUTSCHEN HISTORISCHEN MORPHOLOGIE

Mamatov R.R.

Der Lehrer des Lehrstuhls «des Usbekischen, der Pädagogik und der Psychologie»,
die Landwirtschaft für die Andijaner Hochschule, Usbekistan, Andijan

In diesem Artikel geht die Rede um die Besonderheit der deutschen historischen Morphologie. Außerdem geht die Rede um die das Studium der Geschichte der deutschen Sprache.

Die Stichwörter: Stammwort, Nominativ, Genitiv, Dativ und Akkusativ. die Kasus in der althochdeutschen Zeit, Deklination der Substantive im Althochdeutschen, indoeuropäische Sprachen, Kategorie der Zahl, Kategorie des Geschlechts, Kategorie des Kasus, Kategorie der Bestimmtheit und Unbestimmtheit.

Beim Studium der Geschichte der deutschen Sprache kommt der Entwicklung der grammatikalischen Gesetze besondere Aufmerksamkeit zu. Dabei ist folgendes zu beachten:

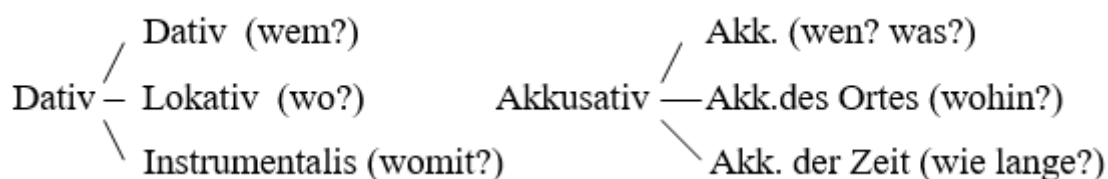
1. Der grammatikalische Aufbau der Sprache entwickelt sich sehr langsam.
2. Das Neue entsteht in der Regel auf der Grundlage der Weiterentwicklung der schon vorhandenen Elemente der Sprache, so z.B. entstand das Adjektiv aus dem Substantiv, der Artikel aus dem Demonstrativpronomen usw. Daraus folgt, dass der grammatische Aufbau der Sprache in seiner Entwicklung ein einheitliches, in sich geordnetes Ganzes bildet.
3. Die Entwicklung des grammatischen Geschlechts geht allmählich und gleichmäßig vor.

a) Die Kasus in der althochdeutschen Zeit

Die althochdeutsche Deklination hat ebenso wie die neuhochdeutsche Deklination vier vollentwickelte Kasus: Nominativ, Genitiv, Dativ und Akkusativ. In den ältesten Sprachdenkmälern findet man außerdem Reste des Instrumentalis. In der vorliterarischen Zeit war in den indoeuropäischen Sprachen das Kasussystem viel komplizierter, und es existierten folgende Kasus:

1. Nominativ	5. Akkusativ des Ortes (wohin?)
2. Genitiv	6. Lokativ (wo?)
3. Dativ	7. Instrumentalis (womit?)
4. Akkusativ	8. Ablativ (woher?)

In erster Linie starben in den germanischen Sprachen jene Kasus ab, die eine konkrete Bedeutung haben: Ablativ, Lokativ, Instrumentalis, Akkusativ des Ortes. Dabei wurden solche Kasus wie Dativ und Akkusativ mehrdeutig. So erhielten der Dativ und der Akkusativ folgende Bedeutungen:

Der Nominativ ist der Kasus des Subjekts, des Prädikativs.

Der Genitiv wird im Althochdeutschen nicht nur als Kasus des Attributs in Verbindung mit einem anderen Substantiv gebraucht, sondern auch als abhängiger Kasus in Verbindung mit den Verben, Adjektiven, Pronomen und anderen verwendet.

z.B.: *Verben*: geban, e an, giholan

1) thes wa eres giholon (*usb.* suv keltirgan)

(vergleiche *nhd.* der das Wasser geholte Junge)

2) brotes geban (*usb.* non bergan)

In Althochdeutschen regierten viele Verben und Adjektive den Genitiv.

z.B.: folgen, bittan

1) folgen rates (*nhd.* dem Rat folgen)

2) bittan brotes (*nhd.* um Brot bitten)

brotes leban (*nhd.* von dem Brot leben; *usb.* non bilan yashamoq)

Adjektive: galih (*nhd.* gleich), mahtig, fro

z.B.: galih vaters (*nhd.* er ist dem Vater gleich);

wirdig todes (*nhd.* des Todes würdig)

Schnell geändert hat sich im Laufe des 16.-17.Jhs. der Gebrauch des Genitivs. Die Hauptfunktion des Genitivs wurde der attributive Gebrauch. Erstarrte temporale Genitive entwickelten sich zu Adverbien: morgens, abends, sonntags, sommers u.a.

b) Deklination der Substantive im Althochdeutschen

Das Substantiv hatte im Althochdeutschen vier grammatische Kategorien:

1) Kategorie der Zahl

2) Kategorie des Geschlechts

3) Kategorie des Kasus

4) Kategorie der Bestimmtheit und Unbestimmtheit (die letzte Kategorie stand noch in ihrer Entwicklung).

Die Gegenwartsdeklination der Substantive im Singular und Plural ist sehr kompliziert. Nehmen wir z.B. zwei weibliche Substantive: "die Frau", "die Hand". Im Singular werden sie gleich dekliniert, aber im Plural ganz verschieden.

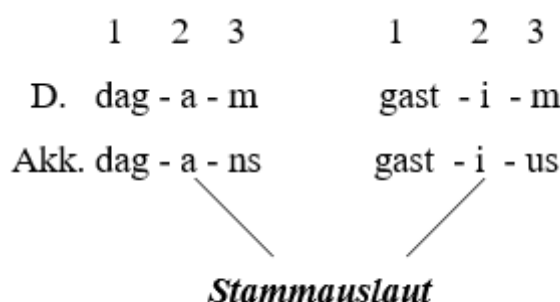
Sg.	Pl
N. die Frau die Hand	die Frauen die Hände
G. der Frau der Hand	der Frauen der Hände
D. der Frau der Hand	den Frauen den Händen
A. die Frau die Hand	die Frauen die Hände

Oder nehmen wir solche Maskulina wie "der Tag" und "der Gast", die im Singular gleich dekliniert werden, aber im Plural das Wort "Gast" den Umlaut bekommt, wogegen "der Tag" im Plural ohne Umlaut bleibt.

Man kann eine Menge von ähnlichen Fällen nennen, deren Deklinations- und Pluralbildungsweisen nur historisch erklärt werden können.

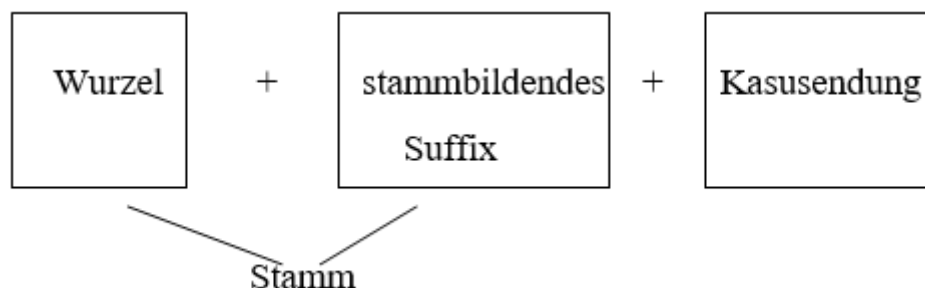
Im Neuhochdeutschen unterscheidet man drei Deklinationsarten der Substantive: starke, schwache und weibliche. Dieser Einteilung liegt die Kategorie des grammatischen Geschlechts der Substantive zugrunde.

In den alten germanischen Sprachen wurde die Einteilung der Substantive nach der Deklinationsweise auf der Grundlage ihrer Stammauslaute aufgebaut.

Wir sehen, dass sich der stammbildende Vokal zwischen der Wurzel des Wortes und der Endung befindet; das Wort besteht aus drei Teilen:

- 1) die Wurzel (*usb.* o'zak)
- 2) stammbildendes Suffix (*usb.* negiz yasovchi suffix)
- 3) Kasusendung

Man vermutet, dass die Substantive mit gleichem Stammauslaut in den germanischen Sprachen der Bedeutung nach zueinander näher waren. So haben wir z.B. sehr viele Wörter, die auf Verwandtschaftsbeziehungen hinweisen und gleiches stammbildendes Suffix haben.

got.: svistar, doutar, fadar

Diese stammbildenden Suffixe sind in den indoeuropäischen Sprachen klar zu sehen.

lat. lup – o – s (O – Stamm – Wort)

altindisch sun – u – s (U – Stamm – Wort)

got. sun – u – s (das Wort auf U-Stamm)

lat. nom -e – n (E – Stammwort)

Literaturverzeichnis

1. Moskalskaja O.I. Deutsche Sprachgeschichte. Moskau, 1977.
2. Sinder L.R., Strojewa T.W. Einführung in das Studium der deutschen Sprachgeschichte. L., 1977.
3. Чемоданов Р. С. Хрестоматия по истории немецкого языка. М., 1978.

DIE DEUTSCHE HISTORISCHE PHONETIK**Mamatov R.R.**

Der Lehrer des Lehrstuhls «des Usbekischen, der Pädagogik und der Psychologie»,
die Landwirtschaft für die Andijaner Hochschule, Usbekistan, Andijan

In diesem Artikel geht die Rede um die deutsche historische Phonetik. Wir wissen, das wichtigste phonetische Merkmal der Trennung der germanischen Sprachen von den indoeuropäischen Sprachen ist die erste Lautverschiebung ist.

Die Stichwörter: Mundarten, stimmlose Explosivlaute, stimmhafte Explosivlaute, stimmlose Frikativlaute, stimmhafte Frikativlaute, Affrikaten.

1. Die erste (germanische) Lautverschiebung

Das wichtigste phonetische Merkmal der Trennung der germanischen Sprachen von den indoeuropäischen Sprachen ist die erste (oder "germanische") Lautverschiebung.

Es gibt zwei Fälle:

1. die indoeuropäischen stimmlosen Verschlusslaute "p", "t", "k" wurden im Germanischen zu den stimmlosen Reibelauten:

<i>ide.</i>	<i>germ.</i>	<i>z.B.:</i>	<i>griech.</i>	<i>gotisch</i>
p	→ f [f]		pater	→ fadar (nhd.Vater)
t	→ [θ]		treis	→ reis (nhd.drei)
k	→ h [x]		kardia	→ hairto (nhd.Herz)

2. die indoeuropäischen stimmhaften Verschlusslaute "b", "d", "g" werden im Germanischen zu den stimmlosen "p", "t", "k":

<i>ind.</i>	<i>germ.</i>	<i>z.B.:</i>	<i>griech.</i>	<i>gotisch</i>
b	→ p		baite	→ paida (Rock)
d	→ t		dyo	→ twai (zwei)
g	→ k		zygon (lat.jugum	→ juk (Joch)

2. Die zweite (althochdeutsche) Lautverschiebung

Die zweite Lautverschiebung begann im 5. Jh. in Oberdeutschland und breitete sich seit dem 6. Jh. nach Norden hinaus. Die zweite Lautverschiebung ist ein phonetisches Merkmal der Entwicklung der deutschen Mundarten aus den germanischen Sprachen. Nach dieser Lautverschiebung können wir auch die deutschen Mundarten voneinander unterscheiden. Diese Veränderung wurde von Jacob Grimm (1785-1863) festgestellt und Lautverschiebung genannt.

Die 2. Lautverschiebung hat drei Fälle:

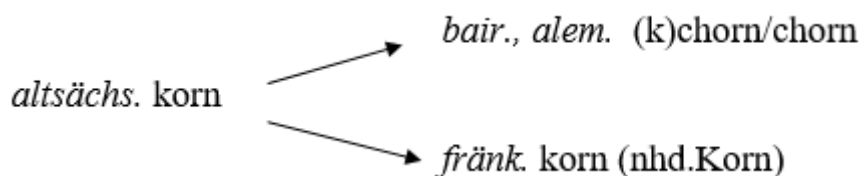
1. Die stimmlosen Verschlusslaute "p","t","k" wurden zwischen Vokalen und im Wortauslaut nach einem Vokal zu den hochdeutschen stimmlosen Reibelauten "f", " ", "h".

germ.	dt.	z.B.: altsächs.	Ahd
p	→ f (ff)	slapan	→ slafan
t	→ () [s]	etan	→ e an
k	→ h (hh)	ik	→ ih
		skip	→ skif (nhd.:Schiff) (engl.:ship)

2. Diese Laute "p","t","k" wurden im Wortanlaut, in der Verdopplung und nach dem Konsonanten im Wortauslaut zu den Affrikaten pf, z, kch.

germ.	ahd.	z.B.: altsächs.	ahd.
p	→ pf	pund	→ pfunt
t	→ z	tunga	→ zunga
k	→ kch (ch)	korn	→ (k)chorn [khorn]
		werk	→ wërch (nhd.Werk)

Die Verschiebung k → kch bleibt in bairischen und alemannischen Dialekten, aber verbreitet sich nicht in anderen.

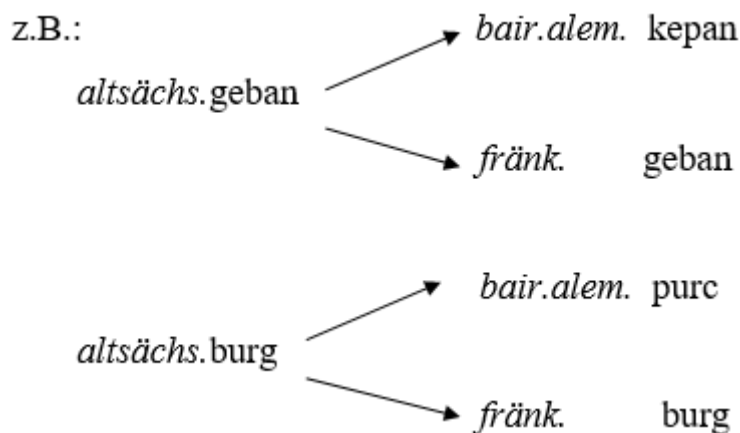

3. Die stimmhaften „b“, „d“, „g“ haben ihre Stimmhaftigkeit verloren, sie wurden zu den stimmlosen „p“, „t“, „k“.

germ.	ahd.	z.B.: altsächs.	ahd.
b	→ p	geban	→ kepan
d	→ t	dogs	→ tag
g	→ k		

Aber allgemeine Geltung hat nur d → t;

b → p und g → k bleiben beschränkt in Bayrischen und Alemannischen.

3. Das System der althochdeutschen Konsonanten, Vokale und Diphthonge

Der Konsonantenbestand des Ostfränkischen, der dem Konsonantenbestand der Literatursprache am nächsten steht, sieht so aus:

stimmlose Explosivlaute:	<i>p</i>	<i>t</i>	<i>k</i>	<i>k</i>
stimmhafte Explosivlaute:	<i>b</i>	<i>d</i>	<i>g</i>	
stimmlose Frikaivlaute:	<i>f (ff)</i>	<i>, s</i>	<i>hh (ch)</i>	<i>h</i>
stimmhafte Frikativaute:		<i>th (dh)</i>		
Affrikaten:	<i>pf</i>	<i>z [ts]</i>		
Faringale (Kehlkopflaute):	<i>h</i>			
Liquiden:	<i>l</i>	<i>r</i>		
Nasale:	<i>m</i>	<i>n</i>		
Halbvokale		<i>w</i> (gesprochen wie e. <i>water</i>)		
<i>f (v)</i> : <i>fater, vater</i> ‚Vater‘; <i>fogal, vogal</i> ‚Vogel‘;				
<i>p</i> : <i>plagen</i> ‚plagen‘, <i>spati</i> ‚spät‘; <i>b</i> : <i>berg</i> ‚Berg‘, <i>boum</i> ‚Baum‘;				
<i>pf (ph)</i> : <i>pflanza, phlanza</i> ‚Pflanze‘, <i>apful, aphul</i> ‚Apfel‘;				
<i>th, dh</i> []: <i>ther, dher</i> ‚der‘, <i>thionon, dionon</i> ‚dienen‘;				
<i>t</i> : <i>tiufi</i> ‚tief‘, <i>tot</i> ‚tot‘; <i>d</i> : <i>dri</i> ‚drei‘, <i>diot, thiot</i> ‚Volk‘				
<i>z [ts]</i> : <i>zit</i> ‚Zeit‘, <i>zuo</i> ‚zu‘; <i>s</i> : <i>sunu, sun</i> ‚Sohn‘, <i>sunna</i> ‚Sonne‘;				
<i>z</i> (,): <i>tha</i> ‚das‘, <i>wa ar</i> ‚Wasser‘;				
<i>h (ch)</i> [x]: <i>suohhen, suochen</i> ‚suchen‘, <i>sprehhan, sprechen</i> ‚sprechen‘;				
<i>h</i> [h]: <i>hano</i> ‚Hahn‘, <i>sehan</i> ‚sehen‘;				
<i>k (c, ch)</i> : <i>klostar</i> ‚Kloster‘, <i>akar, ackar, accar, acchar</i> ‚Acker‘				
<i>g</i> : <i>garto</i> ‚Garten‘, <i>weg</i> ‚Weg‘; <i>j (i)</i> : <i>iar, jar</i> ‚Jahr‘;				
<i>h</i> : <i>hwer</i> , später <i>wer</i> ‚wer‘, <i>hwila</i> , später <i>wila</i> ‚Zeit, Weile‘;				
<i>qu</i> [k]: <i>queman</i> ‚kommen‘, <i>quedan</i> ‚sagen‘;				
<i>l</i> : <i>leren</i> ‚lehren‘, <i>helfan</i> ‚helfen‘; <i>r</i> : <i>regan</i> ‚Regen‘, <i>dorf</i> ‚Dorf‘;				
<i>m</i> : <i>min</i> ‚mein‘, <i>kempfo</i> ‚Kämpfer‘; <i>n</i> : <i>neman</i> ‚nehmen‘, <i>kind</i> ‚Kind‘;				
<i>w (uu, u)</i> : <i>weg, uueg, ueg</i> ‚Weg‘, <i>zwifalon, zuuifalon</i> ‚zweifeln‘;				

Literaturverzeichnis

1. Moskalskaja O.I. Deutsche Sprachgeschichte. Moskau, 1977.
2. Sinder L.R., Strojewa T.W. Einführung in das Studium der deutschen Sprachgeschichte. L., 1977.

DIE HISTORISCHE SYNTAX DER DEUTSCHEN SPRACHE

Mamatov R.R.

Der Lehrer des Lehrstuhls «des Usbekischen, der Pädagogik und der Psychologie»,
die Landwirtschaft für die Andijaner Hochschule, Usbekistan, Andijan

Die Rede geht in diesem Artikel um die historische Syntax der deutschen Sprache. Die Syntax studiert den Satzbau. Die historische Syntax der deutschen Sprache studiert die Entwicklung des Aufbaus des deutschen Satzes.

Die Stichwörter: Syntax, Satzbau, Subjekt, Prädikat, Aussagesatz, Fragesatz, Satzform, Sprachgeschichte.

1. Die Wortstellung im einfachen Satz

Die herrschende Satzform in allen Perioden der deutschen Sprachgeschichte ist der zweigliedrige Satz.

z.B.: Er ist min scalk (*nhd.* Er ist mein Diener)

Subjekt + Prädikat

Her ward gifullit heilages geistes. (*nhd.* Er war vom heiligen Geist erfüllt.)

Der althochdeutsche Satz hatte auch wie gegenwärtige Sprache zwei Arten von Satzgliedern: Haupt- und Nebenglieder. Die Eigenschaft des Aufbaus der deutschen Gegenwartssprache ist die feste und bewegliche Ortstellung. Beweglich sind im Satz das Subjekt, das Objekt und Adverbiale. Elemente fester Ortstellung im deutschen Satz sind:

- a) feste Stelle des Prädikats für jeden Satztyp;
- b) die feste Stelle kongruierender Attribute (Voranstellung).

z.B.: Er hat heute im Kaufhof ein neues Hemd gekauft.

Subjekt, Objekt und Adverbiale sind auch im Althochdeutschen beweglich, d.h. sie können ihre Stelle verändern.

Die Stellung des Prädikats im Althochdeutschen war viel freier als jetzt.

z.B.: (1) Habe ik keweintot. (*nhd.* Ich habe geweint.)

(2) Eno bin ih iz, meistar? (*nhd.* Bin das ich etwa, Meister?)

Im Aussagesatz (1) steht das Prädikat an der ersten und letzten Stelle.

Im Fragesatz (2) steht das Prädikat "bin" an der zweiten Stelle.

Das Attribut konnte auch nach und vor stehen.

z.B.: 1) thar uuas ein man alter. (*nhd.* Da war ein alter Mann)

2) brahtun imo man stumman (*nhd.* Man brachte zu ihm einen stummen Mann)

Aber man trifft in den alten Sprachdenkmälern der althochdeutschen Zeit die Zweitstellung des Prädikats, die Vorstellung des Attributs viel mehr. Das war die Tendenz der Formulierung des deutschen Satzes.

z.B.: 1) Er floh in tha gibirgi. (Zweitstellung des Prädikats)

(*nhd.* Er floh ins Gebirge.)

2) Also die alten liuti dahton. (Vorstellung des Attributs)

(*nhd.* So dachten die alten Leute.)

Die feste Stellung des Prädikats und Attributs formulierte sich im Neuhochdeutschen vollständig. Die verbale Klammer war in der althochdeutschen Zeit auch noch nicht formuliert, aber Ansätze zu ihrer Entwicklung sind bereits vorhanden.

(*nhd.* Er hob die Kriegsfahne auf)

ahd. Her uuas cund themo bisgoffe. ← (Kontaktstellung)

(*nhd.* Er war dem Priester bekannt).

ahd. Her fragen gistuont fohem uuortum. ← (Kontaktstellung)

(*nhd.* Er begann mit wenigen Worten zu fragen.)

2. Die Negation im Satz

Die Negation wurde im Althochdeutschen durch die Partikel *ni* (*ne*), *nie* ausgedrückt. Im Gegensatz zur Gegenwartssprache ist im Althochdeutschen die doppelte Negation verbreitet.

z.B.: *ahd.* Nihein tharinne ni bileib. (*nhd.* Niemand war dort geblieben.)

ahd. Nioman ni mag zuuein herron thionon.

(*nhd.* Niemand / Keiner kann zwei Herren dienen.)

3. Das Satzgefüge

Die Satzreihe hatte im Althochdeutschen keinen wesentlichen Unterschied von der modernen. Das Satzgefüge aber hatte folgende Eigenschaften.

Das Satzgefüge der althochdeutschen Sprache entsteht ebenso wie im Neuhochdeutschen in dem Fall, wenn ein vollständiger Satz an Stelle eines Satzgliedes tritt.

Als Hauptmittel der Unterordnung dienten die Konjunktionen, einige Pronomen, Adverbialien und Partikel. Die Anzahl der Bindeelemente war geringer als in der neuhochdeutschen Sprache, und sie hatten oft andere Bedeutung.

ahd. *nhd.*

ibu *wenn, falls*

oba *ob*

uuante *weil, da*

bittiu *weil, da*

tha *daß*

zu thiū *damit*

z.B.: *ahd.* oba her suntig ist, ni uuei

(*nhd.* ob er sündig ist, weiß ich nicht.)

ahd. ni mag ih, thoh ih wolle.

(*nhd.* Ich kann nicht, obwohl ich will.)

Die Endstellung des Prädikats, die in der Gegenwartssprache eines der prägenden Merkmale des konjunkionalen Satzgefüges ist, war im Althochdeutschen noch nicht die Regel. Auch die Teile des zusammengesetzten Prädikats hatten noch keine feste Stellung. Das finite Verb konnte in absoluter Schlussstellung nach dem infiniten Verb stehen (wie in der Gegenwartssprache), oder dem infiniten Verb vorangehen.

z.B.: 1) So *tha* uuard als gendiot, koron uuolda sin god.

(*nhd.* Als das allesbeendet war, wollte Gott ihn prüfen.)

2) *tha* bin ih, giloube mir, ih hiar sprihu mit dir.

(*nhd.* Glaube mir, das bin ich, der hier mit dir spricht.)

3) *thu* weist, *tha* ih thih minnon.

(*nhd.* Du weißt, dass ich dich liebe.)

Der Entwicklungsgrad einiger Typen der Nebensätze war viel niedriger als in der Gegenwartssprache. Als Beispiel können hier die Vergleichsätze dienen. Die gegenwärtige Sprache besitzt einige streng zu unterscheidende Unterarten von Vergleichssätzen. Das sind.

Literaturverzeichnis

1. Deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie. Herausgeber W.Fleischer u.a. 1.Auflage. Leipzig, 1983.
2. Арсеньева М.Г., Балашова С.П., Берков В.П., Соловьёва Л.Н. Введение в германскую филологию. М., 1980.

**КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ВТОРОСТЕПЕННЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНА
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»**

Азаренко Н.А.

доцент кафедры русского языка и литературы, канд. филол. наук, доцент,
Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова Тян-Шанского, Россия, г. Липецк

В статье анализируется языковое представление творческой метафоры Ф.М. Достоевского на материале романа «Подросток». Посредством дешифровки метафорики романа может быть исследована не только православная картина мира Достоевского в целом, но и особенности его идиолекта в частности.

Ключевые слова: метафорический перенос, концептосфера, метафорика.

Метод христологической метафоризации персонажей и пространства, как организующий художественное пространство романов Достоевского, нашел свою реализацию и в романе «Подросток». Связано это в первую очередь с тем, что все послекаторжные тексты Достоевского находятся в рамках религиозной концептосферы, а большинство религиозных концептов относятся к классу абстрактных сущностей, основным способом концептуализации которых является метафорический перенос как «единственный способ воплотить в чувственном образе бестелесную и труднодостижимую абстракцию» [2, с. 57].

Так, на наш взгляд, образ Макара Ивановича Долгорукого можно рассматривать в качестве метафоры Богоприсутствия [см. об этом: 1]. Образу Макара Долгорукого, а также Софьи Андреевны в романе противостоят «пороговые» персонажи, в сердцах которых, выражаясь словами самого Достоевского, борются Бог и дьявол. К таковым относятся все персонажи романа, за исключением рассмотренных выше, в том числе второстепенные.

Молодой князь Сокольский, например, явно наделяется Достоевским inferнальной метафорикой: мы читаем о том, что в нем являлось «*что-то злобно оскаливающееся*» [3, с. 176]; его действия характеризуются с помощью обстоятельства, выраженного наречием «*свирепо*» (выпрямился в кресле) [3, с. 186] и определения со сравнительным значением «*точно готовый броситься*» [3, с. 186]. Все перечисленные лексемы определенно выражают контекстное значение «зверь», характеризующегося в языке Достоевского демонической отнесенностью.

На inferнальную метафоричность образа молодого князя Сокольского указывает и то, что он воспользовался *«сумасшествием» «бедной сумасшедшей», «идиотки»* – падчерицы Ахмаковой [3, с. 371]. Напомним, что оскорбить «идиота», юродивого, так же как ребенка, в соответствии с народно-правовой традицией, – большой грех, обычно приводящий обидчика-осквернителя к смерти, что мы и наблюдаем в случае с князем Сережей.

Однако в большинстве героев Достоевского, даже в определенно «темных» или «светлых», борются Бог и дьявол, и Сережа Сокольский не исключение. На «светлую» метафору указывает, например, то, что именно покаяние и раскаяние называются князем Сережей *«княжеским выходом из беды»*. Если учитывать отношения тождества с лексемами «покаяние» и «раскаяние», то значение существительного «княжество» в данном контексте нужно определить как «духовное княжество».

Еще один «демонический» персонаж романа – Ламберт. Описание его внешности (*«с горбатым носом, с белыми оскаленными... зубами... лицо как маска»*) [3, с. 274]) очень похоже на портреты inferнально метафоризованных персонажей других романов «Пятикнижия» – Свидригайлова из «Преступления и наказания», Гани Иволгина из «Идиота», Николая Ставрогина из «Бесов» и частично Федора Павловича Карамазова из «Братьев Карамазовых». У первых трех героев «лицо как маска», что явно указывает на способность к оборотничеству, являющемуся непеременимым атрибутом поведения бесов. Оскаленные зубы у Ламберта и Ставрогина столь же ясно имплицитно означают «зверь». «Горбатый нос», так же как «нос крючком» у старика Карамазова, отсылает наше воображение к наиболее типичным изображениям сатаны и его слуг – бесов. Как видим, все языковые средства, используемые в портрете Ламберта и однопорядковых персонажей, достаточно последовательно имплицитно означают inferнальное значение.

Художественным «повторением» бесовской «пятерки» из «Бесов» является кружок молодежи, членов которого впоследствии застрелившийся Крафт назвал *«помешанными»* [3, с. 54] (корень слова, видимо, призван указать на смешение нравственных ценностей) и где тот же Крафт определил русский народ как *«материал для более благородного племени»*, не имеющий *«своей самостоятельной роли в судьбах человечества»* [3, с. 44]. Кошунственность этого определения становится ясной, если вспомнить, что сам Достоевский считал русский народ избранным, предназначенным для мессианской роли.

Как видим, метафорика второстепенных персонажей романа позволяет читателю прочесть все образы произведения в нужном Достоевскому религиозном ключе.

Список литературы

1. Азаренко Н.А. Языковая реализация образа-метафоры «Боготворчества» в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (36). Часть 2. С. 15-17.
2. Воркачев С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели). Волгоград: Перемена, 2003. С. 57.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 13. Л., 1972-1990.

ПОНЯТИЕ СЛЕНГА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Аллахверанова Р.Х.

Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации,
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Архангельск

В статье рассматривается понятие сленга как неотъемлемой части языка и речи, являющегося одним из основных проблематичных аспектов лексикологии. Сегодня можно наблюдать «экспансию» сленговой лексики во всех сферах человеческой деятельности: единицы сленга употребляются на радио и телевидении, в прессе, литературе, в сети Интернет, в устном общении людей практически всех возрастов, социальных групп и классов.

Ключевые слова: сленг, лингвокультурная среда, литературный стандарт.

Сленг – это лексический пласт языка, который функционирует в различных группах людей и связан с нарушением норм литературного языка. Употребление различных видов сленга (молодежного, театрального, компьютерного, армейского и др.) зависит от социального статуса носителей, ситуации, речевого поведения. Использование в речи сленга необходимо для обозначения предметов, о которых говорят в повседневной жизни.

Ф. Гроуз в 1785 году ввел термин «сленг» как синоним для «кент» в свой знаменитый словарь «низкого» языка: slang – cant language. Вследствие авторитета работы Ф. Гроуза (словарь был очень популярен и считался эталоном) последующие авторы словарей «низкого» языка стали связывать сленг с кентом, как слова из одного источника – секретного языка странствующих нищих – цыган, к тому же в цыганском lingo функционировало слово slang [4].

В конце XIX века сленг стали рассматривать как заимствование из скандинавских языков. Г. Уайлд и Э. Уикли считают, что у него общее происхождение с норвежскими slenja-ord – «новое сленговое слово», slenja-namm «прозвище» и slenja-kjeften в значении «ругать, оскорблять кого-либо». В английском языке также существует аналогичная идиома с таким же значением «to sling the jaw», которая на данный момент является уже устаревшей [4].

В XX веке было установлено, что слово сленг соотносится с глаголом to sling – to utter (говорить, высказываться), что подтверждает существование таких сочетаний как sling words, засвидетельствованные еще в эпоху Чосера, а также некоторых поздних сленговых сочетаний с тем же глаголом: sling language – to talk (разговаривать); sling the language – to speak a foreign language (разговаривать на иностранном языке) [4].

Сленг состоит из слов и фразеологизмов, которые возникли и первоначально употреблялись в отдельных социальных группах и отражал целостную ориентацию этих групп. Став общеупотребительными, эти слова в основном сохраняют эмоционально-оценочный характер, хотя иногда «знак» оценки изменяется.

На проблему выделения или не выделения сленга из ряда других и как понятия, и как термина у отечественных языковедов существует несколько точек зрения.

И.Р. Гальперин в своей статье «О термине «сленг», ссылаясь на неопределенность этой категории, вообще отрицает ее существование. Его аргументация основана на результатах исследований английских ученых лексикографов, которые показали, что одно и то же слово в различных словарях имеет различное лингвистическое признание; одно и то же дается с пометой «сленг», «просторечие» или без всяких помет, что свидетельствует о соответствии литературной норме языка [4].

Береговская Э.М. подтверждает тезис о постоянном обновлении словарного состава сленга. Она указывает на доминирование репрезентативной функции языка, как системного субъекта над коммуникативной путем сравнительного анализа, она доказывает правомерность высказывания о том, что зарождение новых словарных единиц происходит именно в столицах, а уж потом происходит их перемещение на периферию [3].

В отечественной лингвистике наиболее развёрнутое определение сленга дано В.А. Хомяковым. Сленг, по его мнению, «особый периферийный лексический пласт, лежащий как вне пределов разговорной литературной речи, так и вне границ диалектов общенационального английского языка, включающий в себя, с одной стороны, слой специфической лексики и фразеологии профессиональных говоров, социальных жаргонов и аргос преступного мира, и, с другой, слой широко распространённой и общепонятной эмоционально-экспрессивной лексики и фразеологии нелитературной речи» [14].

По мнению Дж.Х. Мак-Найта, сленг представляет «a form of colloquial speech created in a spirit of defiance and aiming at freshness and novelty» (форму разговорной речи, созданной в духе неповиновения и нацеленности на оригинальность и новизну) [5].

Таким образом, сленг рассматривается как сознательное, преднамеренное употребление элементов литературного стандарта в разговорной речи в чисто стилистических целях: для создания эффекта новизны, необычности, отличия от общепризнанных образцов, для отражения определённого настроения говорящего, для придания высказыванию конкретности, живости, выразительности, краткости, образности. Данную точку зрения разделяет большая часть исследователей.

Список литературы

1. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания / Э.М. Баранникова. – 1996. – №3. С. 32-41.
2. Гальперин И.Р. О термине «сленг» // Вопросы языкознания / И.Р. Гальперин. 1956. № 6. С. 107-114.
3. Маковский М.М. Современный английский сленг. Онтология, структура, этимология / М.М. Маковский. – М., 2009. 234 с.
4. Хомяков В.А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия/В.А. Хомяков. – Вологда: Министерство просвещения ОСФСР Вологодского гос. пед. ин-та, 1971. 381 с.
5. Partridge E. Slang To-Day and Yesterday. London, 1960. 215p.

ЭВОЛЮЦИЯ КИТАЙСКИХ ФОРМАНТОВ В ЯЗЫКЕ ЯПОНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЭПОХИ ХЭЙАН

Антонов И.И.

студент 3 курса факультета Востоковедения и истории,
Тихоокеанский государственной университет, Россия, г. Хабаровск

Кривошеева Е.И.

доцент кафедры восточных языков, канд. филол. наук,
Тихоокеанский государственный университет, Россия, г. Хабаровск

Исследование письменных языков с точки зрения изучения образования и развития литературных языков, а также с позиции типологии как направления в лингвистике, изучающего способы смены систем и подсистем в структуре языка с использованием знаков «чужого языка», представляет собой значительный, интерес. Среди них японский язык выделяется как единственный язык современной нации, весьма широко использующей в письменном общении для записи текста знаки «чужого языка». В статье проводится анализ эволюции китайских формантов в текстах на *камбуне* и *вабуне*, на материале произведений эпохи Хэйан 日本霊異記 (*Нихон рёики*) и 源氏物語 (*Гэндзи моногатари*).

Ключевые слова: камбун, вабун, иероглифы, гонорифические префиксы.

Жители Японии в конкретных исторических условиях формирования японского этноса и японского государства (расцвет китайской культуры) были поставлены перед необходимостью создавать совершенно новые виды языковой деятельности из ее старых видов. Имея в арсенале только звуковой язык, они для начала изобретают метод прочтения китайских иероглифических текстов по-японски, разрушив при этом нормы китайского языка. С помощью 漢文 *камбун* – японизированного стиля китайского письма, японцы сумели зафиксировать свою историю, составить этнографические и географические описания страны и записать свои мифы, легенды, стихотворения и песни. Изменения в фонетической записи исконных китайских элементов на письме стало толчком к появлению 和文 *вабун* – варианту письма, обращенного к народу, для которого использовалась все та же, уже знакомая японцам, китайская языковая база, но с весомой долей японских письменных нововведений. До сих пор ведутся дебаты относительно удельного веса китайских и японских элементов в японских письменных памятниках, что весьма затрудняет определение языковой принадлежности текстов [5, с. 30].

Проследим эволюцию использования китайских грамматических, лексических и графических формантов в японских текстах эпохи Хэйан (8-12 вв) с опорой на два письменных памятника: 日本霊異記 (*Нихон Рёики*) «Записи о чудесах дивных воздаяния прижизненного за добрые и злые дела, случившихся в стране Японии», составитель Кё:кай и 源氏物語 (*Гэндзи Моногатари*) «Повесть о Гэндзи», автор Мурасаки Сикибу.

Позволим себе небольшое отступление, объясняющее почему именно эти произведения были выбраны для анализа. Главы романа 源氏物語 (*Гэн-*

дзи Моногатари) не подвергались серьезной цензуре и исправлениям, свойственной соответствующей исторической эпохе. Текст изобилует выражениями образности и выразительности, основанного на множественных оборотах, прилагательных, различных форм глагола и наречиях, которые не встречаются в текстах на *камбуне*. Составитель же 日本霊異記 (*Нихон Рёики*) – некто Кё:кай являлся одним из немногих представителей – しどす *shidosu* «частных» священников, чьи работы, как правило, не проверялись государственной системой Рицурё¹, что позволяло пусть небольшую, но все-таки свободу в текстах.

Грамматика.

1. Гонорифические префиксы. В литературных произведениях, написанных на *вабуне*, первое, что бросается в глаза – это система префиксов вежливости. Самым ярким примером является префикс 御. В современном японском языке он читается, как «go».

御遊びも珍しき。。。 [4, с. 156]

Goasobi mo mezurasiki.

В текстах же на *камбуне* он предстает в сочетаниях с другими иероглифами как показатель наивысшей степени уважения по отношению к старшим или вышестоящим, например, императору – 宇御 – «ugyo» – «тот, кто ведет за собой все сущее».

輕島豊明宮宇御誉田(命)天皇代 (270–310)。 [3, с. 56]

Karusima notoyo akira nomiya ugyou honda tennou dai.

В текстах на *камбуне* префикс мог иметь и другой чтение – «mi», при использовании в качестве простейшего префикса вежливости, или же для отображения уровня важности кого-либо объекта или действия. Так, например, *mikoto* означало: дело первостепенной важности, обращение к некоторым из богов, а также людей, приравниваемых к ним. Однако в *вабуне* префикс принимает форму элемента особой речи и приобретает новое чтение *on*, которое сохраняется и до наших дней, хотя и принимает более приземленную форму и встречается в тексте гораздо реже.

2. За счет адаптации китайского языка к отображению японского звучания некоторые грамматические формы претерпели изменения в чтении, а некоторые и вовсе утратили первоначальный смысл. Так, форма べし *beshi*, несущая смысл долженствования (в большей степени долга и чести по отношению к себе, в текстах на *вабуне* читается, как べき *beki*, и, хотя она и несет похожую функцию, но с менее официальным оттенком.

¹ В дофеодальный период в Японии в процессе образования централизованного государства появилась необходимость создания общегосударственных письменных правовых норм, регулирующих разные стороны жизни общества. Этот процесс был ускорен заимствованием иероглифической письменности из Китая в течение VI-VII вв. и распространением буддизма. Это привело к появлению крупных законодательных актов, в том числе и «Свода законов Тайхо рицурё» (702-718).

吾不可独自封殖。[3, с. 59]

Ware hitori houshoku subeshi kara:zu.

壓さるべき。[4, с. 144]

Osarubeki.

3. Некоторым изменениям подверглось и оформление побудительных конструкций. Так в *камбуне* каузатив передавался через глагол в форме 未然形 *mizenkei* + окончание シム *shimu*. Но для полного отражения ситуации, описываемой в тексте, в начале предложения располагалось дополнение, позволявшее определить к какому именно типу относится данная конструкция – приказу, просьбе, наставлению, поручению и т.п.

Наиболее употребляемые дополнения:

使=遣一ヶ人 (оттенок поручения, посылать за чем либо и т.п.)

令 (приказ, команда, директива)

教 (оттенок наставления)

Несмотря на удобство применяемой системы к 9 веку в текстах на *вабуне* она упрощается. Так на место シム, которое выходит из употребления, приходят す и さす. Выбор того или иного окончания основывается теперь на спряжении глагола, а не на причинно-следственной связи контекста, и изменяется в зависимости от формы глагола, к которой они присоединялись.

Графика.

1. Различия наблюдаются в оформлении падежей и союзов. Так все элементы, которые в *камбуне* передавались через иероглифическое письмо, в *вабуне* отображаются уже за счет использования слоговой азбуки *хирагана*.

之- род.падеж ノ/частица コレ

與- соединительная частица ヲ

2. Различия в выборе иероглифа для записи тех или иных слов. В *вабуне* часть иероглифов упрощалась или подменялись эквивалентами. Так, иероглиф «тело» – 身, отражавший в текстах на *камбуне* оттенок религиозного союза тела и души, в *вабуне* упрощается до формы – 体, отображающей физическую оболочку живого существа.

舊本眞書身。[3, с. 34]

Kyu:hon shinshoutai.

3. Формирование *вабун* стало также важным событием для развития часто употребляемого в современном японском языке знака 踊り字 – *одооридзи*, который выполняет функцию маркера повторения иероглифов. В *камбуне* мы можем встретить множество вариантов употребления, но чаще он заменялся своим старым названием ノマ *nota*, которое прописывалось различными способами. Иногда справа от текста, в других случаях после иероглифа, как часть текста.

Однако в *вабуне* маркер начинает принимать собственную графическую форму, чтение которой идентично предстоящему иероглифу. В слу-

чае озвончения, в правом верхнем углу ставилось *нигори* (показатель озвончения).

В лексике, написание которой состояло исключительно из хираганы, также использовался свой символ дублирования, во избежание повторного написания элемента. Чаще всего его можно встретить в устойчивых выражениях или грамматических конструкциях. Реже во вводных словах и оборотах.

Лексика.

1. Местоимение 我 *ware* – «я», отражавшее почтенное отношение к себе, некое эго, было заменено на более просторечное и неофициальное 私 *watasi/kusi*.

2. Появляются «сочетаемые» глаголы, за счет составления несуществующих глагольных единиц путем объединения элементов различных глаголов. Таким образом построен часто встречающийся в 源氏物語 глагол 見聞 < *mikiku* «видеть и слышать», однако в *камбун* такой феномен не присутствует. Для продолжения мысли чаще используется просто добавление еще одного предложения.

昔のためにし見聞くにも。[4, с. 168]

Mukashi no tame nishi mikiku ni mo.

В состав *камбуна* входили только четыре элемента, характеризовавшие базовые цвета – черный, белый, красный и сине-зеленый. Однако в *вабуне* цветовая гамма заметно расширилась. Интересным является тот факт, что большая часть такой лексики представляла собой уже присутствующие в письменности ранее слова. Так, например 紫 *murasaki* – фиолетовый ранее использовался для обозначения растения, из корней которого добывали данный краситель, используемый только в благородных кругах. А всем известное 緑(мидори) – зеленый ранее обозначал молодость, здоровье, и только в девятом веке приобрел переносное значение цвета, уже в текстах на *вабуне*. Приведем еще ряд примеров: にくし *nikusi* «ненавистный, противный», たいへん赤き(い) *taihen aki(i)* «ярко красный», つぎつぎし «подходящий, гармонирующий».

3. Одним из самых ярких примеров изменений на лексическом уровне стало появление огромного количества наречий в текстах на *вабуне*: ケン «и, одновременно»; 亦 - マタ «также, тоже»; よそ «другое место»; よろづ «все сущее»; もとより «не то, что прежде»; もし «в случае».

Подводя итоги, можно отметить, что по сравнению с каноничным *камбун*, *вабун* становится глотком свежего воздуха, который отражает окружающий мир через множественные прилагательные, новообразованные глаголы, наречия и деепричастные обороты, но при этом он сохраняет и яркий след присутствия китаизмов, которые, насыщаясь национальными чертами в лексике, графике, морфологии и синтаксисе, постепенно преобразовываются в более удобные японские варианты.

Список литературы

1. Akira Komai, Thomas H. Rohlich. An Introduction to Japanese Kanbun. Nagoya: The University of Nagoya Press, 1988. p. 130.
2. Bjarke Frellesvig. A History of the Japanese language – United Kingdom at the University Press, Cambridge, 2010. – p. 462.
3. Gunsho ruijū, Tōkyō 1902 (Keizai Zasshisha), Vol. XVI, Nr. 417, p. 20-116.
4. Murasaki Shikibu, Genji monogatari. Tokyo: Tokyo YHD, 1928. – p. 676.
5. Черевко К.Е. «Кодзики» («Запись о деяниях древности»), VIII в., и становление японского письменно-литературного языка: дис. ...докт. филол. наук. Москва, 2004. 251 с.

**ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕДАГОГОВ****Бекетова Е.Н.**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Архангельск

В статье рассматриваются особенности профессиональной коммуникации англоязычных педагогов. В современных условиях профессиональная самореализация англоязычных педагогов невозможна без профессиональной коммуникации на английском языке, которая необходима для приобретения и обмена знаниями по специальности, повышения профессионального уровня, а также научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, профессиональная самореализация, английский для специальных целей, англоязычные педагоги.

В последнее время всё большую актуальность приобретает такое направление в изучении иностранного языка, как «язык для специальных целей» (language for specific purposes – LSP) [3, с. 116]. Это обусловлено тем, что в условиях постоянно расширяющегося информационного пространства к специалистам, в том числе и педагогам, предъявляются все более высокие требования. Сегодня не достаточно просто обладать широким запасом знаний в профессиональной области. Интернационализация научной и образовательной деятельности преподавателей, создание транснациональных исследовательских проектов привели к возрастанию числа международных академических обменов и научно-практических конференций, рабочим языком которых традиционно является английский язык [4, с. 54].

В связи с вышесказанным, очень важным становится требование к профессиональным качествам педагогов. Квалифицированные специалисты должны обладать не только глубокими знаниями в профессиональной сфере, но также владеть иностранным языком и профессиональными навыками перевода. Сочетание высокого профессионализма и профессиональной мобильности в предметной области с глубоким знанием английского языка становится необходимым условием профессионального роста для педагогов, понимающих профессиональную коммуникацию, которую они должны быть способны осуществлять на высоком уровне. Таким образом, все более

востребованной категорией педагогов становится та, в которую входят преподаватели, способные к эффективному общению на английском языке.

В научно-педагогической литературе понятие «профессиональная коммуникация» понимается как коммуникация в рамках профессиональной сферы (Е.И. Голованова); коммуникация, в процессе которой конструируются профессиональные сообщества (А.Ю. Колянов); как процесс возникновения взаимопонимания в определенной предметной области (А.И. Каптерев); процесс обмена информацией между специалистами (Э.И. Рокицкая, В.А. Минкина) и т.д. [1, с. 70]. Основные задачи коммуникации в профессиональной сфере – это продуктивное сотрудничество, стремление к сближению целей, улучшение партнерских отношений.

Деловой стиль английского языка существенно отличается от разговорного в лексическом, грамматическом и стилистическом плане. Особенность английской деловой лексики заключается в том, что для каждой отрасли имеется своя специфика. Некоторые термины и выражения, имеющие в одной отрасли одно значение, в другой отрасли могут иметь совершенно другое значение. Таким образом, особенностью профессиональной коммуникации педагогов является профессиональный уровень знаний, когда необходимо не только знать название термина, но и уметь его правильно понять и употребить.

Коммуникация с коллегами, направленная на развитие профессиональной компетентности, является неотъемлемой составляющей деятельности педагогов. Согласно определению Н.А. Воробьевой, при осуществлении обмена информацией между представителями одной профессии «создаются профессиональные сообщества, характеризующиеся определенными нормами мышления, поведения и взаимодействия между их членами» [2]. Отличительной особенностью профессиональных сообществ педагогов является то, что информация, которой обмениваются участники, имеет преимущественно практический характер. Преподаватели обмениваются не только идеями, но и разработанными ресурсами: методическими разработками, дидактическими материалами, детальными планами занятий и т.д.

В целом, можно сделать вывод, что основными целями функционирования профессиональных сообществ англоязычных педагогов являются повышение квалификации (за счет ознакомления с новыми методами и технологиями) и повышение качества преподавания (за счет доступа к методическим разработкам).

Таким образом, владение английским языком становится не столько престижным, сколько обязательным атрибутом современного образования, а постоянно развивающиеся и расширяющиеся международные контакты, несомненно, требуют определенного уровня языковой подготовки преподавателей. Это означает, что профессиональная коммуникация на английском языке становится все более важной частью профессиональной деятельности преподавателей, а также возможностью их самореализации в межкультурном пространстве.

Список литературы

1. Воробьева Н.А. К постановке проблемы специфики профессиональной коммуникации в сфере образования // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 8. С. 67-72.
2. Воробьева Н.А. Структура профессиональной коммуникации в сфере образования // Письма в Эмиссия. Оффлайн: электронный интернет-журнал. 2009. Март. URL: <http://www.emissia.org/offline/2009/1314.htm>. (дата обращения 28.01. 2017).
3. Уткина Н.В. Стилистические особенности языка для специальных целей (LSP) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 10. С. 116 – 119.
4. Swales J.M. Research Genres. Explorations and Applications. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 54.

**ОБ УЧЕТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ КУЛЬТУРНО
МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ, ВЫСТУПАЮЩЕЙ В КАЧЕСТВЕ
ПРЕДМЕТА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ**

Васильева Г.М.

профессор кафедры межкультурной коммуникации, д-р филол. наук,
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена,
Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассматривается словообразовательный потенциал лексической группы наименований зимних температурных явлений. Выявляются те словообразовательные характеристики, которые свидетельствуют о культурной маркированности данной лексики, которая должна быть учтена в содержании обучения русскому языку иностранных студентов.

Ключевые слова: лингвокультурологический подход, культурно маркированная лексика, словообразовательный потенциал, словообразовательная разработанность, содержание обучения русскому языку как иностранному.

Как известно, лингвокультурологический подход к обучению русскому языку как иностранному делает акцент на культурно маркированной лексике, включение которой в содержание обучения требует от методистов, авторов учебников пристального внимания к нередко имплицитным для иностранных студентов маркерам культуры [2, с. 5-6]. Такие лексические группы нередко транслируют в язык тот или иной «код культуры», который понимается как «сетка, которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [4, с. 297]. По мнению исследователей, в качестве культурного кода может выступать любая чувственно воспринимаемая часть действительности: небесные тела, явления природы, растения и животные, артефакты и т.д.), получающая в языке культурно маркированную интерпретацию.

К таким культурно маркированным группам исследователи относят и небольшую группу наименований зимних температурных явлений [6, с. 15],

транслирующая так называемый «стихийный код» культуры, связанный с погодными, атмосферными и температурными явлениями. Согласно идеографическим словарям русского языка, данную группу составляют синонимы: *холод, холода, мороз, морозы, стужа*, лингвокультурологический потенциал которых проявляется не только в семантике названных лексем, но и в их словообразовательных возможностях.

Словообразовательный потенциал данной группы неоднороден. Согласно данным «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова [5], лексемы *мороз* и *холод* имеют соответственно 118 и 173 деривата, в то время как лексема *стужа* не имеет словообразовательных вариантов, поскольку является дериватом глагола *студить*.

Наряду с общими моделями сочетаемости, лексемы *мороз* и *холод* характеризуются специфическими словообразовательными моделями. Например, лексема *холод* образует четыре деривата со значением высокой степени интенсивности явления (холодина, холодище, холодюга, холодюка), относящихся к сфере разговорной речи, в то время как лексема *мороз* имеет только один словообразовательный вариант подобного рода (морозище – *разг.*).

Другую словообразовательную особенность составляет тот факт, что среди дериватов лексемы *холод* зафиксировано несколько единиц с уменьшительно-ласкательным значением, образованных с помощью суффиксов -еньк-, -ехонек-, -ешенек- (например, холодненький, холоднехонек, холоднешенек).

Показателен и тот факт, что неполногласным формам данных лексем (*хлад – устар., мраз – устар., поэт.*) соответствует различное количество словоформ: *хлад* (*хладный, хладно, хладность, хладеть*); *мороз* (*мразный*).

Лексема *холод* имеет большее количество дериватов – сложных слов, образованных при помощи соединительного гласного -о-, таких как *холодостойкий, морозоустойчивый* (*мороз – 8, холод -29*). Еще одной особенностью лексемы *холод* является наличие дериватов, образованных при помощи префикса пре- и обозначающих самую высокую степень называемого признака (*прехолодный, прехладнокровный*).

Культурно информативным является то обстоятельство, что лексему *холод* характеризует наличие дериватов, употребляющихся в переносном значении (*хладнокровный, прохладдаться, расхолаживаться*), в то время как в словообразовательном гнезде с вершиной *мороз* таких единиц не зафиксировано.

Представляется, что при формировании содержания обучения русскому языку как иностранному необходимо учитывать словообразовательный потенциал лексики. Прежде всего, важным фактором является широта словообразовательных связей, или так называемая «словообразовательная разработанность», имеющая и культурологическое значение. Так, согласно известному замечанию А. Вежбицкой, активность уменьшительно-ласкательных суффиксов свидетельствует как об общей эмоциональности русского языка, так и об особом отношении к тем классам явлений, которые обозначаются уменьшительно-ласкательными формами [3, с. 49-50].

Далеко не все словообразовательные дериваты должны быть включены в содержание обучения русскому языку. Например, устаревшие лексемы (мраз и др.), специальные слова (хладоящик и др.), стилистически сниженная лексика (холодюка, холодюга и др.) не должны быть включены в предмет обучения, предназначенный для активного владения.

Особого внимания в иностранной аудитории требуют те единицы, которые имеют значительную словообразовательную активность, а также те, которые образованы с помощью специфических культурно маркированных средств. Ввиду необходимости эксплицировать в иностранной аудитории ценностно-оценочное содержание лексики [2, с. 22], необходимо обращать внимание на те словообразовательные средства, которые выражают субъективное, эмоционально-оценочное отношение говорящего, например, суффиксы субъективной оценки (холодненький, морозец и др.), а также, например, префиксы, выражающие высокую степень интенсивности явления (прехолодный).

Таким образом, лингвокультурологический потенциал словообразовательных возможностей культурно маркированной лексики должен быть учтен при формировании содержания обучения русскому языку иностранных студентов.

Список литературы

1. Васильева Г.М. Лингвокультурологические основания изменения языковой оценки // Мир русского слова. 2012. № 1. С. 22-25.
2. Васильева Г.М. Умом Россию не понять. Пособие по русскому языку для студентов-иностранцев. – СПб.: Изд-во «Сударыня», 2000. 116 с.
3. Вежбицка А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
4. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
5. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. – М.: Русский язык. 1990.
6. Чоудхури О.Л. Номинативное поле концепта «зима» как предмет обучения русскому языку финских студентов. АКД на соискание ученой степени кандидата педагогических наук, СПб, 2011, 24 с.

СЕМАНТИКА ЛОКУСА САДА В ПРОЗЕ А. ГРИНА

Григорьева Л.П.

доцент кафедры истории русской литературы, канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, г. Санкт-Петербург

В статье обозначен спектр значений локуса сада в текстах А.Грина, определен уровень его актуализации в разные периоды творчества писателя.

Ключевые слова: сад, город, трансцендентализм, эпифания, свет.

Локус сада – один из сквозных пространственных элементов гриновского текста наряду с локусами дома, леса, океана, дороги, обладающий зна-

чительным смысловым потенциалом, обеспеченным не только его изначальной мифологичностью и архетипичностью, но и авторскими этико-эстетическими приоритетами. Сохраняя свой общий смысл – антихаосогенность, модель сада отражает смену авторских мировоззренческих приоритетов на протяжении трех десятилетий. Семантика гриновского садового локуса в ранних текстах определяется спецификой процесса символизации «садово-паркового» образа, который наблюдается в русской культуре рубежа XIX-XX веков. Символизм актуализировал романтическую традицию в презентации садового локуса.

В литературе о Грине отмечалась «особая психологическая и смысловая значимость пространства» [2] в текстах писателя, и сад как один из периферийных пространственных элементов готов в ряде текстов обрести статус «ядерного». Особенно заметна эта тенденция в текстах раннего периода, отмеченных скептическим отношением автора к популярным в начале XX века утопическим цивилизационным проектам. Гриновский садовый (и шире – природный) текст ассимилирует одну из доминантных идей американских романтиков, связанную с представлением их о миссии художника, способного и должного выявить в природе нравственный смысл. В семантике садового локуса обнаруживает себя (возможно, через рецепцию романтических текстов Ф. Купера) близкая трансценденталистам (Р. Эмерсон, Г.Торо) «антицивилизационная» позиция автора, эксплицированная в мотиве деурбанизации; локус сада соотносится с архетипом Эдемского сада и альтернативен «лабиринтному» локусу города; в ранних текстах концепт *сад* является составляющей смысловой оппозиции *сад vs город*. Сад, где в уединении влечет думать о вечном, приобретает статус символического пространства, созданного человеком с целью спасения от цивилизационного гнета. Смысловая структура гриновского сада учитывает романтическую версию свободы, одиночества, уединения, что проявляет себя и в его композиции, ориентированной на ненормативную эстетику, на нерегулярный пейзажный сад.

Коррелятом эмерсоновской идеи физического труда и жизни на природе является модель сада, представленная в одном из первых рассказов Грина «В Италию», в котором подчеркнут статус сада как «смешанного» локуса, включающего компоненты природы и цивилизации (естественность и рукотворность): «Это был небольшой, но густой и тенистый оазис, заботливо выращенный несколькими поколениями среди каменных громад шумного города» [1, т.1, с.78]. Пространство городского сада в ранних текстах Грина надежно защищено оградой – знак пространственной замкнутости сакрального места. В описании структуры сада обращает на себя внимание эпитет *старинный*, отсылающий к локусу русской усадьбы, который Грин будет эксплуатировать в качестве знаковой характеристики при описании садового локуса в последующих текстах. Описанием старинного городского сада открывается рассказ этого же периода «Игрушка»: «Это был старинный провинциальный сад, изрезанный вдоль и поперек неправильными тропинками... Огромные столетние липы и березы почти закрывали небо, в их влажной сочной тени было так хорошо прилечь, наблюдая красногрудых снеги-

рей, прыгавших по земле» (1, 231). Композиция текста, включающая в себя эпизод насилия (дети, подражая взрослым, играют в «жизнь», пытаясь «казнить» котенка; герой-повествователь не допускает этого) и размышления о специфике революционной эпохи, эксплицируют интенцию автора, помещившего садовый гармоничный локус в сильную позицию, найти альтернативу «мозговой игре».

В рассказе «Карантин» отказ автора от революционных амбиций получает характер декларации. Описание сада находится также в сильной позиции, первая же лексия эксплицирует эпифанический мотив, обнаруживая главную его составляющую – *свет*: «Сад ослепительно сверкал, осыпанный весь, с корней до верхушек, прозрачным благоуханным снегом... Свет этот, подобно дождевому ливню, катился сверху, как золотистый шелк на тело красавицы...» (1, 115). Герой готовится совершить террористический акт, ждет указаний от «товарищей», но созерцание природы и осознание присутствия в ней божественного величия инициируют изменение его сознания: «Сергей вышел в сад, где смеющееся солнце золотилось и искрилось в зелени, как дорогое вино... и благоухал пушистый снег яблонь, он почувствовал, что тревога и раздражение сменяются в нем приливом утренней бодрости и выжидательного равнодушия ко всему, что скажет и сделает Валерьян» (1, 129). Он переживает в саду эпифанические мгновения. Красота сада, картина которого создается набором лексикодов, отсылающих к архетипу рая (*свет, ослепительный, сверкать, золотистый, нежный, тихий, замороженный, девственный*), пробуждает в герое витальный инстинкт; он отказывается от попытки изменить природно совершенный мир, который становится «исходным пунктом восстановления взорванного духовного мира» [2, с. 63].

Мгновения внутреннего просветления персонажа в другом рассказе этого периода («Телеграфист из Медянского бора») инициированы софийным образом садового усадебного локуса, включающим в себя известный мотив вечной женственности [4, с. 21], занимающий, по общему мнению, одно из центральных мест в художественной системе Грина. Образы усадебного сада и «души усадьбы», «уездной русской барышни» побуждают героя к саморефлексии: «И казалось ему, что там, за далекими, такими маленькими отсюда, деревьями сада, у тихого пруда и в аллее, где солнце обжигает розовые кусты, и в комнате, где живет милая, беззаботная женщина, осталась живая боль его собственного, тоскливо загоревшегося желания спокойной, ласкающей жизни, без нервной издерганности и беспокойства, без вечного колебания между страхом тяжелой циничной смерти и полузадушенным голосом молодого тела, властно требующего всего, что дает и протягивает человеку жизнь» (1, 240). Инициированный образом сада мотив покоя и гармонии трансформируется в мотив мировой гармонии в рассказе «Трагедия плоскогорья Суан». Героиня под влиянием ночной мистики сада ощущает себя частицей космоса.

В текстах 10-х годов внимание Грина к локусу сада снижается, что отчасти связано с общей тенденцией в репрезентации садового локуса в литературе Серебряного века. Исследователи отмечают потерю интереса поэтов

именно в 10-е гг. к «саду символов», отмечая, что в этот период в поэзии совершается постепенный переход к «простому саду». Грина как писателя «символического», по его же собственному определению, не привлекает в этот период идея «простого сада», отсюда, возможно, и редукция садового текста. Описание сада лишается полноты и огражденности – результат ослабления в текстах этого десятилетия оппозиции *сад vs город*. Скепсис автора по поводу собственного романтического проекта спасения мира природой нашел отражение в самопародийном рассказе «Имение Хонса», написанном в начале 10-х годов и маркирующим границу между периодами. Утопический проект «возрождения человечества», связанный с идеей переселить человечество из города на природу, пародийно реализован в попытке героя новеллы оформить дом в стерильно светлых тонах и сад в регулярном стиле – чуждой Грину модели садового пространства. Совокупность светлых маркеров стерильного пространства сада (белая ограда, светлые ковры цветов, светлые ленты дорожек) пародийно отсылает к эпифаническому мотиву света (доминантному в раннем гриновском садовом тексте), что подчеркнуто декларативной репликой персонажа: «Я счастлив только теперь, когда кругом с в е т» (разрядка автора) (2, 172). Отчуждение сада от города снимается и в текстах, где образ сада становится составляющей нового утопического локуса, идиллического пространства вымышленных Зурбагана и Лисса. Это находит экспликацию в описании городского локуса в рассказе «Искатель приключений», где доминирует позитивное отношение повествователя к городу: «...все это, затопленное торжественно цветущими садами, солнцем, цветниками и небом, выглядело неплохо» (3, 229).

Ослабление статуса садового текста определяется в этот период и интенсификацией интереса Грина к иному ракурсу «антицивилизационной» модели – метафизике, мистике, психиатрии как области изучения «альтернативной» антропологии. Сад, оставаясь символом сакральности, в то же время становится местом, где ставится удачный психологический эксперимент: созерцание божественной красоты сада в рассказе «Система мнемоники Атлея» оказывает сильное психологическое воздействие на героя, излечивая его от амнезии. Влиянием локуса сада на психологическое состояние персонажа определяется и сюжетное движение в рассказе «Зурбаганский стрелок».

В 20-е годы «сад символов» сохраняет свой статус в немногих текстах, уступая место «реальному» локусу, в пространстве которого значимым элементом становится окно, выходящее в сад, инициирующее мотив спасения – физического (бегство) или ментального. В романе «Джесси и Моргиана» героиня спасается в глубине большого сада бегством через окно, в новелле «Гнев отца» бегством из окна в сад спасается ребенок, в новелле «Голос сирены» умирающий, глядя через окно в сад, осуществляет спасительную связь с миром. Сад, обладая статусом безопасного места, иногда служит площадкой для наблюдений за происходящими в доме событиями («Убийство в Кунст-Фише»). Пространство сада за окном принимает на себя и важную психологическую нагрузку, нейтрализуя напряженность межперсонажной коммуникации, иногда оказываясь важным аргументом в споре о жизни и

смерти («Маленький заговор»). Свои представления об образе сада как одной из составляющих «идеальной ситуации» Грин «проговаривает» в романе «Бегущая по волнам»: «Когда они (женские руки – ЛГ) раскрывают окно в утренний сад» (5, 147).

Характерный для ранней прозы Грина мотив отчуждения сада от города и дома к середине 20-х гг. продолжает утрачивать актуальность, пространство сада становится неременной составляющей не только метафизической модели идеального места («Фанданго»), но и бытовой модели «дом с садом» («Гатт, Витт, Редот», «Гнев отца»), наиболее точно эксплицированной в «Бегущей по волнам»: «В саду «чувствуешь себя погруженным в столпившуюся у дома природу, которая разумно и спокойно теснясь, образует одно целое с передним и боковым фасадом» (5, 180). Образ сада органично включается в описание дома, эксплицируя авторскую модель «синтетического» пространства, намечая «подход к гриновскому идеалу – снятию противоречия между природой и цивилизацией, естественным и искусственным» [3, с. 75]. В этот период обращает на себя внимание и тенденция к интенсификации флористических мотивов (в контексте редукции усадебного текста) как способ сохранить сакральный статус авторитетного для автора садово-паркового локуса.

Список литературы

1. Грин А.С. Собр.соч. В 6-ти тт. М.: Правда, 1980. Далее ссылки на это издание с указанием томов и страниц в тексте в круглых скобках.
2. Дикова Т.Ю. «Аномальность» художественного времени и пространства в рассказах А.Грина // http://grinworld.org/salvatory/Salvatore_04_17.htm
3. Дунаевская И.К. Этико-эстетическая концепция человека и природы в творчестве А.Грина. Рига: Зинатне, 1988. 168 с.
4. Крохина Н.П. Софийность и ее коннотации в русской литературе XIX – начала XX веков (поэтика всеединства) // Автореф. дисс. ...доктора филол. наук. Шуя, 2011. 39 с.

ПОНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕРМИНА

Гулина В.В.

магистрант Высшей школы
социально-гуманитарных наук и международной коммуникации,
Северный (Арктический) федеральный университет, Россия, г. Архангельск

В статье, на основе критического анализа представленных в специальной литературе определений юридического термина, предпринята попытка сформулировать авторское определение юридического термина.

Ключевые слова: юридический термин, правовое понятие.

В настоящее время в науке существует достаточно много точек зрения, касающихся определения понятия «термин». Это объясняется тем, что понятием «термин» оперируют более десятка наук и научных дисциплин и каждая научная школа стремится выделить в этом понятии те признаки, которые наиболее существенны с их точек зрения.

Наиболее обобщенное и традиционное определение юридического термина представлено в юридических словарях, которые под юридическим термином понимают «элемент юридической техники, словесное обозначение государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» [1, с. 782].

На наш взгляд, данное определение достаточно узко, поскольку ограничивается только государственно-правовыми понятиями, а также выражает и закрепляет содержание только нормативно-правовых предписаний государства.

Во-первых, с точки зрения теории права, нормативно-правовые предписания могут исходить не только от государства (в лице органов государственной власти), но и от института местного самоуправления, который, как известно, не является государственным институтом и обладает определенной автономностью и самостоятельностью от государства и его институтов. Кроме того, нормативно-правовые предписания могут исходить от населения, которые принимаются посредством форм непосредственной демократии (выборы, референдум, сходы граждан и др.). Поэтому определение «юридического термина» стоит увеличить по объему, указав вместо словосочетания «государственно-правовые понятия» «правовые понятия».

Во-вторых, не стоит ограничиваться только правовыми понятиями, необходимо также учитывать правовые явления, поскольку последние могут являться отправным ориентиром правовых понятий (например, коррупция как социально-правовое явление). Кроме того, правовые явления не всегда нуждаются в номинировании их в качестве юридических терминов в силу их очевидности и общепризнанности (например, возраст человека как объективное правовое явление). Под правовым явлением в специальной литературе понимается «внешнее выражение объективных и субъективных обстоятельств, фактов и процессов, которые влияют на сознание и правовое поведение людей и с которыми норма права, как правило, связывает установление, изменение и прекращение правоотношений» [2, с. 193]. Необходимость учитывать также и явления иллюстрируется в следующем определении термина: «Термин – лексическая единица, создающаяся для обозначения предметов, явлений, процессов, когнитивно и дискурсивно значимых лишь в особом семиотическом пространстве, обладающая конвенциональностью в употреблении и являющаяся членом определенной терминологической системы» [3, с. 13].

Рассматривая категорию «юридический термин» как родовое понятие категории «правовое понятие», следует уделить должное внимание исследованию соотношений данных категорий.

В-третьих, определение также нуждается в дополнении определяющих юридический термин характеристик. Так, в специальной литературе указывается, что понимание и использование юридических терминов должно отвечать требованиям однозначности, устойчивости и общеупотребительности. Это означает, что один и тот же термин в нормативном правовом акте должен пониматься и употребляться одинаково, а также сохранять свой смысл и

значение в каждом новом правовом акте. Термин должен пониматься и использоваться одинаково как правотворцами, так и правоприменителями. В противном случае, не соответствующий указанным требованиям термин, поставит под угрозу корреляцию норм разных правовых актов между собой, породит сложности в регулировании общественных отношений, что, в свою очередь, окажет разрушительное действие на единство правового поля и правоприменения.

В качестве примера можно привести определение должностного лица, которое закреплено в двух нормативных актах: в Уголовном кодексе Российской Федерации и Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Так, под должностным лицом Уголовный кодекс РФ понимает «лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации» (ст.285) [7]. А Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» под должностным лицом местного самоуправления понимает «выборное либо заключившее контракт (трудовой договор) лицо, наделенное исполнительно-распорядительными полномочиями по решению вопросов местного значения и (или) по организации деятельности органа местного самоуправления» (ст.2) [5]. Исходя из формального толкования данных определений рассматриваемого термина, к должностному лицу местного самоуправления не относятся лица «постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти», коими, например, могут являться депутаты представительных органов муниципальных образований. Это означает, что при применении норм главы 10 Уголовного кодекса РФ «Преступления против государственной власти», субъектами преступлений которой являются только должностные лица, в отношении депутатов представительных органов муниципальных образований могут возникнуть сложности.

Или еще наглядный пример. При анализе упоминаемого уже нами Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и Бюджетного кодекса РФ обнаруживается неоднозначное понимание терминов «полномочия органов местного самоуправления» и «вопросы местного значения». Так, первый акт «формирование, утверждение, исполнение, контроль бюджета» называет вопросами местного значения, в том время, как Бюджетный кодекс РФ определяет это как «полномочия» [6].

Таким образом, это наглядно демонстрирует, что соблюдение требований однозначности, устойчивости и общеупотребительности (общепонятности) абсолютно обязательно в рамках одной национальной правовой системы. И применительно к данной позиции мы не согласны с мнением Мартышко Н.Ю., который указывает, что «юридический термин нецелесообразно рассматривать как некую имманентную константу, обладающую единственным, раз и навсегда установленным значением..., поскольку толкования одних и тех же терминологических единиц могут оказываться различными в зависимости от *области права (прим. авт.)*, в которой они используются, сложившейся правоприменительной практики, компетентности интерпретатора и других факторов» [4, с. 148]. В рамках же разных правовых систем и правоприменительных практик такие разногласия допускаются. Так, например, понимание и толкование терминов “*crime*”, “*felony*” и “*misdemeanor*”, которые переводятся на русский язык словом “преступление” или “правонарушение”, может заметно различаться по смыслу в британском и американском праве (даже несмотря на то, что и Великобритания, и Америка относятся к англосаксонской правовой системе общего права).

В-четвертых, в определении юридического термина стоит указать, что он, обретая статус юридического, должен быть закреплён в нормативных правовых актах.

Таким образом, с учетом вышесказанного и анализа предложенных в специальной литературе определений термина и юридического термина, представляется возможным сформулировать следующее определение. Так, **юридический термин** – закреплённое в нормативных правовых актах, обладающее однозначностью и устойчивостью, словесное обозначение правовых понятий и явлений, с помощью которых определяется и закрепляется их содержание.

Список источников

1. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М.: ИНФРА-М. 2009. 790 с.
2. Головкин Р.Б. Понятие и конструкция правовых явлений // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 189-193.
3. Маджаева С.И. Медицинские терминосистемы: становление, развитие, функционирование. Астрахань: АГМА, 2012. 27 с.
4. Мартышко Н.Ю. Смысловая модификация терминов в современном законодательном дискурсе. Дисс....канд. филолг. наук. Волгоград, 2015. 201 с.
5. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 03.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ, 06.10.2003, № 40, ст. 3822.
6. Бюджетный кодекс РФ от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 03.08.1998, № 31, ст. 3823.
7. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 28.12.2016) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

ПОЛИФОНΙΑ В РОМАНЕ ДЖ. ПИКОЛТ «STORYTELLER» («УРОКИ МИЛОСЕРДИЯ»)

Егiazарян Г.В.

заведующая кафедрой английской лексикологии и стилистики,
канд. филол. наук, доцент, Ереванский государственный университет
языков и социальных наук имени В.Я. Брюсова, Армения, г. Ереван

Статья посвящена анализу структурных особенностей и основного смыслового содержания романа Дж.Пиколт «Storyteller» («Уроки милосердия»). Автор статьи приходит к выводу, что полифоничная структура романа подчинена основной идее произведения. При этом свидетельства литературных героев-очевидцев Холокоста гармонично вплетены в контекст показаний реальных людей.

Ключевые слова: Пиколт, Холокост, нацистские преступления, полифония, голос персонажа, перевод.

Роман Джоди Пиколт «Уроки милосердия» («Storyteller») был написан в 2013 году и почти сразу, в 2014, переведен на русский язык Инной Паненко. Произведение посвящено болезненной теме: Холокосту евреев во время Второй мировой войны и осмыслению этого события уже в наше время потомками жертв нацистов. Главной героине романа предстоит решать тяжелые нравственные задачи: свершить пусть запоздалое, но правосудие, или простить преступника и позволить умереть в глазах других людей честным человеком.

Как и другие произведения Дж. Пиколт, роман «Уроки милосердия» полифоничен. Как писал М.М. Бахтин здесь «слово героя о себе самом и о мире так же полновесно, как обычное авторское слово; <...> Ему принадлежит исключительная самостоятельность в структуре произведения, оно звучит как бы рядом с авторским словом и особым образом сочетается с ним и с полноценными же голосами других героев» [1, с. 8]. Роман можно назвать камерным произведением. Здесь всего четыре основных и не больше десятка второстепенных действующих лиц. Сольных партий тоже четыре: главная героиня Сейдж Сингер, ее бабушка Минка, голос которой звучит и как авторский в ее неоконченном произведении, Джозеф Вебер, бывший офицер СС по имени Франц Хартман, и Лео Штейн, следователь ФБР, специализирующийся по нацистским преступлениям. Исполнители партий не перебивают друг друга, голоса звучат последовательно. Остальные персонажи переданы сквозь призму восприятия указанных героев, в основном, Сейдж.

Нам хотелось бы не согласиться с переводом названия романа на русский язык. Слово «storyteller» в основном значении можно перевести и как рассказчик/-ца, и как сказочник/-ца, потому что в английском языке существительные с окончанием -er/-or не имеют четко обозначенной гендерной коннотации. По умолчанию слово считается мужского рода, но в контексте предложения используется с обоими грамматическими родами. Слово употребляется также в значениях «сказитель, сочинитель, повествователь, вы-

думщик, лгун». В русском языке все эти слова тоже можно использовать как по отношению к мужчине, так и к женщине. Мы понимаем трудности, стоящие перед переводчицей. Потому что рассказчиками в романе являются четыре персонажа (Сейдж, Минка, Джозеф и Лео), сказочниками, сказителями – двое (Минка и Джозеф, но сказителем в библейском смысле слова можно назвать также Мери Деанжелис, подругу Сейдж), а лгунами в конечном итоге выступают тоже двое (Сейдж и Джозеф). При этом слова «сказочник» и «сказитель» имеют как прямое, так и ироническое значение. А «уроки милосердия» в контексте финала романа выглядят неусвоенными, ибо главная героиня становится убийцей, и больной старик умирает, не получив вожделенного прощения за грехи, как совершенные, так и вымышленные.

Нам кажется, что название романа на русском языке – «Уроки милосердия», не отражает основную задачу романа. Мы предложили бы из синонимического ряда перевода «Storyteller» использовать слово «повествователь» как наиболее стилистически нейтральное, относящееся к обоим гендерам, включающее в себя семантические значения «рассказчик», «сказочник», «сказитель», «выдумщик» и «лжец».

Роман «Уроки милосердия» начинается довольно неожиданно, отрывком из сказки, где девушка Аня и ее отец весело беседуют о том, как нужно будет организовать его похороны [2, с. 8]. В конце отрывка рассказчица с болью сообщает, что она опоздала. Впоследствии читатель понимает: это начало истории о жестоких людях и уязвимых вампирах, где нравственные понятия добра и зла слились настолько тесно, что однозначный выбор между ними сделать невозможно. Эту странную сказку еврейская девушка Вильгельмина, которую в семье называют Минка, начнет записывать в концлагере на обороте фотографий людей, сгоревших в крематориях. По-немецки, чтобы в случае чего она заинтересовала и немцев.

Отрывок можно считать своеобразным пространственным эпиграфом ко всему произведению. Обычно в качестве эпиграфа употребляются цитаты из произведений и изречения других людей, но Джоди Пиколт в этом произведении использует собственную вставную новеллу, чтобы придать достоверность образу бабушки Минки, ввести ее в ряд реальных писателей, мало известных обычному читателю.

Роман состоит из трех частей, и каждая часть тоже предваряется эпиграфом. Все произведения, из которых взяты эпиграфы, принадлежат евреям и свидетельствуют о Холокосте. Это автобиографическая работа Симона Визенталя «Подсолнух», которую Дж. Пиколт называет главным вдохновителем своего романа; стихотворение Абрама Копловица, погибшего четырнадцатилетним в Освенциме, и дневники Анны Франк. Эпиграфы к каждой из частей романа расширяют круг свидетелей о Холокосте, возвращают человеческие лица и имена жертвам бездушной машины смерти.

Этой же идее в романе служит эпизод в лагере, когда Минка и ее подруга Дара сначала воруют фотографии погибших на складе, чтобы запомнить лица и каждый вечер повторять их имена. Это, казалось бы, бессмыс-

ленное и довольно опасное занятие вскоре переходит на весь барак и принимает форму ежевечерней коллективной поминальной молитвы.

Следующим сказочником в романе, но гораздо менее талантливым, является Джозеф Вебер, в прошлом Франц Хартман. Почти всю жизнь он пытается завершить неоконченную сказку Минки. Закономерно, что его тексты отсутствуют в романе: продолжатели всегда менее значимы в литературе, чем первопроходцы. Во время войны ему случайно удается опередить своего брата Райнера Хартмана, который был начальником женского отделения, и найти у заключенной фотографии с записанным текстом. Франца восхищает литературный дар девушки, и он приложит много усилий, чтобы помочь ей выжить.

Франц Хартман никого не убил, но молча наблюдал смерть сотен тысяч людей. Ему глубоко отвратителен нацизм, но он недостаточно храбр, чтобы пойти против системы и собственной семьи. Поэтому в конце жизни он лжет Сейдж и берет на себя имя и преступления своего брата Райнера. Тем не менее прощение он не получает. Сейдж, узнав о страданиях своей бабушки, убивает Франца из чувства мести, а не милосердия, но умалчивает о своей роли в его смерти, даже когда случайно выясняет обман. Ложь о совершенном преступлении останется с героиней до конца ее жизни.

Таким образом, мы видим, что полифоничная структура романа «Уроки милосердия» подчинена основной идее произведения, главные герои ведут свои сольные партии, их голоса не смешиваются, а создают специфический узор из мнений, комментариев и точек зрения. При этом свидетельства литературных героев-очевидцев Холокоста гармонично вплетены в контекст показаний реальных людей.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: «Художественная литература», 1972. 320 с.
2. Пиколт Дж. Уроки милосердия. Белгород. Харьков: Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2014. 528 с.

О ПРИНЦИПАХ ОПИСАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В УЧЕБНЫХ ЦЕЛЯХ

Жамшитова Г.Ж.

доцент кафедры русского и сопоставительного языкознания,
канд. филол. наук, Ошский государственный университет, Киргизия, г. Ош

В статье определяются основные черты дидактолингвистики как отрасли науки о языке. В ней характеризуются принципы описания языковых единиц для целей обучения применительно к задачам преподавания русского языка в киргизской аудитории.

Ключевые слова: русский язык, киргизская аудитория, принципы учебного описания языка, дидактолингвистика.

В 70-е годы прошлого столетия в Советском Союзе формировалась новая языковедческая дисциплина. Ее возникновение было вызвано необходи-

мостью рационализации преподавания русского языка в национальных школах страны. Эту дисциплину стали называть по-разному: дидактолингвистикой, лингводидактикой, теоретическим описанием языка в учебных целях, педагогической лингвистикой, практическим языкознанием и т.д.

Эта научная дисциплина возникла на стыке педагогики и лингвистики. Ее теоретические основы разрабатывались языковедами. Она опиралась больше всего на достижения современного языкознания, поэтому считалась прикладной лингвистической дисциплиной. В ее разработку большой вклад внесли такие языковеды, как Н. М. Шанский, В.И.Кодухов, Л.А.Новиков, К.З.Зулпукаров, М. Дж. Тагаев, К.К. Филиппенко, Р.Э. Гамзатов, Т. Ф. Ефремова и др. [2, с. 15-16; 3, с. 18-61].

Появление педагогической лингвистики было вызвано жизнью, практической потребностью школы и вуза в оптимальном отборе, расположении и описании языковых единиц для целей обучения, необходимостью рационального ввода в память обучающихся максимального объема учебно-речевого материала в минимальные сроки.

Педагогическая лингвистика, как и всякая другая наука, руководствуется небольшим числом основополагающих принципов. Учеными предложено и установлено разное количество принципов описания языка для учебных целей. Их формулировки у разных ученых разные и редко совпадают. Число выдвигаемых и обосновываемых принципов колеблется от трех до двенадцати.

В работах, посвященных характеристике принципов дидактолингвистики, устойчиво присутствуют следующие:

1. Коммуникативно-функциональная направленность учебно-речевого материала. Согласно этому принципу фактический материал должен презентироваться в соответствии с выполняемыми им в речи функциями и быть пригодным для использования в общении, в развитии мыслительно-речевых навыков обучающихся. Каждая его доза должна содержать новые элементы, способные к широкому переносу и обеспечивающие стабильную динамику усиления и расширения речемыслительных заданий и сферы интереса к овладению речевым умением, и интенсивно готовить обучаемых к восприятию и производству речевых сообщений на изучаемом языке.

2. Ситуативно-тематическое расположение материала. Этот принцип предполагает презентацию фактов и единиц языка в соответствии с темами и ситуациями общения, постоянную и планомерную смену предмета разговора, обстоятельства, условий, задач и т.д. Чтобы быть адекватными той или иной ситуации, участники общения не могут не учитывать новизны всех компонентов общения. Только благодаря постоянной смене этих компонентов можно подготовить учащихся к эвристичности общения, развить у них способность к адекватному реагированию на речевые стимулы.

3. Комплексно-концентрическое расположение единиц и категорий языка. Это положение требует ввода учебно-речевого материала в синтезирующих и укрупненных дозах, в которых орфоэпическо-орфографические, морфемно-морфологические, лексико-фразеологические, синтаксические и текстовые задания образуют целостные коммуникативно-речевые и функци-

онально-семантические комплексы. Последовательно-планомерное усвоение таких комплексов по направлению «от известного к неизвестному» и «от простого к сложному» способствует ускоренному интеллектуально-речевому развитию обучаемых.

Не имея возможности даже в самых общих чертах характеризовать особенности комплексно-концентрического описания фактов русского языка для целей обучения, ниже мы для наглядности кратко прокомментируем некоторые фрагменты интеграции языковых явлений.

Нередко лексико-грамматический материал группируется по тематической и стилево-жанровой общности, по общности формы и семантики, значимых единиц языка – морфем, слов, словосочетаний и т.д. Часто образуют подобные концентры морфологические и синтаксические, лексические и словообразовательные, словообразовательные и морфологические явления.

Легко и свободно синтезируются словообразовательные морфемы и словарь. Так, значение «усиление, преувеличение и высшая степень проявления признака» выражается в составе определенного круга словарных единиц с приставками *архи-* (*архиплут, архинелепость..., архиглупый, архисложный...*), *обер-* (*обер-жулик, обер-плут...; обер-офицер, обер-прокурор...*), *сверх-* (*сверхчеловек, сверхскорость..., сверхмалый, сверхпрочный...*), *раз-/рас-* (*расподлец, раскрасавец...; разлюбезный, разнесчастный...*), *супер-* (*супермарафон, суперцемент...; суперсовершенный, суперэффективный...*), *ультра-* (*ультрареакционер, ультразвук...; ультраправый, ультрамодный...*), *пре-* (*предобрый, препротивный...*), *наи-* (*наилучший, наивыгоднейший...*). Такую же лексико-словообразовательную группировку составляют слова с приставками *анти-, против-, а-, не-, без/бес-, де-/дез-, дис-, ре-, ир-/им-*, участвующими в выражении отрицания и противоположности. Семантика подобных префиксов отвлеченна и требует достаточно высокого уровня абстрактного мышления. Комплексное изучение их употребления на занятиях по русскому языку вооружает учащихся старших классов и студентов средствами наименования важных для общения фрагментов реального мира. Перевод вводимого учебного материала на родной язык обеспечивает скорость и прочность его освоения.

4. Учет специфики родного языка. Этот принцип предполагает изложение материала с опорой на данные билингвальных сопоставительно-типологических исследований и позволяет построить такой учебный подъязык, который в наибольшей степени соответствует психологии речи детей-билингвов, прогнозирует различные трудности, предотвращает многие явления интерференции и смешения контактирующих языков в их сознании и способствует оптимальному усвоению языка как средства приема и передачи информации.

Работу этих принципов можно продемонстрировать на примере усвоения студентами основных понятий когнитивной лингвистики. Ключевым понятием этой отрасли языкознания, как известно, выступает концепт. Концепт – это единица мышления, когнитивное образование [1, с. 37]. Он обладает способностью концентрировать знание и опыт людей. К примеру, возьмем концепт

«вода», который по-разному материализуется в языковых знаках. Он оформляется словом *вода*, формулой H_2O , корнем *вод* в слове *водопровод*, префиксоидами *аква* (*аквалангист*, *аквариум*) и *ватер* (*ватерполо*, *ватерклозет*), частью *гидро* в сложных терминах (*гидрология*, *гидролиз*, *гидросооружение*), в звуке-букве *г* в слове *ГЭС*, топониме *Чуй* (*шуй* в китайском языке «вода, река»), в звуке *с* в слове *соолжан* «водяной червь» (из *суу* «вода»+*жылан* «змея» в результате метатезы *ж+л* в *л+ж*), в варьируемых формах слова *суу* «вода»: *сук/сай/суу/сы*, *суу* (в топонимах со значением «чистая вода» *Ак-Сай*, *Аксы* и др.), в русском гидрониме *Обь* (по-персидски «вода, река»), в частях гидронима *Апиш-Сай* (*аб* «вода»+*иш* «молоко» по-персидски, *сай* «вода» по-киргизски) и слова *чалап* «кислое молоко, разбавленное водой» (кит. *ча* «смешивать» + кит. *лао* «кислое молоко»). «Вода» в твердом состоянии – *град/лед/льдина/снег*, в газообразном состоянии – *пар/туча/облако/туман*. Концепт «вода» имеет философское, религиозно-магическое, химическое, физическое, экологическое, обыденно-бытовое, техническое, лексико-семантическое содержание. Как видим, концепт один. Он «овнешняется», репрезентируется по-разному в условиях русско-киргизского двуязычия. Концепт «вода» объединяет разноплановые и разнохарактерные единицы языка. Осмысление концепта приводит к освоению целого комплекса знаний о его предмете. Поэтому считаем, что дидактолингвистика может опираться и на достижения лингвокогнитологии.

Список литературы

1. Дрофа Л.И. Ключевые понятия когнитивной лингвистики. – Ош, 2010. – 98 с.
2. Зулпукаров К.З. Некоторые вопросы компрессии русского языка для учебных целей // Рус.яз. и лит.в кирг. шк. – 1986. – №4. – С. 15-20.
3. Тагаев М.Дж. Лингвистическое описание неродного языка как область прикладного языкознания // Полипарадигмальное описание морфемики и словообразования. – Б., 2004. – С. 12-61.

О ТИПАХ КАРТИН МИРА

Жамшитова Г.Ж.

доцент кафедры русского и сопоставительного языкознания,
канд. фил. наук, Ошский государственный университет, Киргизия, г. Ош

Абдувалиева Э.А.

преподаватель кафедры языковых дисциплин,
Ошский киргизско-узбекский университет, Киргизия, г. Ош

Статья посвящена характеристике типов картин мира, описанию их разновидностей с точки зрения когнитивного языкознания и лингвоэтнокультуроведения.

Ключевые слова: картина мира, когнитивная картина мира, языковая картина мира, когнитивное языкознание

Проблемы, связанные с пониманием вопросов: «Что такое картина мира?», «Что такое языковая картина мира?», «Человек – объект или субъект

познания?» и т.д., обсуждаются философами, лингвистами, культурологами, психологами и т.д. уже не одно столетие. Актуальными они остаются и в наши дни, что находит отражение в работах таких выдающихся российских и зарубежных ученых, как Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Б.А. Серебенников, Ю.С. Степанов, Е.С. Кубрякова, Г.Д. Гачев, В.И. Постовалова, В.Н. Телия, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина, М.Дж. Тагаев, В.А. Маслова и многих других [1, с. 17-21].

Определение термина «картина мира» пытались сформулировать многие ученые – представители различных отраслей науки и направлений в языкознании. Среди множества определений, пожалуй, нет двух одинаковых, но у всех есть нечто общее – это некое представление, знание, образ реальной действительности. Например, В.П. Руднев в «Энциклопедическом словаре культуры XX века» дает следующее определение: «Картина мира – система интуитивных представлений о реальности. Картину мира можно выделить, описать, реконструировать у любой социопсихологической единицы – от нации или этноса до какой-либо социальной или профессиональной группы или отдельной личности. Каждому отрезку исторического времени соответствует своя картина мира» [цит. по: 3, с. 160].

В настоящее время понятие «картина мира» – это устоявшийся термин, принятый в гуманитарных науках для обозначения сложившихся представлений, ощущений, знаний, понимания и восприятия человеком всего глобального мира, Вселенной, в которой он (человек) существует, мир (пространство, время), с которым он взаимодействует. Мир как реальная действительность и среда обитания *homo sapiens* многомерен, разнообразен, бесконечен. Человечество, начиная с первобытных времён, познавая и осваивая этот мир, формировало для себя картину окружающего его мира, вырабатывало правила взаимодействия и существования в нём. Целостная же картина мира как глобальный образ мира является результатом всей духовной активности человека [2, с. 74-76].

В процессе развития когнитивного направления в философии, культурологии, лингвистике и т. д. учёные отметили факт многообразия картин мира, напрямую зависящий от субъекта картины мира. Субъектом картины мира, смотрящим на мир и изображающим своё видение, могут быть: 1) отдельный человек, 2) отдельная группа людей, 3) отдельный народ, 4) человечество в целом. В соответствии с характером мировидения субъекта различают индивидуальную, групповую, этническую, территориально-региональную и общечеловеческую картину мира [5, с. 83-130].

Очевидно, можно говорить о наличии стольких картин мира, сколько имеется «миров», наблюдаемых человеком. Современный человек, обладающий глубоким аналитическим и абстрактным мышлением, в своей когнитивной деятельности способен воспринимать не просто целостную глобальную картину мира, но и членить её на составляющие. Он видит, *изучает* и описывает в единицах языка картины мира по различным отраслям знаний: мифологическую, религиозную, художественную, научную, общественную (социально-экономическую, политическую), обыденную, национальную, философскую и т. д.

З.Д. Попова и И.А. Стернин в своей работе «Когнитивная лингвистика» к проблеме общего определения картины мира подходят с общенаучной, гносеологической точки зрения, что позволяет разграничить принципиально разные виды картины мира: непосредственную и опосредованную, что нам представляется правомерным. «Под картиной мира в самом общем виде предлагается понимать *упорядоченную совокупность знаний о действительности*, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [3, с. 51].

Непосредственная картина мира – это картина, получаемая в результате прямого познания сознанием окружающей действительности. Она формируется на основе усвоения сложившихся в общности (социуме) ментальных стереотипов, этнокультурных традиций, вероисповедания, усвоения опыта предков и т. д., что помогает индивиду понимать и интерпретировать явления действительности, а значит, отражать их в сознании. **Опосредованная картина мира** – это результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материализуют, овнешняют существующую в сознании непосредственную картину мира» [1, с. 18-17; 2, с.75].

Познание мира осуществляется человеком в течение всей его практической жизнедеятельности, а средством познания мира, обеспечивающим проникновение человека в тайны его закономерностей, является мышление. Мышление, развившееся на высшем этапе биологической жизни, способно адекватно отражать эти закономерности мира и удерживать их в сознании в понятийной сфере. Познание мира осуществляется также благодаря активному участию всех органов чувств.

Мышление отражает окружающий человека мир непосредственно во всем *многообразии* различных свойств и связей. Мышление в отражении картины мира не имеет ограничений, не считая физических недостатков (зрение, слух).

Язык же в отличие от мышления имеет целый ряд ограничений. Так, арсенал средств, выражающих различные отношения между словами, во многих языках довольно ограничен, ограничен и набор звуковых комплексов. Всё заметнее становится тенденция к упрощению языка, стремление к языковой экономии. Это касается как лексики, так и грамматических форм (аббревиация, эллиптические конструкции и т.д.).

И, тем не менее, роль языка в отражении картины мира, его образов, в формировании комплексного знания, в накоплении знаний и передачи их последующим поколениям невозможно полностью оценить.

Проблема изучения картины мира и особенно языковой картины мира для современной лингвистики очень важна. Особенно если наблюдать за языковыми изменениями интерпретации языковой картины мира с позиции современного общества, мыслящего, изучающего и анализирующего историческое прошлое, анализирующего и оценивающего процессы настоящего развития, отражающего и закрепляющего современные картины мира (глобальные, национальные и др.) в языке.

Языковая картина мира (образ мира) создаётся в результате когни-

тивной деятельности человека, проходя сложные психофизические и мыслительные процессы. Человек в своём сознании отражает объективную действительность (материальный мир), членит его, образуя как бы некие фрагменты (концепты – в принятой терминологии), формируя на первоначальном этапе когнитивную картину мира, которую далее путём сложных мыслительных операций переводит в концепт-картинки, затем номинирует их единицами языка в концептослове, получая, таким образом, уже оязыковлённую картину мира, т. е. языковую картину мира. В результате когнитивной деятельности человека выстраивается последовательность превращения картины мира в языковую: картина мира -когнитивная картина мира – языковая картина мира. В этой триаде картины мира не равны между собой. Глобальная картина мира, как и «обозримая» действительность (то, что способен охватить своим сознанием человек), многомернее и шире когнитивной картины мира, отражённой в сознании в процессе познавательной деятельности человека. В свою очередь, когнитивная картина мира объёмнее и шире языковой картины мира, поскольку языковые единицы не способны описать концепты и концептосферы когнитивно-коммуникативной деятельности человека [2, с. 54-55].

Картина мира является одним из фундаментальных понятий современной лингвистики. Она описывает реальность в понимании человека и позволяет действовать согласно правилам, которые в нее заложены. Человек воспринимает и осознает мир посредством органов чувств, пропустив представления через свое сознание, он передает их с помощью языка. В то же время картина мира – это концептуальная модель мира, основу которой образуют знания о мире. Используя термин «когнитивная структура», который в самом общем плане можно понимать как схему репрезентации знания, заключаем, что картина мира – это когнитивная структура. Соответственно, языковая картина мира – это тоже когнитивная структура, но в ней находят отражение особенности культуры народа, знания социума о предметах объективной действительности, знания и представления народа о внешнем и внутреннем мире. Отражение в языковой картине мира когнитивных, культурных и социальных характеристик народа – носителя языка – определяется менталитетом народа.

Список литературы

1. Абдулатов А.А. Некоторые проблемы описания паремий в когнитивно-педагогических целях. – Ош, 2006. – 149с.
2. Дрофа Л.И. Ключевые понятия когнитивной лингвистики. – Ош, 2010. – 98 с.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М., 2010. – 314 с.
4. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. – Воронеж, 2002. – 222 с.
5. Шейман Л.А. Этнокультуроведение: педагогическое сопряжение языков и культур. Часть 1. – Бишкек, 2013. – 305 с.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ КОМПРЕССИИ

Зимовец Н.В.

доцент кафедры иностранных языков, канд. филол. наук, доцент,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Лелюк Г.К.

магистрант факультета иностранных языков Педагогического института,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В статье рассматривается лингвистическое явление – компрессия. Дается характеристика языковой компрессии. Описываются основные синтаксические способы компрессии: номинативные односоставные предложения, нулевой артикль, эллипс, пропуск союзов и умолчание.

Ключевые слова: компрессия, эллипс, умолчание, апозиопезис, зевгма.

Компрессия (от лат. *compression* сжатие) [2, с. 357]. Языковая компрессия – это специфическое лингвистическое явление, которое наблюдается, когда имеется возможность сокращения некоторой части текста без существенного ущерба для его содержания.

Компрессия в широком понимании характеризуется как одна из главных тенденций в функционировании языка, действующая по всей сфере функционирования, но проявляющаяся по-разному, более или менее интенсивно, по различным конкретно-коммуникативным сферам, соответствием которых в языке являются функциональные стили. Такое понимание функциональной сути компрессии положено в основу данной работы.

Под компрессией же в узком смысле понимается набор тех конкретных средств, которые служат целям реализации компрессии в широком смысле на всех языковых уровнях. Что касается причин появления компрессии, она отражает, прежде всего, регулирование языкового поведения принципом наименьшего усилия или принципом экономии.

Пропуск логически необходимых элементов высказывания принимает разные формы и имеет разные стилистические функции. Это явление довольно обстоятельно изучено и описано стилистикой как фигура речи. Сюда относятся бессоюзие, использование односоставных и неполных предложений (эллипс), умолчание или близкий к нему апозиопезис и зевгма. Все эти синтаксические конструкции в большей степени характеризуют исследуемую проблему экспрессивности английской разговорной речи.

1. Номинативные односоставные предложения обладают большим экспрессивным потенциалом, поскольку существительные, являющиеся их главным членом, совмещают в себе образ предмета и идею его существования. Они используются в описаниях обстановки или действия в начале романа или главы, в любых описаниях, где общая картина складывается из от-

дельных элементов, в авторских ремарках в начале пьес, а также и в динамическом повествовании:

Surrey all in one blaze like a forest Ore. Great clouds of dirty yellow smoke rolling up. Nine carat gold. Sky water-green to lettuce green. A few top clouds, yellow and solid as lemons. River disappeared out of its hole. Just a gap full of the same Ore, the same smoky gold, the same green. Far bank like a magic island floating in the green [3, с. 185].

Вторая часть отрывка состоит из односоставных, но не однословных предложений. Следует обратить внимание на то, что односоставные предложения не содержат раздельного выражения субъекта и предиката, не считаются неполными и объединяются со случаями пропуска логически необходимых элементов постольку, поскольку и те и другие являются средствами синтаксической компрессии [1, с. 251].

Рассматривая синтаксическую компрессию информации в художественной литературе, необходимо помнить, что стиль – это не совокупность приемов, а отражение восприятия окружающей действительности, образного видения мира и образного мышления.

Стиль не состоит из фигур и тропов, хотя в технике изображения они и играют важную роль, он складывается из множества различных факторов и, в частности, из взаимодействия отображаемой реальности и действительной или притворной индивидуальности рассказчика, говорящего персонажа и вообще отправителя сообщения.

Синтаксические конструкции получают стилистическую функцию, поскольку они своей лаконичностью или, напротив, развернутостью, или другими качествами связаны со строем мышления, отраженным в произведении, с характером и особенностями восприятия лица, от имени которого ведется повествование.

2. Другой вид компрессии – значимое отсутствие артикля, лингвистически релевантное через противопоставление маркированному члену оппозиции, т.е. существительному с артиклем. Благоприятные условия для опущения артикля создаются всегда при параллельном построении предложения или словосочетания, при наличии однородных членов. В этом примере отсутствие артикля важно и по другой причине. Нулевой артикль показывает, что обозначенный существительным предмет мыслится как известное отвлечение. В данном случае – как художественный образ.

3. Эллипс – еще один вид компрессии, может быть выражен неполными предложениями. Неполное предложение – это простое двусоставное предложение, позиционная модель которого не полностью выражена словесными формами, т.е. такое, в котором одна или обе главные позиции выражены отрицательно.

“What on earth you are doing?” she asked. “Duty, my dear Laura,” he began. “Oh, for god’s sake stop a minute,” she cried, “and don’t talk to me in that way. I mean, what is all that?” “A ceremonial meal, Miss Hope” [6, с. 14].

Пропущенные элементы высказывания легко восстанавливаются в данном контексте.

Будучи особенно характерным для разговорной речи, эллипс даже и вне диалога придает высказыванию динамичность, интонацию живой речи, а иногда и некоторую доверительную простоту.

4. Пропуск союзов может быть продиктован требованиями ритма. При длинных перечислениях он создает стремительность смены картин или подчеркивает насыщенность отдельными частными впечатлениями в пределах общей картины, невозможность все их перечислить.

Использование бессоюзной связи приводит к тому, что синтаксическая цельность сложного единства оказывается выраженной соотношением основных конструктивных единиц и ритмомелодическими средствами, что придает речи большую сжатость, компактность и часто динамичность:

In the fractured moment of the flash, the tree stood frozen in a negative of neon bone against the black of the night. A trail of tiny tongues of flame licked, flickered along its stem. The ground around it shook? Small rocks broke from the earth, rolled, clattered down into the forest. But the rocks soon came to rest? And silence settled once more [5, с. 342].

5. Умолчание и близкий к нему апозиопезис состоят в эмоциональном обрыве высказывания, но при умолчании говорящий сознательно предоставляет слушателю догадаться о недосказанном, а при апозиопезисе он действительно или притворно не может продолжать от волнения или нерешительности. Обе фигуры настолько близки, что их часто трудно различить:

I'm in. I feel bad about Del, too, but mostly I think I just want to see what happens when he touches her. Probably nothing will, but maybe... [4, с. 355].

Все рассмотренные нами синтаксические способы компрессии придают художественному тексту большую выразительность.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М.: Флинта, 2002. 384 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
3. Cary J. The Horse's Mouth. М.: Радуга, 1997. 346 с.
4. King S. The Green Mile. NY.: Pocket Books, 1999. 536 p.
5. Selected Editions. NY.: The Readers Digest, 2002. 575 p.
6. Still Life. Л.: Просвещение, 1985. 176 с.

НАЗВАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДОЙ В ЧЕЧЕНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Идразова Э.С.-А.

ассистент кафедры иностранных языков,
Чеченский государственный университет, Россия, г. Грозный

В статье впервые рассматриваются, встречающиеся в чеченских народных сказках термины, связанные с мужской и женской одеждой. Приводятся лексемы и описываются особенности мужского и женского одевания чеченцев.

Ключевые слова: народная сказка, мужская одежда, женская одежда.

В рассмотренных нами (более 200) чеченских народных сказках встречаются следующие названия предметов женской одежды: *гуьлмаьнда* «цветной шелковый платок», *коч* «платье», *ездарин коч* «платье из дорогой шелковой блестящей ткани», *йовлакх* «платок», *члуг* «кольцо», *нускалан бедарш* «подвенечное или свадебное платье», *дато члуг* «серебряное кольцо», *дашо члуг* «золотое кольцо».

Названия предметов мужской одежды: *кхакханах пес* «овечья феска», *блеллаган куй* «войлочная шляпа», *неларан мачаш* «онучи, поршни», *кларх-маьхьсе (маьхьси)* «кавказские легкие сапоги без каблуков, обычно сафьяновые», *куй (кхуй)* «шапка», *гловтал* «бешмет», *хеча* «штаны», *верта* «бурка», *чоа* «шинель, черкеска», *чоин юх* «подол шинели, черкески», *чоин ветанаиш* «застежки черкески», *чоин тлам* «полы шинели, черкески», *коч* «рубaha», *оба (аба)* «накидка, халат из материи, ряса хаджи», *аса* «ремень, пояс».

Среди терминов, описывающих предметы женской одежды, отмечены синонимичные: *гуьлмаьнда* «цветной шелковый платок» и *йовлакха* «платок». В сказке «Оффай» («Оффай») [4, с. 191]: «*Кхо кепек йовлакха юкъя а хьарчийна, клант хьехархочуьнга ламо длавала новкъавелира да*. Завернув три копейки в платок, отправился отец отдавать своего сына на обучение к учителю». К этому ряду названий женских головных уборов, возможно, отнести слова, данные в отраслевом словаре И.Ю. Алироева, но отсутствующие в чеченских народных сказках: *куортали* «большой головной платок» [1, с. 202], *бой* «пуховая шаль, вязаный платок» [1, с. 198], *курхьарс* «старинный головной женский убор», *йега кий* «свадебная шапочка невесты», *кломоз* «треугольная шапочка на невесте, для придерживания волос» [1, с. 202], *тапта* «шелковый платок, тафта» [1, с. 206], *чухта* «женский головной убор (прикрывающий волосы по мусульманским обычаям)» [1, с. 211]. В рассмотренных чеченских народных сказках нами не обнаружены названия чеченских национальных нарядов: *глабали* «костюм горянок» [Алироев 1975: 199], *полиу* «чеченское национальное женское платье (обычно носят пожилые женщины)» [1, с. 206], *туьйдарг* «женские нагрудные украшения – составная часть национального костюма» [1, с. 207], *лагтилиз* «медальон», *туьтие* «бусинка, ожерелье из бус», *хьалкха* «сережки (плоские)», *хлос* «браслет, обруч», *хлосъ* «кавказские сережки», *чаьрназ* «нагрудная застежка (на праздничном платье горянки)», *камал* «широкий серебряный пояс, иногда в золотой или позолоченной оправе» [3, с. 193], *доьхка* «пояс» [3, с. 196], *хьаса биллина доьхка* «пояс с позументами» [3, с. 196], *дзеланаиш йолу доьхка* «пояс в виде цепочки» [3, с. 196], *хьалкханаиш* «большие плоские серьги» [3, с. 197], на груди носили кораллы – *минчак* [3, с. 202], золотые бусы – *арна*, имеющие форму ячменя [3, с. 203], *хлайкал* – амулет, который чеченские и ингушские женщины и дети носили на шее для защиты от злого духа. В чеченских сказках, однако, отмечены названия таких драгоценных украшений и одеяний: *ездарин коч* «платье из дорогой шелковой блестящей ткани», *дашо члуг* «золотое кольцо», *дато члуг* «серебряное кольцо». Термин *ездари* в различных словарях чеченского языка трактуется следующим образом: в отраслевом словаре И.Ю. Алироева – как *йездари* «парча» [1, с. 200], в чеченско-русском

словаре А.Г. Мациева – как словосочетание *деза дари* «дорогой шелк» [6, с. 135], где *деза* – это прилагательное, обозначающее «дорогой (о цене), тяжелый (о весе)», в этимологическом словаре А.Д. Вагапова – как *йездари* «парча, род блестящей шелковой ткани». Сложение основы *йез*, возможно, от первой части слова *исхар* «сукно» плюс *дари* «шелковая ткань» [2, с. 325].

Мужской гардероб в чеченских народных сказках представлен в основном названиями чеченской национальной одежды. Интерес представляет термин *коч*, который и в словаре И.Ю. Алироева [1, с. 202], и в словаре А.Г. Мациева [6, с. 229] толкуется одинаково – «рубаша, рубашка», несмотря на то, что употребляется в значении – «платье (женское)»: в сказке «*Эла Тепсаркхий, Жюьра-Бабин Жонсаркхий*» («Князь Тепсарк и Баба-Яга Жонсарк») [4, с. 109] «*Ахь Жюьра-Бабин Жонсаркъя dla a вихкина, суна ездарин коч яхъахь, со хъюьга йоглур го, – аьлла и шиь тлеххийзаши йолчу йола эла Тепсаркье*. Если ты свяжешь Бабы-Яги (сына) Жонсарка и принесешь мне платье из дорогой парчи, я за тебя выйду, – сказала девушка, за которой они (эти) двое ухаживали, князю Тепсарке». Хотя в этимологическом словаре А.Д. Вагапова: *куоч* «рубаша, платье; материя на платье». Вероятно, восходит к форме *кач* «воротник» с первоначальным значением – «верхняя одежда, надеваемая на ворот» [2, с. 362]. Термин *nelapan machash* «онучи, поршни», встречающийся в сказках как словосочетание, имеет в словарях другую форму написания (как сложное слово) *nelarmacha* «поршни (лапти из сыромятной кожи)» [1, с. 205] или *naɣlar-macha* «обувь из сыромятной кожи, поршни, лапти»: ингушское *нахъарамаьчеш*. Сложение основы род. п. существительного *naɣlar* «сыромятной кожи, шкуры» (<*naɣlaran*) и основы им.п. *macha* «обувь», буквально «кожаная обувь». Слово заимствовано в некоторые дагестанские языки: чамалинское *naɣlar-machi* «полуботинки (мужская обувь, завязываемая у щиколотки кожаными полосками)» [2, с. 489] (спросить или вырезать). В чеченских сказках распространены термины, описывающие древнюю национальную мужскую одежду: *чоа* «шинель, черкеска», *чоин юх* «подол шинели, черкески», *чоин ветанаши* «застежки черкески» (*вета* – уст., круглая пуговица из плетеного шнура – застежка на одежде горца), *чоин тлам* «полы шинели, черкески». Вероятно, эта часть одеяния (*чоа* «шинель, черкеска») была весьма распространена среди мужчин и в древности. Л.М. Гарсаев так описывает эту часть мужского одеяния: «Черкеска – самая популярная мужская верхняя распашная одежда всех народов Северного Кавказа, относящаяся к праздничной, ее в полном комплекте костюма носили поверх бешмета, а позже поверх кавказской рубахи. До конца XIX – начала XX вв. ее шили в основном из самого лучшего домотканого сукна, а затем для ее пошива стали использовать привозные фабричные ткани. Домотканина для черкески была самых разных цветов – черная, серая, бурая, белая. Применялись для ее шитья сукна крашенные – красно-коричневые, темно-красные, коричневые» [3, с. 103].

Также в сказках встречается и название военного мужского одеяния – *хорма* «военная форма». В сказке «Мазийх туьйра» («Сказка о Мазакхе») [5, с. 373]: «*Плаккха, духха хан ялале, эпсарийн палколаган хорма а юьйхина,*

шен дин а кечбина, чуваьлла хлара. Прошло немного времени, одевшись в офицерскую форму полковника, подготовив своего коня, зашёл он».

Мужское одеяние *оба (аба)* «накидка, халат из материи» называет предмет ритуальной одежды – распахной халат, ряса хаджи. Халат – *оба* – кроили как черкеску, но с широкими и длинными рукавами. Богатые шили его из шелка, парчи, диагонали и других фабричных тканей зеленого, коричневого или серого цвета, а бедные – из грубого сукна и других соответствующих их статусу тканей [3, с. 126-127].

Таким образом, в чеченских народных сказках нами обнаружены как простые повседневные предметы одежды, так и дорогие, роскошные. В основном “сказочный мужской и женский наряд”, представляет национальный костюм, среди мужской одежды также встречаются предметы военного одеяния.

Список литературы

1. Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Грозный, 1975. 387 с.
2. Вагапов А.Д. Этимологический словарь чеченского языка. Тбилиси: «Меридиани», 2011. 734 с.
3. Гарсаев Л.М. Одежда чеченцев и ингушей XIX – начала XX веков (история, предания и наименования). Саратов: «Саратовский источник», 2010. 289 с.
4. Джамалханов З.Д., Уциев А.Х. Туьйранаш, шира дийцарш, кицанаш, х1етал-металш. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2007. 768с.
5. Джамбеков О.А., Джамбекова Т.Б. Чеченское устное народное творчество. Учебное пособие. Часть вторая. Махачкала: АЛЕФ (ИП «Овчинников»). 478 с.
6. Мациев А.Г. Чеченско-русский словарь. М.: ГИИНС, 1961. 625 с.

НАЗВАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПИЩЕЙ (БЛЮДА, ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ) В ЧЕЧЕНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Идрозова Э.С.-А.

ассистент кафедры иностранных языков,
Чеченский государственный университет, Россия, г. Грозный

В статье впервые рассматриваются, встречающиеся в чеченских народных сказках термины, связанные с пищей. Приводятся лексемы и описываются особенности “сказочной еды”. В статье впервые рассматриваются тематическая группа слов чеченских народных сказок с точки зрения семантики, проводится лингвистический анализ некоторых терминов. Семантическому анализу подвергнуты термины, связанные с пищей. Приводится синонимический ряд термина «еда».

Ключевые слова: народная сказка, пища, блюда, продукты питания.

Пища, которую употребляют герои чеченских сказок, не столь разнообразна. В основном это натуральные продукты: *котаман жижиж* «куриное мясо», *сискал, сискал-гла* «кукурузный чурек», *галнаш* «галушки», *худар* «каша», *чорпин кад* «тарелка супа», *хьокхам* «пшеничная лепешка, пышка», *жижиж* «мясо», *ниха* «квас, напиток, брага», *членалгаиш* «лепешка с творо-

гом», *хлоа* «яйцо», *клалд* «творог», *моз* «мед», *говран жижиг* «конина», *теран жижиг* «говядина букв. мясо быка», *виран жижиг* «ослинина», *чуоко* «внутренности, требуха», *бениг* «хлеб», *дурьа клалд* «соленый творог», *шура* «молоко», *шекар* «сахар», *эмкал жижиг* «верблюжати́на», *дайтта* «масло», *дайтта-клалд* «творог с маслом», *дум* «курдюк», *сискал-мижарг* «чурек», *морза* «сыворотка», *газанан жижиг* «козлятина», *хьакхар* «смазка, мазь, сало», *хорбазаш* «арбузы», *пастанаи* «дыни», *туьха* «соль», *кьаркьа* «алкоголь», *кхораи* «груши», *дама* «мука», *лаж* «яблоко», *блараи* «орехи», *хьуьнан блараи* «лесной орех», *хьаьжклаи* «кукуруза», *малар* «выпивка», *дуга* «рис», *ахьар* «кукурузная мука», *туьха* «соль», *хьурманаи* «хурма», *хьовла* «халва», *хингали* «лепешка с тыквенной начинкой», *дакьийна жижиг* «сушеное мясо», *буьйда жижиг* «сырое мясо», *бларийн дайтта* «ореховое масло», *хьолтламаи* «галушки из кукурузной муки» [5], *кхьарзина йоьхь* «жаренные кишки, требуха», *еттаишур* «простокваша», *мохь* «сало», *чаглар* «вино» (в сказке «Къу» [4, с. 358]: «Говр ларьеш лачара дукха хан ялале дла́мелла чаглар... Охранявшие лошадь через некоторое время выпили вино...).

Многочислен и разнообразен синонимический ряд термина «еда»: *кхача* «еда» (сказка «Кхаа йишин туьйра» («Сказка трех сестер») [3, с. 47]: «Хьархочо шаьши́нна некъана кечбина кхача а э́нна новкьа даь́лла йо́л, клант. Взяв еду, которую собрал (приготовил) для них мельник, девушка и парень отправились в путь»); *юург* «еда»: *даа хьума* «пища» (сказка «Мискачу стеган клант» («Сын бедняка (бедняги)» [3, с. 138]: «...зудчо шайна некъана даа хьума кечдина... жена приготовила им еду в дорогу. Шайна юург схьаэ́ца аь́лла, тлорказан не́глар хьалаа́йдина кхара. Сказав взять себе еды, они приподняли крышку сундука»); *даар-малар* «еда»; *пхьор* «еда»; *даар* «еда»; *яхьума* «еда» (сказка «Ган» («Сон») [3, с. 132]: «Кхарна дло́ви тоь́хна яхьума ян еза... Им надо приготовить еду с отравой...»); *юург-мерг* «еда».

Что касается кулинарного разнообразия, то в народных сказках в основном встречаются названия национальных блюд: *сискал*, *сискал-гла* «кукурузный чурек», *галнаи* «галушки», *худар* «каша», *чорпин кад* «тарелка супа», *хьокхам* «пшеничная лепешка, пышка», *члепалгаи* «лепешка с творогом», *чуоко* «внутренности, требуха», *дайтта-клалд* «творог с маслом», *дум* «курдюк», *сискал-мижарг* «чурек», *морза* «сыворотка», *хингали* «лепешка с тыквенной начинкой», *бларийн дайтта* «ореховое масло», *кхьарзина йоьхь* «жаренные кишки, требуха», *хьолтламаи* «галушки из кукурузной муки», *еттаишур* «простокваша». Также встречаются названия различных видов мяса: *котаман жижиг* «куриное мясо», *говран жижиг* «конина», *теран жижиг* «говядина», букв. «быка мясо», *виран жижиг* «ослинина», *эмкал жижиг* «верблюжати́на», *газанан жижиг* «козлятина», *жижиг* «мясо», *дакьийна жижиг* «сушеное мясо», *буьйда жижиг* «сырое мясо». Интерес представляют и названия различных напитков: *малар* «выпивка», *ниха* «квас, напиток, брага» [5], *чаглар* «вино», *кьаьркьа* «алкоголь».

Среди перечисленных терминов незначительны заимствованные слова: *хорбаз* «арбуз» [1], *паста* «дыня», *кьаьркьа* «алкоголь», *эмкал* «верблю́д»

[2], *удар* «каша», что может свидетельствовать о том, что сказка как жанр чеченского фольклора возникла в глубокой древности.

Список литературы

1. Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Грозный, 1975. 387 с.
2. Вагапов А.Д. Этимологический словарь чеченского языка. Тбилиси: «Меридианы», 2011. 734 с.
3. Джамалханов З.Д., Уциев А.Х. Туьйранаш, шира дийцарш, кицанаш, х1етал-металш. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2007. 768 с.
4. Джамбеков О.А., Джамбекова Т.Б. Чеченское устное народное творчество. Учебное пособие. Часть вторая. Махачкала: АЛЕФ (ИП «Овчинников»), 478 с.
5. Мациев А.Г. Чеченско-русский словарь. Москва: ГИИНС, 1961. 625 с.

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ФОЛЬКЛОРА КАК ОБЪЕКТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Идразова Э.С.-А.

ассистент кафедры иностранных языков,
Чеченский государственный университет, Россия, г. Грозный

В статье рассматривается изучение сказки в современных фольклорных исследованиях, а также фольклор как объект исследования в современной лингвистике. Изучением проблем фольклора занимались многие ученые и писатели. В статье приводится термин «лингвофольклористика», предложенный впервые А.Т. Хроленко в 1974 году. В конце XIX в. в России сформировались три школы лингвофольклористики (вузовские, при вузах): Курская, Петрозаводская, Воронежская.

Ключевые слова: сказка, фольклорные исследования, фольклор, лингвистика, лингвофольклористика, три школы.

В науке о фольклоре долго был распространен взгляд на сказку как на совокупность всех видов и форм устной прозы: такое понимание сказки некогда входило в учебную литературу. Соколов Ю. М. считал возможным называть сказкой любой устный рассказ: «Под народной сказкой в широком смысле этого слова мы разумеем устно-поэтический рассказ фантастического, авантюрно-новеллистического и бытового характера» [12]. Что «сказывалось», то и именовалось «сказкой». Скоро заметили изъян определения. Оно не раскрывало специфических свойств жанра и преимущественно называло его тематические разновидности. Под определение подходили и бывальщина, и легенда, и быличка, и предание, даже простой рассказ бытового характера.

Исследовательская мысль стремилась отличить сказку от других жанров устной прозы, искала различие и между самими сказками [2]. Так, еще в XIX в. Аксаков К.С. обобщил ходячие представления и отличил сказку от повествовательных песен: «Между сказками и песнями, по нашему мнению, лежит резкая черта. Сказка и песня различны изначала. Это различие установил (установил) сам народ, и нам всего лучше прямо принять то разделение, ко-

торое он сделал в своей литературе. «Сказка – складка (вымысел), а песня быль», – говорит народ, и слова его имеют смысл глубокий, который объясняется, как скоро обратим внимание на песню и сказку» [4]. По мнению Аксакова, вымысел повлиял на содержание, на изображение в сказках места действия, на характеры действующих лиц: «В сказке очень сознательно сказчик нарушает все пределы времени и пространства, говорит о тридесатом царстве, о небывалых странах и всяких диковинках» [3].

Такое понимание главной особенности сказки как жанра иногда повторяют и в наше время: «Подчеркнутая, сознательная установка на вымысел – основная черта сказки как жанра» [10]. При таком выделении жанрообразующего признака не уделяется внимание конкретной характеристике вымысла. «Установка на вымысел» существует и у других жанров. Существенным дополнением к определению должно стать указание на самый характер и свойство самого сказочного вымысла. Надо охарактеризовать вымысел с точки зрения его отношения к реальности, исторического происхождения и понять его идейно-художественные функции.

Сказка несёт и хранит (сохраняет) в себе языковую красочность и живые черты. Сказки имеют философский характер, за их конкретным содержанием встает обобщенная мысль народа. В них ярко отражена национальная культура, её своеобразие, запечатлена в словарных сочетаниях действительность (сказочная). Сказкам характерен (свойственен) определенный (своеобразный) языковой материал. «Язык сказки – это подсистема языка, система языковых образных средств, используемых для выражения художественного замысла, эмоционального настроения и аксиологической оценки...» [5]. В диссертации Абдуллабековой У.Б. «Язык и стиль кумыкских народных сказок» дается следующее определение: «Язык сказки – это подсистема словесных форм, их значений, характеризующаяся теми или иными стилистическими признаками, возникающая в прозаическом народно-эпическом устном произведении как прагматически и эстетически организованной коммуникативной структуре» [1].

Сказочный текст, его семантические, стилистические и другие особенности, отличительные и характерные черты, т.е. то что мы подразумеваем под понятием язык сказок изучается особым разделом языкознания – лингвофольклористикой. Это отрасль языкознания, которая занимается изучением фольклорных текстов и объединяет две дисциплины: языкознание и фольклористику.

Изучением проблем фольклора занимались многие ученые и писатели [В. фон Гумбольдт, Ф. Бопп, Р. Раск, Я. Гримм, А.Х. Востоков, Ф.А. Вольф, А. Бёк, В.В. Виноградов, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, П.В. Киреевский, А.В. Кольцов, Н.М. Языков, В.И. Даль, П.И. Якушкин, А.Ф. Писемский, П.И. Мельников-Печерский, В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Ф.И. Буслаева, М. Колосов, Л. Васильев, В. Чернышев, Н.И. и С.М. Толстые и др.]. Однако исследование языка русского фольклора невозможно представить без работ выдающегося этнографа, лингвиста, философа, фольклориста и литературоведа А.А. Потебни. Главной его заслугой в изуче-

нии языка фольклора явилось то, что он не просто констатировал отдельные факты, а совершил попытку создать концепцию устно-поэтической речи.

В 40-50-е годы XX века начинается современный этап в изучении языка русского фольклора трудами А.П. Евгеньевой [четвёртый раздел введения к первому тому коллективной монографии «Русское народное поэтическое творчество» 1953; монография «Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв.» Евгеньева 1963], И.А. Осовецкого [проблемная статья «Об изучении языка русского фольклора» Осовецкий 1952], П.Г. Богатырёва [журнал «Вопросы языкознания» П.Г. Богатырёв, 1973]. В этих работах отражается новый взгляд (подход) к изучению языковой природы фольклора. Этот взгляд (подход) А.П. Евгеньева формулирует так: «Язык устной народной поэзии, как и художественной литературы, следует рассматривать с двух точек зрения: во-первых, со стороны его грамматического строя и словарного состава, во-вторых, со стороны выразительной, художественной, т. е. со стороны стилистического использования тех или иных языковых явлений» [Евгеньева 1953]. И.А. Осовецкий в своей статье «Об изучении языка русского фольклора» [9] кратко подводит итоги предыдущего периода изучения фольклорного языка и намечает две дальнейшие тенденции (линии) в исследовании языка фольклора: а) его природа, взятая как сумма лингвистических фактов в его отношении к другим формам речи, и б) стилистическое использование отдельных языковых фактов. Немного позже на проблемы языка фольклора обращает внимание знаток славянской культуры народа, знаменитый славист П.Г. Богатырёв, который пишет о различии форм языка фольклора и диалекта в их коммуникативной функции.

Работы П.Г. Богатырёва, А.П. Евгеньевой, И.А. Осовецкого, А.В. Десницкой и другие определили новый этап (подход) в выяснении природы языка фольклора и определили тенденции и характер дальнейшей исследовательской деятельности лингвофольклористов. Постепенно становится очевидным, что язык устного народного творчества должна изучать специальная дисциплина (филологическая). Эта дисциплина получила название “лингвофольклористика”.

А.Т. Хроленко в 1974 году впервые предложил этот термин, когда вышли в свет две его публикации: первая «Проблемы лингвофольклористики (к вопросу о комплексном подходе к изучению языка фольклора)» в сборнике научных трудов Курского ГПИ [Хроленко, 1974] и вторая «Что такое лингвофольклористика» в научно-популярном журнале «Русская речь» [13]. Специфика данной темы исследования предполагает употребление (применение) лингвофольклористических методов, где центральное внимание уделяется вопросам обнаружения языковой специфики фольклора.

Предложенный А. Т. Хроленко термин обозначил главную суть в изучении фольклора – выявление места и функции языковой структуры в структуре фольклорного произведения, использование лингвистических и фольклористических методов исследования [13].

Важность и необходимость отдельной (специальной) дисциплины в науке, исследующей язык фольклора, обуславливалась не только тем, что это

даст новые знания о фольклорной природе слова как элемента народно-поэтического творения (произведения) – это её итоговое и основное значение – но и тем, что специальная дисциплина в науке даст поиск нового (иного) методического, методологического и интегрированного подхода к фольклору. Эффективные методы и методики исследований, точное (четкое) определение проблем, правильная координация усилий (творческих) тех, кто занимается изучением языка фольклора – только это уже говорит о важности и необходимости существования лингвофольклористики.

Объектом лингвофольклористики является вербальная составляющая фольклора, предметом – описание и изучение языка фольклора.

Проблемы, которые должны были быть в компетенции лингвофольклористики, обозначили в своих работах А.П. Евгеньева [1963], И.А. Оссовецкий [1975], П.Г. Богатырёв [1973]. Это природа языка фольклора в его соотношении (сопоставлении) с другими общенародными формами языка; основы генетики поэтики; сущность стилистики фольклора; психолингвистический аспект творчества народа; общее и особое (важное) в фольклорном языке; инвариантное и вариантное в нём; взаимосвязь (её характер) поэтики и языка на фольклорном уровне и др. И.А. Оссовецкий и П.Г. Богатырёв делают попытку сформулировать определения понятию «язык фольклора».

Язык фольклора – это весьма обширное понятие, многогранное и неоднозначное. В различных произведениях фольклора он изложен довольно разнообразно. В общем фольклорный язык можно охарактеризовать (изобразить) как метасистему, состоящую из (делящуюся на) подсистемы различных (отдельных) жанров, в этих конкретных жанрах и происходит её реализация. В отдельных жанрах фольклорный язык выглядит более однозначно (представляет собой более однозначное стилевое образование), хотя различия все же могут наблюдаться [9].

И.А. Оссовецкий указывает, что «язык фольклора в целом – это не “литературная форма диалекта”, а значительно более сложное образование системного характера, определенный континуум, где диалектически сплавлены его образующие, т.е. и конкретные народные говоры, и диалектный язык, как система всех соответственных диалектных явлений, и общенародный язык, в целом как метасистема русского языка, причем все эти элементы представлены в языке фольклора не только в их современном сосотоянии» [8]. Богатырев П.Г. утверждает, что язык фольклора – это диалект в его эстетической функции [7].

В конце XIX в. в России сформировались школы лингвофольклористики (вузовские, при вузах). Это были три школы: первая во главе с А.Т. Хроленко – Курская. Эта вузовская школа занимается изучением фольклора: его семантики, лексикологии, лексикографии; вторая – Петрозаводская – глава З.К. Тарланов: исследует синтаксис, рассматривают языковую дифференциацию жанра; третья – Воронежская, возглавляемая Б.Б. Артеменко, рассматривает текстообразование фольклора и синтаксис (народный и поэтический). Также нельзя не отметить, вышедшую в 1993 году монографию С.Е. Никити-

ной «Устная народная культура и языковое сознание» [М., 1993], которая является основой лингвофольклористики.

Из трех школ, занимающихся проблемами языка устного народного творчества (фольклора), следует выделить представителей первой школы (Курской): в 2005 году публикуется хрестоматия «язык фольклора» под редакцией Хроленко А.Т. [М., 2005], а также он является автором учебного пособия «Введение в лингвофольклористику» [М., 2010]. Представители этой школы (Курской) отмечают двуслойность языка фольклора. «Первый слой – это набор ключевых слов, устойчивых сочетаний, формул, моделей, являющейся основой текстов. Второй слой – это все остальные слова, включенные в ткань фольклорного произведения. Оба слоя объединяет фольклорная картина мира» [11].

Выделяются основные течения (направления) лингвофольклористики: кросскультурная и сопоставительная. Кросскультурная занимается сравнением явлений в языке фольклора нескольких этносов (двух, трех и более), а сопоставительная исследует одну народно-эпическую культуру.

Самым современным направлением лингвофольклористики является применение корпусной лингвистики. Его использование стало возможным благодаря развитию современных технологий. Оно заключается в алфавитном перечне «всех слоев какого-либо текста с указанием контекстов его употребления [6].

В отечественной лингвистике проблемы изучения языка сказок и их стиля являются актуальными. Их исследования в славянских и других языках можно встретить в работах (в этих работах даются лингвистические и фольклористические характеристики сказок): исследуются в лингвистическом плане: Тарланов З.К. «Сравнительный синтаксис жанров русского фольклора» – монография [Петрозаводск, 1981], В.И. Борковский «Синтаксис сказок: русско-белорусские параллели» [М., 1981], Ян Кэ «Лингвостилистический и лингвострановедческий анализ русских народных волшебных сказок» [Казань, 1995], «Вариативность / инвариативность в речевых манипуляциях персонажей сказок (на материале английского и русского языков)» [Ульяновск, 2007], И.Е. Пенская «Имена собственные в русских народных сказках и способы передачи на английский язык» [Москва, 2008], Гордлевский В.А. «Язык и литература» [М, 1961], Аджиев А.М. «Устное народное творчество кумыков» [Махачкала], «Язык и стиль башкирских народных сказок» Кульсарина Г.Г. [Уфа, 2004], «Язык и стиль сказок монгольских народов» Бадмаева С.С. [Элиста, 2004], Т.Б.Бураева «Язык калмыцких народных сказок (на материале «Калмыцких сказок» Г.И. Рамстеда» [Элиста, 2006], «Фразеология аварских народных сказок» [Махачкала, 2009], Абдуллабекова У.Б. «Язык и стиль кумыкских народных сказок» [Махачкала, 2013] и др.; а также в работах, посвященных исследованиям фольклора в вопросах, касающихся лингвистики русской народной сказки [Пропп 1969, 1984, Померанцева 1985, Веселовский 1989, Аникин 1984, 2011, Адлейба 1980, Кравцов 1973, Ведерникова 1980, Рошияну 1974, Никифоров 1971 и др.].

Что же касается собственно чеченского языкознания, проблемы лингвофольклористики (как языка фольклора в целом, так и языка сказок) практически не изучены. Но следует отметить, что их изучение (проблем лингвофольклористики, в частности изучение языка сказок) является неоценимым, ведь «язык чеченских народных сказок является ценным подспорьем в изучении лексики дописьменного периода чеченского языка, его грамматического (морфологического, синтаксического) строя» [8]. Говоря о работах, посвященных чеченской лингвофольклористики, можно выделить только диссертационное исследование Амаевой Т.Б. «Чеченские малые фольклорные жанры (пословицы, поговорки и загадки)» [Амаева, 1975] посвященное собственно фольклору и монографию Шамилёвой Р.Д. «Чеченские пословицы и поговорки: лингвистический аспект» [Шамилёва, 2011], посвященную пословицам и поговоркам в лингвистическом аспекте. Язык же чеченских сказок в научной литературе не исследован.

Список литературы

1. Абдуллабекова Язык и стиль кумыкских народных сказок. Автореф. Махачкала, 2013.
2. Азбелев С.Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965. С.5-25.
3. Аксаков К.С. Полн. Собр. соч. М., 1861. Т.1. С. 399.
4. Аникин В.П. Русское устное народное творчество. – М.: «Высшая школа», 2001. – С. 447.
5. Бадмаева С.С. Язык и стиль сказок монгольских народов: на материале лексики: дис. канд. филол. наук. Элиста: Калмыцкий университет гуманитарных исследований, 2004. – 200 с.
6. Бобунова М.А. Конкорданс как средство выявления территориальных особенностей языка фольклора // Учёные записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. – №3.
7. Богатырёв П.Г. Язык фольклора // Вопросы языкознания. 1973. -№5.-С. 106-116.
8. Идрозова Э. С-А. К вопросу о прилагательных, обозначающих физические и другие признаки, в чеченских народных сказках // Вестник ЧГУ. Грозный, 2014 – Выпуск 2 – С. 146-150.
9. Оссоветский И.А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. – №5. – С. 66-77.
10. Померанцева Э.В. Русская народная сказка. М., 1963. С.5.
11. Праведников С.П. Пути возникновения в языке фольклора различий территориального характера // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. – №2. – С. 53-56.
12. Соколов Ю.М. Русский фольклор. – М., 1938. С.292.
13. Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 192 с.

БОРИС АКУНИН КАК «СОАВТОР» А.П. ЧЕХОВА: ОБЗОР РЕЦЕНЗИЙ И ОТЗЫВОВ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Исмагилова Е.Э.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Россия, г. Уфа

Статья посвящена созданному Борисом Акуниным продолжению «Чайки» А.П. Чехова. Это произведение вызвало неоднозначную реакцию как со стороны литературной критики, так и широкого круга читателей. Акунинскую пьесу можно назвать одним из типичных произведений постмодернистской литературы, в котором на первый план выходят уже не судьбы героев, как у Чехова, а сюжет и особенности его раскрытия.

Ключевые слова: Чехов, Акунин, соавтор, постмодернизм, рецензия.

Одной из ключевых особенностей современной литературы является тесная связь с литературой предшествующей. Однако связь эта выражается не только в прямом следовании сложившимся литературным традициям, но и в их переосмыслении и переработке. Нередко в современные авторы создают абсолютно неожиданные переработки классических произведений, которые вызывают большой резонанс в читательской среде. Одним из таких произведений является написанное Борисом Акуниным продолжение чеховской «Чайки».

«Чайка» А.П. Чехова – одно из самых известных его произведений, пьеса, ставшая классикой театральной сцены, которую можно увидеть практически в каждом театре. Чехов создал сюжет, финал которого оставляет множество вопросов перед читателем. Эту неопределенность и попытался разрешить Б. Акунин, предложив совершенно неожиданное продолжение – детективный сюжет, в котором речь идет не о самоубийстве, а об убийстве Треплева. Причем автор предлагает читателю не одну, а сразу несколько версий, каждая из которых имеет свои основания и доводы.

Как считает П.В. Басинский, созданная Борисом Акуниным пьеса к Чехову «не имеет ни малейшего касательства» [2]. По его мнению, автор не просто играет с классическим текстом, но разбирает его на части, лишая тем самым «души». И в этом он видит «своего рода железный закон всякой постмодернистской игры» [2]. Однако, считает П.В. Басинский, Б. Акунин создает свое произведение не как дань постмодернизму, для которого литературная игра есть одна из главных идей, в его произведении критик видит скорее «филологический» подход к вопросу игры с текстом, а саму пьесу воспринимает как произведение о русском постмодернизме. П. В.Басинский не видит в Акунине чистого постмодерниста, стремящегося в своем творчестве утвердить постмодернистские ценности, он скорее воспринимается как наблюдатель, который своим творчеством показывает закономерности современной ему литературы, но не видит в них самоцель.

Крайне иронично высказывается о творении Бориса Акунина М. Ремизова в статье «Чучело Чехова». Акунинский текст, по ее мнению,

трудно классифицировать как пародию, игру или же разрушение дискурса русской классики, т.к. до каждого из этих вариантов автор словно бы не дотягивает. В новой «Чайке» она видит «торжество пошлости» [7]. Говоря о языке, слоге произведения, она отмечает, что он «хотя и напоминает чеховский, но только самыми поверхностными и <...> ничтожными деталями» [7].

Скептические высказалась о пьесе Бориса Акунина, а также о ее постановке в «Школе современной пьесы» Марина Давыдова, по мнению которой акунинская «Чайка» «тянет лишь на пустячную шутку, которая хороша для дружеского застолья, но малопригодна для воплощения на сцене» [5]. В этом произведении она видит не более чем неудачную пародию, причем пародируется в конечном итоге не классический текст (на что, по мнению критика, претендовал Акунин), а детективный жанр, причиной чему является «непонимание принципов чеховской драматургии, а лишь отменное знание детективной литературы» [5].

Немало рецензий получила акунинская «Чайка» после постановки ее в «Школе современной пьесы». Рецензии эти различны, их авторы обращают внимание на различные аспекты произведения, зачастую большее внимание уделяя не самой пьесе как художественному произведению, а актерскому ее воплощению (что естественно в случае театральной постановки). Так, в газете «Известия» вышла статья А. Филиппова, по мнению которого «такого рода сочинительство сродни домашнему музицированию» [10]. Автор не видит ничего ужасного в решении Акунина «продолжить» «Чайку», однако отмечает неравноценность художественных текстов: «чеховский слог отличается от акунинской стилизации, как лань от впряженного в ту же телегу коня» [10]. З. Грекова в «Ведомостях» пишет, что смотреть новую «Чайку» скучно, но стоит для того, чтобы по-новому затем взглянуть на чеховскую пьесу, но не более [4]. Собственно постановку пьесы «сверхмодного Б. Акунина» журналист считает не более чем попыткой привлечь зрителя, т.к. Акунина широкий читатель любит и захочет посмотреть. Об абсурдности и несвязности сюжета в театральной постановке говорит М. Белова в «Коммерсанте», отмечая при этом, что все, написанное Акуниным, «становится бестселлером в буквальном коммерческом смысле этого слова» [3]. По ее мнению «Акунин играет с модной ныне теорией многовероятности» [3], однако это не дает нужного результата – все эти мини-сцены с расследованиями возможности вины каждого героя видятся логически несвязанными между собой.

Как разнообразны мнения критиков и журналистов, так различны и точки зрения простых читателей, оставляющих свои отзывы о пьесе Акунина в интернет-пространстве. Кто-то положительно оценивает новое творение: *«Просто, но изящно, как всегда у Акунина»; «прочитано за 1 вечер, оторваться невозможно. В своем жанре он лучший»*. Но преобладают все же негативные отзывы: *«Акунинская «Чайка» даже как детективная пьеса слаба, любой школьник мог написать подобное...»; «На мой взгляд, это самое слабое его детективное произведение»; «Даже читать не советую»*. Стоит отметить, что доминирование негативных откликов характерно для Интернета в целом, т.к. в первую очередь, читатель стремится выразить свое недо-

вольство, в то время как довольный читатель реже стремится поделиться мнением в сети.

Литературный критик из Болгарии М. Костова-Панайотова в статье «Чайка» Бориса Акунина как зеркало «Чайки» Чехова» предпринимает попытку обобщить взгляды литературной среды на данное произведение. Как отмечает критик, акунинский текст существенно отличается от чеховского уже тем, что для А.П. Чехова важны личности и судьбы героев, в то время как у Б. Акунина «в центре пьесы – происшествие, персонажи превращены в своего рода функции» [6]. Исследователь в целом выражает положительное отношение к этому литературному эксперименту, говоря, что «акунинская пьеса «Чайка» в сущности утверждает, что без классики нельзя» [6]. Она придерживается мнения, что автор стремился изменить отношение к творчеству А.П. Чехова, взгляд на которое стал клишированным. И подобный пересмотр классики становится средством, привлекающим к классической литературе большее внимание читателей. Так и П. Басинский при критичном отношении к работе Акунина все же отмечает: «Я безусловно благодарен ему за то, что он заставил меня перечитать «Чайку» – въедливо, чуть не с лупой в руке» [2].

Сам Георгий Чхартишвили, он же Борис Акунин, в одном из интервью говорил: «Для меня Чехов – один из самых интригующих писателей, особенно в области драматургии. Я перечитывал его пьесы и ни одну из них так и не сумел понять» [1]. В своем дописывании «Чайки» писатель словно предпринимает попытку понять это произведение. Говоря о своей «Чайке» Акунин отмечает, что эта созданная им пьеса – «гамма, литературное упражнение. Я взял «Чайку» с ее миром тщательно сдерживаемых страстей, с таким «тихим омутом» и стал по очереди вытаскивать из этого омута чертей» [1]. То есть сам автор произведения отмечает, что оно не есть попытка переписать или разрушить классику, а своего рода писательская тренировка, и Акунин действительно разбирает пьесу на части, выискивая и раскрывая «чертей».

Список литературы

1. Акунин дописал Чехова [Электронный ресурс] // АиФ. Москва, 2000. №47. Режим доступа: <http://www.aif.ru/archive/1711048>
2. Басинский П. Чучело Чайки (Из цикла «Свой взгляд») [Электронный ресурс] // «Литературная газета», 2000. № 17. Режим доступа: <http://www.pereplet.ru/text/svoy1.html>
3. Белова М. Репетиция убийства [Электронный ресурс] // «Коммерсант» от 21.04.2001. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/254726>
4. Грекова З. Птичий полет [Электронный ресурс] // «Ведомости» от 28.04.2001. Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2001/04/28/ptichij-polet>
5. Давыдова М. Обманутый обманщик [Электронный ресурс] // «Время новостей» от 11.05.2001. Режим доступа: <http://www.vremya.ru/2001/80/10/9567.html>
6. Костова-Панайотова М. «Чайка» Бориса Акунина как зеркало «Чайки» Чехова» [Электронный ресурс] // «Дети Ра», 2005. – №9. – Режим доступа: http://www.detira.ru/arhiv/13_2005/mkp_sht.htm
7. Ремизова М. Чучело Чехова. Пьеса Бориса Акунина «Чайка» в журнале «Новый мир» [Электронный ресурс] // «Независимая газета», № 78 (2140) от 28.04.2000. Режим доступа: http://www.ng.ru/culture/2000-04-28/7_chekhov.html

8. Степанов А.Д. Об отношении к мертвым словам (Чехов и Сорокин) [Электронный ресурс] // Вестник пермского университета, 2012. №1. Режим доступа: <http://www.rfp.ru/archive/1.2012/stepanov.pdf>

9. Филиппов А. Доктор Дорн идет по следу [Электронный ресурс] // «Известия» от 28.04.2001. Режим доступа: <http://www.biletexpress.ru/articles/1899.html>

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЭВОЛЮЦИИ ФРИКАТИВНЫХ СОГЛАСНЫХ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Калашова А.С.

доцент кафедры РГ ЯиМК, канд. филол. наук,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, Ставрополь

Патрушева Е.В.

доцент кафедры РГ ЯиМК, канд. филол. наук,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, Ставрополь

В статье рассматриваются некоторые особенности процесса эволюции фрикативных согласных в испанском языке, в результате которого в Испании сложились две подсистемы спирант: северная, различающая 5 сегментных компонентов данного типа, и южная, различающая 4 компонента.

Ключевые слова: согласный, фонема, сегментный компонента, фрикативный, аффриката, различительный признак, звонкий, глухой.

Фрикативные согласные (спиранты, щелевые) – согласные, образующиеся в результате сближения активного и пассивного органа [1, с. 479]. В испанском языке различают четыре сегментных компонента данного типа, обладающих различительными признаками /f/, /s/, /j/ и /x/ [3]. Однако в испанском языке Пиренейского полуострова также существует фонема /θ/, благодаря которой можно различить слова *taza* ['taθa] и *tala* ['tala] или *foco* ['foko] и *zoko* ['θoko]. Причины существования подобной подсистемы (5 фонем Пиренейского полуострова вместо 4) можно найти в диахронии [2, с. 165].

В средневековом кастильском (испанском) существовали три пары согласных, противопоставленных по признаку 'звонкий – глухой' [2, с. 165]: 1) зубно-альвеолярные звонкая и глухая аффрикаты /ts/ ~ /dz/, которые различали глагол *decir* [de'tsɪr] от *descender* (спускаться) < лат. *descendere* и глагол *dezir* [de'dsɪr] от лат. *decir* (говорить) < *dicere*; 2) звонкая и глухая фрикативные апиальные альвеолярные /s/ ~ /z/, которые различали существительное *osso* ['o.sɔ] от *oso* (медведь) < лат. *ursus* и *oso* ['o.zo] (форма глагола *osar* (осмеливаться) < лат. *ausare*); 3) звонкая и глухая фрикативные препалатальные /ʃ/ ~ /z/, которые различали прилагательное *fixo* ['fi.ʃo] от *fijo* (твердый) < лат. *fixus* и существительное *fijo* ['fi.ʒo] от *hijo* (сын) < лат. *filius*.

Следует отметить, что в ходе развития фонетической системы кастильского языка в разных регионах страны данные пары на севере и на юге эволюционировали по-разному.

Так, в северных регионах, говоривших на кастильском языке, три пары согласных $/ts/ \sim /dz/$, $/s/ \sim /z/$ и $/f/ \sim /z/$ перестали противопоставляться по признаку 'звонкий – глухой', поскольку в речи реализовался только глухой вариант каждой пары.

В аффрикатах $/ts/ \sim /dz/$ пропадает фаза смычки, и они начинают реализовываться как фрикативные: $/ts/ > /s/$ и $/dz/ > /z/$. Отсутствие противопоставления по признаку 'звонкий – глухой' приводит к исчезновению $/z/$; тем временем, у фрикативной глухой фонемы $/s/$ смещается вперед точка артикуляции, в результате сего она превращается в межзубную: $/s/ > /θ/$. У согласной $/f/$ также меняется точка артикуляции (как бы отходит назад), в результате чего она становится велярной: $/f/ > /x/$.

Таким образом, в этих регионах сложилась система из трех фонем: межзубная $/θ/$, апикальная альвеолярная $/s/$ и велярная $/x/$ (таблица 1).

Таблица 1

Средневековый испанский/кастильский				Изменения в системе фрикативных согласных на севере
Зубные альвеолярные аффрикаты	глухая	$/ts/ > /s/$	>	$/s/ > /θ/$
	звонкая	$/dz/ > /z/$		
Апикальные альвеолярные фрикативные	глухая	$/s/$	>	$/s/ > /s/$
	звонкая	$/z/$		
Фрикативные препалатальные	глухая	$/f/$	>	$/f/ > /x/$
	звонкая	$/z/$		

Традиционно эти территории называют *variedades norteñas* (северные варианты) [2, с. 166]. На современной карте Испании этим вариантом соответствуют центральные и северные части страны.

На юге, в Андалусии в конце XV в., еще до того как исчезло противопоставление глухих и звонких, происходил процесс слияния апикальной альвеолярной глухой $/s/$ и предорсальной зубной глухой $/s/$, в результате которого в языке сохранился только один элемент: предорсальная зубная глухая $/s/$. Аналогичный процесс происходил и у звонких согласных, следствием чего стало существование только одной согласной: предорсальная зубная звонкой $/z/$.

Таким образом, в результате исчезновения противопоставления 'звонкий – глухой' из трех пар согласных $/ts/ \sim /dz/$, $/s/ \sim /z/$ и $/f/ \sim /z/$ на юге сложилась подсистема из двух фонем: $/s/$ и $/x/$ (таблица 2).

Таблица 2

Средневековый испанский/кастильский				Изменения в системе фрикативных согласных на юге
Зубные альвеолярные аффрикаты	глухая	$/ts/ > /s/$	>	$\begin{matrix} /s/ \\ > /s/ \\ /z/ \end{matrix}$
	звонкая	$/dz/ > /z/$		
Апикальные альвеолярные фрикативные	глухая	$/s/$	>	$/f/ > /x/$
	звонкая	$/z/$		
Фрикативные препалатальные	глухая	$/f/$	>	$/f/ > /x/$
	звонкая	$/z/$		

Описанные выше процессы привели к тому, что на территории Испании сложились две подсистемы фрикативных согласных: 1) *Sistema seseo* – система, при которой нет различия между /s/ и /θ/, а ряд фрикативных согласных представлен 4 элементами /f/, /s/, /j/ и /x/; 2) *Sistema norteño/distinguidor* – система, при которой существует различие между /s/ и /θ/, а ряд фрикативных согласных представлен 5 элементами /f/, /s/, /j/, /x/ и /θ/.

Список литературы

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
2. Nueva gramática de la lengua española. Fonética y fonología. Real Academia Española, 2011. 532 p.
3. Iribarren, Mary C. Fonética y fonología españolas. Madrid, 2011. 335 p.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ГЛАГОЛОВ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Колосова Т.Н.

доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, канд. филол. наук,
доцент, Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург

Якименко Н.Е.

доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, канд. пед. наук,
доцент, Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассматриваются основные особенности предъявления глаголов повелительного наклонения (императива) в иностранной аудитории. Случаи употребления форм НСВ и СВ в императиве можно свести в двум основным случаям: представить дробное значение различных способов употребления видов глагола в императиве, либо унифицировать – то есть частновидовые значения свести к прототипическим значениям видов. И тот, и другой способ предъявления материала имеют свои достоинства и недостатки. В статье анализируются основные достоинства второго способа предъявления грамматического материала в иностранной аудитории.

Ключевые слова: императив, совершенный вид глагола, несовершенный вид глагола, категориальное значение, процесс и результат действия.

К определению данного грамматического понятия (императив русского глагола) мы относимся вполне традиционно: «Морфологическая категория наклонения глагола – это система противопоставленных друг другу рядов форм, выражающих отношение действия к действительности ... Категориальным значением повелительного наклонения является значение побуждения, т.е. представления действия как требуемого, к которому побуждает кто-либо говорящий» [3, с. 618-621].

В разных пособиях по РКИ за формами императива НСВ и СВ закрепляется различное количество значений, что обусловлено взглядами авторов на степень дробности семантики видов. За НСВ закрепляется употребление в следующих случаях: 1. Побуждение к действию в его процессе (побуждение изменить качество действия) (*Пишите внимательнее, не торопитесь!*); 2. Просьба / побуждение к многократному / повторяющемуся действию (*Чаще звоните родителям.*); 3. Побуждение к началу (приступ к действию) (*- Можно войти? – Входите!; Уже 9 часов. Вставай!*) или продолжению начатого ранее действия (*Почему ты замолчал? Рассказывай дальше!*); 4. Разрешение (*- Здесь можно курить? – Курите*); 5. Приглашение (*Приходи ко мне в гости.*); 6. Пожелание (*Будьте здоровы! Поправляйтесь!*); 7. Совет (рекомендация), которым надо следовать неоднократно (*Ешьте овощи и фрукты!*).

Формы СВ глагола считаются предназначенными для выражения: 1. (Однократной) просьбы довести действие до результата (*Обязательно сообщите нам о результатах экзамена.*); 2. Совета, который следует исполнить лишь однократно (*Непременно сходи на эту выставку!*); 3. Инструкции, рекомендации, задания (*Выполните задание 5 и выучите новые слова.*); 4. Приказа (*Выйдите из комнаты! Встаньте!*).

Как следует из сказанного, студент должен запомнить примерно семь различных случаев употребления в императиве глаголов НСВ и четыре – глаголов СВ. Оправданно ли столь дробное деление?

Поскольку данная тема в курсе РКИ изучается после того, как студентами уже были освоены основные видовые значения русских глаголов, логично предположить, что на основе изученного материала можно выстроить взаимосвязь между полученными знаниями и тем, что предстоит усвоить. Нам кажется, что случаи употребления форм НСВ и СВ вида в императиве можно свести в двум основным случаям: представить дробное значение различных способов употребления видов глагола в императиве, либо унифицировать – употребление императива НСВ желательно во всех случаях, когда речь идет о процессе действия (его начале, продолжении, повторении) и СВ, когда речь идет о его результате (обязательно нужно закончить действие), т.е. частновидовые значения сводятся к прототипическим значениям видов.

При подобном объяснении материала, у студентов, как правило, возникает единственная проблема, связанная с разграничением ситуаций настоящего и ближайшего будущего времени, типа: *Покажите, пожалуйста, этот сувенир*. Употребление императива НСВ (*Показывайте*) студенты мотивируют тем, что выражается просьба совершить действие сейчас, в данный момент (я сейчас хочу посмотреть этот сувенир), что предполагает выбор форм настоящего времени и, соответственно, форм НСВ. Следует обратить внимание студентов, что в подобных высказываниях все-таки важнее оказывается результат получения действия, а не момент, время его осуществления.

Заметим, что в упражнениях довольно часто даются предложения, в которых возможно употребление императива обоих видов, что, однако, не оговаривается в заданиях. При подготовке к уроку преподавателю стоит внимательно просмотреть и проанализировать учебный материал, чтобы выявить

подобные случаи и обращать на них внимание в процессе урока. Это способствует снятию «запрограммированности», когда изученная модель воспринимается как жесткое ограничение в употреблении того или иного вида (хотя, как говорилось выше, подобных ограничений не так много) и, соответственно, расширяет коммуникативные возможности обучаемых. Например: *Включи (включай) телевизор. Что же ты не включаешь?; – Можно закрыть (закрывать) окно? – Закройте! (Закрывайте!)*

Рассмотрим роль контекста при выборе форм императива НСВ или СВ. Интересно сравнить в этом ключе следующие предложения: *Составьте график дежурств к завтрашнему утру. Составляйте график дежурств каждый месяц. Прочитайте текст и ответьте на вопросы.* Налицо бесспорные сигналы, обуславливающие употребление форм НСВ (*каждый месяц*) или СВ (*к завтрашнему утру*), а также логическая модель производимых субъектом последовательных действий, необходимых для выполнения задания (*прочитайте – ответьте*).

Однако объяснить в этом же ключе употребление императива НСВ и СВ в следующих предложениях уже довольно затруднительно: *Ответьте, пожалуйста, на несколько наших вопросов. Если у вас есть вопросы, спрашивайте, не стесняйтесь.* В данном случае практически одни и те же сигналы (*несколько вопросов, вопросы*) употребляются в конструкциях с обоими глагольными видами. То есть четко выраженные лексические сигналы, помогающие иностранцу ориентироваться в выборе форм СВ или НСВ вида, в данном случае его дезориентируют.

А как расценивать употребление СВ в предложениях типа: *Закройте, пожалуйста, дверь!* С одной стороны, налицо желание говорящего побудить другое лицо к доведению действия до результата (*дверь не должна быть открыта*, т.е. нужно употребить императив СВ), с другой – наличие лексемы *пожалуйста* воспринимается как сигнал выражения вежливой просьбы (т.е. нужно выбрать императив НСВ).

Рассуждая о конкуренции видов, И.Г. Милославский отмечает, что это явление возможно в формах прошедшего времени, инфинитива и сослагательного наклонения, однако «в целом вопрос о конкуренции видов недостаточно подробно изучен в русской грамматике» [1, с. 166]. Нам кажется правомерным дополнить этот перечень и формами императива, поскольку выбор вида императивных форм также в значительной мере может зависеть от компетенции говорящего. Ср. в этой связи: *Сначала внимательно послушайте всю информацию, а потом можете задать (возможно также: задавать) вопросы. А теперь продиктуй (диктуй) мне номер твоего телефона.*

Размышления над особенностями функционирования глаголов в форме императива приводят нас к выводу о том, что довольно часто случаи их конкретного употребления являются не чисто грамматическими, а скорее лексическими, позиционно обусловленными.

Рассмотрим особо случаи выражения просьбы и приказа. Как показывает практика, студентов во многом вводит в заблуждение упоминание о том, что употребление в императиве глаголов НСВ является более корректным,

вежливым. Например, читаем: «Глаголы НСВ в повелительном наклонении могут вносить в высказывание оттенок вежливой просьбы, приглашения. (– Вставай, пожалуйста! Вредно много спать!; Приходите ко мне в субботу на день рождения.) Глаголы СВ – оттенок резкого, а иногда и грубого требования (– Встань, когда говоришь со старшими!; – Сядь на место! Ты мне мешаешь!) [4, с. 69-70].

При этом в следующих примерах для выражения приказа наиболее предпочтительной, на наш взгляд, будет форма императива не СВ, а НСВ: «*Отвечай (не Ответь), почему ты это сделал?! Смотри мне в глаза! Не молчи!*». Или же употребление СВ в конструкциях, выражающих, например, просьбу. Обращение матери к ребенку, который плохо ест: «*Скушай, пожалуйста, кашку! Ну, съешь ещё хоть ложечку!*» весьма затруднительно расценивать как приказ. При этом во фразе «*Ешь, тебе говорят!*» форма несовершенного вида не мешает говорящему выразить приказ, поскольку он непосредственно содержится в семантике лексем *тебе говорят* и дополняется общей интонацией.

Отметим, что роль контекста и интонации в формировании значения императивной конструкции оказывается очень важной. Так, она напрямую прослеживается в случаях типа: «*Встань! Хватит спать!*» и «*Вставай! Хватит спать!*», «*Сядь на место!*» и «*Садись на место!*». Произнесенные с разной интонацией, данные предложения могут в одинаковой степени выразить желание говорящего и приказать, и попросить.

Упоминание преподавателя о том, что глаголы НСВ в императиве имеют дополнительную семантику вежливости, порождает весьма распространенные ошибки студентов, мотивирование тем, что они стремятся быть вежливыми. Особенно это относится к студентам, приехавшим из восточных стран (например, в японском языке существует *грамматическая категория вежливости*). С данными или подобными фразами сталкивался, думаем, каждый преподаватель: *Проверяйте, пожалуйста, мою работу* (вместо: *Проверьте*), *Помогайте мне, пожалуйста!* (вместо: *Помогите!*), *Давайте мне словарь!* (вместо: *Дайте!*), *Советуй* (вместо: *Посоветуйте*) *мне, куда пойти в выходные!* и под. Причина ошибок – употребление вежливого слова *пожалуйста*. Как отмечалось выше, оно может явно диссонировать с общим требованием, к которому побуждает говорящий – получение результата действия: *Проверьте, пожалуйста, мою работу!*; *Помогите мне, пожалуйста!*; *Дайте мне словарь!*; *Посоветуй мне, пожалуйста, куда пойти в выходные!*

Что касается употребления НСВ для выражения вежливой просьбы, то на самом деле существует довольно ограниченный круг ситуаций, в которых употребление императива НСВ действительно носит оттенок вежливости. По нашим наблюдениям, это в большей части ситуации, связанные со сферой обслуживания, сервисом в кафе, гостиницах, ресторанах и под. Сюда входят также ситуации, связанные с приемом гостей – приглашение в гости, выражение внимания к гостю, его угощение за столом (что также можно отнести к сервису и обслуживанию); Ср.: *Вот меню, пожалуйста, выбирайте. Вы уже*

выбрали? Заказывайте! Раздевайтесь, проходите, садитесь! Ешьте, гости дорогие! Берите еще, не стесняйтесь! и подобное.

«Значение формы повелительного наклонения в изолированной употреблении – значение требования, побуждения» [2, с. 208]. По этой причине на уровнях В2 и выше стоит также обращать внимание на контекстное употребление данных форм, где основное значение редуцируется либо теряется полностью.

Таковы, на наш взгляд, основные особенности предъявления глаголов повелительного наклонения в иностранной, в частности филологической, аудитории.

Список литературы

1. Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. – М., 1981.
2. Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка.: Учеб. пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101. – «Рус. яз. и лит.». – М.: Просвещение, 1981. – 254 с.
3. Русская грамматика. Том 1. – М., 1980. С. 618-621.
4. Скворцова Г.А. Употребление видов глагола в русском языке: Учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык. – 5-е изд. – М.: Рус. яз. Курсы, 2005. – 136 с.

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ АССОЦИАТИВНОГО ХАРАКТЕРА В РЕКЛАМЕ ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ 1980-2015 гг.

Лапшова Н.В.

аспирант по специальности «Русский язык»,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

В статье рассматриваются когнитивные модели ассоциативного характера рекламных сообщений в период 1980-2015 гг. Анализ позволяет выделить модели, проследить ассоциативный ряд, который возникает вокруг номинации товаров пищевых продуктов.

Ключевые слова: ассоциация, номинация, семантическая структура, стимул, лексемы-реакции.

Анализ собранных рекламных текстов пищевых продуктов в современном рекламном дискурсе выявил высокую частотность использования ассоциативных переносов в семантической структуре рекламных номинаций пищевых продуктов и слоганов, сопровождающих их. Так Д.Н.Шмелев предложил дополнительное измерение – деривационно-ассоциативное [3].

Так, в основе наименований пищевых продуктов может лежать и ассоциативный признак по сходству между наименованием и произведённым впечатлением (Печенье «Весенняя рапсодия», конфеты «Триумф», конфеты «Звёздное танго», конфеты «Новогодний романс», «Вечерний романс», конфеты «Романс моей души», конфеты «Коррида», торт «Испанская коррида и т.д.).

По данным Словаря С.И. Ожегова, существительные в названных номинациях имеют следующие основные значения в языке: **рапсодия** – «музыкальное произведение на темы народных песен, сказаний»; **романс** – «небольшое вокальное произведение лирического характера»; **триумф** – «блестящий успех, торжество»; **танго** – «танец в медленном темпе с характерным движением – скользящим шагом»; **коррида** – «род массового зрелища в Испании и некоторых других странах» [4]. Языковые значения указанных слов послужили базой для развития различных смысловых ассоциаций в рекламных текстах пищевых продуктов.

Ассоциации, связанные с названием пищевых продуктов, могут быть самыми разнообразными, среди них выделяются и универсальные. В коннотацию номинации наряду с эмоциональностью, оценочностью, стилистической отнесенностью входит явно выраженная образность, понимаемая как «семантическое свойство языкового знака, его способность выразить определённое внеязыковое содержание, передать внеязыковую информацию (посредством целостного наглядного представления-образа, с целью характеристики обозначаемого им лица, предмета, явления и выражения эмоциональной оценки субъекта, т.е. говорящего лица» [2].

Следует отметить, что обратившись к электронной версии «Русского ассоциативного словаря» (Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Н.В. Уфимцева и др.), отражающего результаты массового ассоциативного эксперимента в виде фиксаций и подсчётов слов-реакций, мы выявили следующую закономерность: большинство лексем, характерных для названий и слоганов пищевых продуктов, в цепочках универсальных ассоциаций, зафиксированных в данном словаре, чаще всего имеют в качестве лексемы-реакции слово «любовь».

Так от стимула «дом» в словаре отмечены следующие цепочки ассоциаций: дом -> родина -> природа -> цветы -> любовь; дом -> квартира -> семья -> брак -> любовь; дом -> калитка -> деревня -> сказка -> дети -> любовь. Полагаем, что для восприятия слогана сыра Ламбер: «Сыр Ламбер в доме, где живёт любовь» – характерна та же цепочка ассоциаций, заканчивающаяся словом-реакцией «любовь».

Полагаем, что название маргарина «**Хозяюшка**» вызывает у носителя языка и одновременно покупателя такие универсальные, по мнению составителей словаря, реакции на исходную лексему «хозяйка»: хозяйка -> каша -> ребенок -> друг -> любовь; хозяйка -> мама -> веселая -> сказка -> чудо -> любовь; хозяйка -> мама -> пирог -> стол -> работа -> любовь; хозяйка -> каша -> есть -> стол -> работа -> любовь; хозяйка -> каша -> еда -> стол -> работа -> любовь.

Лексема «вода», являющаяся ключевой в рекламе минеральной воды, в «Русском ассоциативном словаре» имеет следующие универсальные цепочки реакций: вода -> лимонад -> свежесть -> роза -> любовь; вода -> мама -> запах -> роза -> любовь; вода -> родник -> детство -> блаженство -> любовь.

Таким образом, универсальные ассоциативные цепочки реакций, зафиксированные в Ассоциативном словаре, подтверждают, что вербальные стимулы, которые используют авторы рекламы, в большинстве случаев дают

такую реакцию, как «любовь», внушая покупателю, что вся продукция сделана с любовью и заботой о покупателях.

В то же время не следует забывать, что ассоциации сугубо индивидуальны и неоднозначны. Что у одного человека ассоциируется с чем-то положительным – у другого может ассоциироваться с совершенно противоположным.

Список литературы

1. Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В. Русский ассоциативный словарь. (кн.3). – М., 1996.
2. Лукьянова Н.А. О семантике и типах экспрессивной лексики // Вопросы языкознания, М., 1995.
3. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
4. Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. – М., 1988. – 749 с.

ЭЛЕКТРОННЫЙ КОРПУС ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА И АВТОРСКОЕ ПРАВО

Леонтьев Н.А.

доцент кафедры радиотехники и информационных технологий, к.т.н.,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Россия, г. Якутск

Протопопова В.Ф.

студентка 3 курса,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Россия, г. Якутск

В данной статье рассматриваются юридические вопросы сбора материала для электронного корпуса якутского языка. Приводятся выдержки из федерального закона Российской Федерации об авторских и смежных правах. Рассматриваются авторские права известных якутских писателей.

Ключевые слова: электронный корпус, якутский язык, авторские права, якутские писатели.

Для создания технологии компьютерной обработки текста для якутского языка необходимо иметь электронный корпус текстов различных авторов. Был создан газетный корпус якутского языка [1-2]. При сборе материалов и трудов писателей необходимо соблюсти авторские и смежные права.

Якутская литература начала свою жизнь относительно недавно, в начале двадцатого века, до этого было сильно развито устное творчество, в частности Олонхо. Сказатели эпоса назывались олонхосутами и они могли несколько дней рассказывать один эпос, всего сохранилось 127 эпосов. Древняя письменность якутов была рунической, в конце 19 века стала на основе латиницы, переход на кириллицу был осуществлен после 1930 года.

Согласно пункта 1 статьи 27 закона об авторском праве срок действия авторского права устанавливается следующим образом *"Авторское право действует в течение всей жизни автора и 70 лет после его смерти, кроме случаев, предусмотренных настоящей статьей"* [3].

Ст.5 гласит: *"В случае, если автор был репрессирован и реабилитирован посмертно, то срок охраны прав, предусмотренный настоящей статьей, начинается с 1 января года, следующего за годом реабилитации."*

"В случае, если автор работал во время Великой Отечественной войны или участвовал в ней, то срок охраны авторских прав, предусмотренный настоящей статьей, увеличивается на 4 года."

Ст.6. гласит: *"Исчисление сроков, предусмотренных настоящей статьей, начинается с 1 января года, следующего за годом, в котором имел место юридический факт, являющийся основанием для начала течения срока."*

Таблица

Годы жизни известных якутских писателей

Фамилия имя отчество	Годы жизни
Алексей Елисеевич Кулаковский	1877-1926
Никифоров Василий Васильевич	1866-1928
Анемподист Иванович Софронов – Алампа	1886-1935
Николай Денисович Неустроев	1895-1929
Платон Алексеевич Ойунский (Слепцов)	1893-1939
Николай Егорович Мординов – Амма Аччыгыйа	1906-1994
Дмитрий Кононович Сивцев – Суорун Омоллоон	1906-2005
Владимир Михайлович Новиков-Күннүк Уурастыырап	1907-1990
Семен Петрович Данилов	1917-1978
Софрон Петрович Данилов	1922-1993
Серафим Романович Кулачиков – Эллэй	1904-1976
Николай Гаврилович Золотарев-Николай Якутскай	1908-1995
Петр Николаевич Тобуруокап	1917-2001
Василий Семенович Яковлев – Далан	1928-1996
Моисей Дмитриевич Ефимов	1927-2010
Мординов Николай Егорович	1906-1994
Иван Михайлович Гоголев	1930-1998

В таблице приведены известные якутские писатели и годы их жизни. Основная масса писателей является поколением, выросшим после революции и получившим образование для деятельности писателя [4].

Ойунский Платон Алексеевич полностью реабилитирован 15 октября 1955 года, отсюда следует, что срок действия авторского права сохраняется до 1 января 2026 года.

Общественным достоянием являются работы следующих писателей: Кулаковского А.Е., Никифорова В.В., Софронова А.И и Неустроева Н.Д. Для обработки работ остальных писателей необходимо получить разрешение от наследников.

Согласно статье 20 "Использование произведений путем репродуцирования", пункт 2:

Допускается без согласия автора и без выплаты авторского вознаграждения, но с обязательным указанием имени автора, произведение которого используется, и источника заимствования репродуцирование в единичном экземпляре без извлечения прибыли: ...

2) отдельных статей и малообъемных произведений, правомерно опубликованных в сборниках, газетах и других периодических изданиях, коротких отрывков из правомерно опубликованных письменных произведений (с иллюстрациями или без иллюстраций) библиотеками и архивами по запросам физических лиц в учебных и исследовательских целях.

Создание машинного корпуса с использованием коротких отрывков из произведений всех авторов возможно без авторских исчислений. Создание машинного корпуса всех произведений одного автора, произведения которого не являются общественным достоянием, без разрешения автора или наследников является нарушением закона "Об авторском праве и смежных правах".

Такие же права распространяются и на периодическую печать, кроме сообщений о событиях и фактах, имеющие информационный характер.

Список литературы

1. Leontiev N.A. The newspaper corpus of the yakut language // Proceeding of the International Conference «Turkic Languages Processing: TurkLang -2015». 2015. P. 233-235.
2. Леонтьев Н.А. Национальный корпус интернет-сайтов газет на якутском языке // Журнал научных и прикладных исследований. 2014. т. 4. – С. 53-54.
3. Закон РФ от 09.07.1993 N 5351-1 (ред. от 20.07.2004) "Об авторском праве и смежных правах".
4. Бурцев А.А. Якутская классика и современность // Наука и образование. 2008. № 3. – С. 83-87.

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕ-ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

Лысенкова Т.В.

доцент кафедры теории и методики гуманитарного образования, канд. филол. наук, Псковский государственный университет, Россия, г. Псков

В статье рассматриваются особенности деривации не-префиксальных имен существительных в русских народных говорах. Особое внимание уделяется лексемам, образованным приставочным способом словообразования, в связи с продуктивностью данного словообразовательного типа в литературном языке.

Ключевые слова: не-префиксальные существительные, деривация, словообразовательная пара.

Исследование не-префиксальной субстантивной лексики говоров в аспекте деривации демонстрирует разнообразие словообразовательных типов, в соответствии с которыми образуются рассматриваемые существительные. Словообразовательные процессы, характерные для русского литературного

языка, свойственны также и народным говорам. При этом словообразование в говорах характеризуется спецификой по сравнению с литературным языком.

Как показало исследование структурно-семантических и деривационных связей негативно-приставочной лексики говоров [3], префикс *не-* в составе значительной части субстантивных лексем не является словообразовательным формантом. Такие существительные мотивируются прилагательными и другими существительными, уже содержащими префикс *не-*, и образуются, как правило, с помощью суффиксов – межстилевых или свойственных разговорной и просторечной лексике: *недобрый* → *недóбрик*, *незадачный* → *незада́чник*, *некрещёный* → *некрещё́нник*; *непутёвый* → *непутё́вка*, *непутя́га*; *нескладный* → *несклады́ще* [2] и др. От прилагательных образуются существительные со значением отвлеченного признака: *ненормальный* → *ненормальство*, *непонятный* → *непоня́тие* [2].

Лексемы, мотивированные прилагательными, могут иметь неединственную мотивацию при наличии в говорах противоположной по смыслу лексемы без *не-*: *нелюбимый*, *любовь* → *нелюбо́вь* [2], *неоднословный*, *однослов* → *неодносло́в* [1]. Однако здесь могут присутствовать факты так называемого обратного словообразования, при котором негативно-приставочные и бесприставочные лексемы связываются по принципу редеривации: *нелепость* → *ле́пость* [2].

Народно-разговорной речи и фольклорным текстам свойственны мотивированные существительными лексемы с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *невзгода* → *невзго́душка*, *неволя* → *нево́люшка* [2].

Значительно в количественном отношении представлены *не-*префиксальные субстантивы с глагольными корнями, которые могут быть рассмотрены как отглагольные префиксально-суффиксальные образования: *(не) дать* → *неда́ха*, *(не) курить* → *некури́тель* [2]. Ряд таких лексем имеют зафиксированные в диалектных словарях противоположные по смыслу бесприставочные образования, в связи с чем можно говорить о неединственной мотивации *не-*префиксальных субстантивов с глагольным корнем: *баюн* ‘говорун, рассказчик’ → *небаю́н* ‘молчаливый, неразговорчивый человек, молчун’, *прядея* ‘женщина-пряха’ → *непряде́я* ‘не умеющая, ленивая прясть женщина’, *ткаля* ‘ткачиха’ → *нетка́ля* ‘женщина, не умеющая ткать’ [1] и др.

Существительные с приставкой *не-*, образованные от существительных префиксальным способом при условии, что такая мотивация является единственно возможной, составляют в говорах особую немногочисленную группу. В таких случаях, как правило, либо базовое слово, либо оба члена словообразовательной пары могут употребляться в литературном языке в том же значении, при этом такие пары фиксируются в словаре диалектной речи полного типа, каковым является «Псковский областной словарь с историческими данными» [2]. В ряде случаев *не-* имеет значение отсутствия или противоположности: *вера* ‘религиозное чувство’ → *невéра* ‘безбожие, безверие’, *воля*

‘свобода в действиях, поступках; отсутствие ограничений, запретов’ → **невóля** ‘принуждение’ [2]. Существительное **недéло** ‘пустяки, вздор, нелепость’ [4] противопоставлено многозначному слову *дéло* в общерусском значении ‘нечто важное, нужное’.

При сопоставительном анализе негативно-приставочных и бесприставочных лексем, связанных отношениями мотивации, выявляются не только основные значения (противоположность, отсутствие), но и периферийная семантика отрицательного префикса; *не-* демонстрирует различные виды отрицательной семантики: *сын* → **нёсын** ‘неродной сын, пасынок’, *гость* → **нёгость** ‘друг дома, член своей семьи, свой, близкий дому человек’, *остарок* ‘старый человек’ → **неостáрок** ‘не очень старый, не дряхлый человек, который может еще работать’ [1], *дождь* → **недождь** ‘сырая погода с мелкими каплями влаги в воздухе’ [2]. Префикс *не-* в составе ряда диалектных лексем не означает отрицания: *увалень* → **неу́валень** ‘увалень’, *отрёпа* ‘оборванец’ → **неотрёпа** ‘неряха, растрёпа’ [1].

*Не-*префиксальные существительные и формально соответствующие им образования без *не-* могут быть не связаны отношениями мотивации: *плакуша* ‘то же, что плакальница’ – **неплаку́ша** ‘неплаксивая женщина’ [1]. Такие лексемы образуются параллельно от одного и того же глагола в разных говорах. Это не означает отсутствия противоположного по смыслу образования без *не-* в одних и тех же говорах.

Таким образом, исследование показало, что *не-*префиксальные существительные, называющие отсутствие того или противоположность тому, что названо мотивирующим словом и имеющие единственную мотивацию существительным, не свойственны диалектной речи. Зафиксированные в диалектных словарях в рамках одного и того же говора такие примеры единичны. Отсутствие параллельных образований без *не-* в привлекаемых к исследованию источниках не означает отсутствия их в диалектной речи. В ряде случаев можно предположить приставочный способ словообразования при возможной неединственной мотивации. Члены отрицательно-положительных субстантивных пар, связанные отношениями мотивации, в говорах обнаруживают неоднородность семантических связей.

Список литературы

1. Алексеенко М. А., Литвинникова О. И. Человек в производных именах русской народной речи: Словарь. М. : ЭЛПИС, 2007. 517 с.
2. Псковский областной словарь с историческими данными / редкол.: Б. А. Ларин [и др.]. Вып. 1-26. Л. / СПб. : (ЛГУ) / (СПбГУ), 1967-2016.
3. Степанова Т. В. Категория отрицания в морфемной структуре слова (на материале диалектной речи): дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2008.
4. Ярославский областной словарь : [в 9 т.] / редкол. : Г. Г. Мельниченко (отв. Ред.) [и др.] ; Яросл. гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского. Ярославль : ЯПИ, 1981-1991.

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПЕРЕВОДА

Никишина С.Р.

доцент кафедры иностранных языков, канд. филол. наук, доцент,
Казанский федеральный университет, Россия, г. Елабуга

В настоящей статье рассматривается понятие языковой интерференции, исследуются явления отрицательной языковой интерференции, которая проявляется в виде переводческих ошибок, возникающих в процессе работы над переводом научно-технической литературы.

Ключевые слова: иностранный язык, интерференция, перевод, качество перевода.

Изучение иностранного языка в вузе является важным компонентом подготовки современного специалиста, т.к. при недостаточной сформированности языковой компетенции ему доступен лишь минимум необходимой информации из переведенных источников. В связи с этим возникает острая необходимость обучать будущих специалистов работать с такого рода информацией, и прежде всего обучать их адекватному переводу технических текстов.

Существуют грамматические явления, которые представляют наибольшие трудности для обучающихся, обусловленные языковой интерференцией. Поэтому в процессе обучения студентов профессионально-ориентированному переводу следует уменьшить до минимума отрицательное влияние интерференции, которая приводит к целому ряду проблем и может привести к искажению высказывания, к различным ошибкам и непониманию текста.

Термин «интерференция» трактуется в Лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В.Н. Ярцева как «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [5].

Итак, что же такое «интерференция»? Термин «интерференция» – латинского происхождения и обозначает: «inter» между + «ferens» («ferentis») несущий, переносящий.

К примеру, в психолингвистике интерференцию рассматривают как неотъемлемую составную часть процесса медленного постепенного проникновения того или иного иноязычного элемента в систему воспринимающего языка в процессе овладения им.

В лингвистике термин «интерференция» появился благодаря ряду ученых из Пражского лингвистического кружка, но признание получил после публикации монографии У. Вайнрайха, где дается следующее определение интерференции: «Интерференция – это те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, то есть вследствие языкового контакта» [1].

Проблема интерференции одного языка при контакте с другим – одна из важнейших проблем создания адекватного перевода текста. По словам Комиссарова «...В нестрогом употреблении «адекватный перевод – это «хороший» перевод, оправдывающий ожидания коммуникантов или лиц, оценивающих качество перевода» [2, с. 233]. Для того чтобы получить адекватный перевод, он должен быть максимально приближен по своему значению к оригиналу.

Различные подходы к определению данного термина вызваны разнообразием ситуаций проявления языковых контактов, а также сложностью разграничения психологического и лингвистического аспектов речи. В лингводидактической литературе противопоставляются конструктивная и деструктивная интерференция. Под конструктивной интерференцией понимают положительный перенос знаний, приобретенных при изучении одного языка, на изучение последующих.

После изучения первого иностранного языка обучаемый обычно психологически готов к изучению второго иностранного языка, опираясь на опыт изучения первого иностранного языка. Но помимо этого положительного момента, если при переводе нарушаются нормы ПЯ, проявляются отрицательные стороны интерференции (деструктивная интерференция).

Таким образом, можно выделить следующие виды лингвистической интерференции: фонетическая (несет смыслоразличительную функцию), орфографическая, грамматическая, морфологическая, синтаксическая, пунктуационная, лексическая, семантическая, стилистическая, социокультурная [4].

Итак, многообразие определений термина «интерференция», равно как большое количество классификаций свидетельствует о том, что данное явление еще недостаточно изучено. Преуменьшение важности данного явления при переводе может привести к различным ошибкам, неточностям и искажениям.

Чтобы уменьшить или предотвратить влияние отрицательной интерференции и использовать положительную в последующей работе при переводе, интерференцию необходимо изучать. Тогда вероятность адекватного перевода достигнет максимальной отметки.

Список литературы

1. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие [Текст] / У. Вайнрайх. – М.: Прогресс, 1972. – 108 с.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода. (Лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 252 с.
3. Никишина С.Р. Особенности перевода немецкой научно – технической терминологии/ С.Р. Никишина // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – №1-9. – С. 78-80.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие С.Г.Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 264 с. <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/ter-minasova-lang-and-icc/ter-minasova-yazik-i-mkk-BOOK.pdf>
5. Ярцев В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая рос.энцикл., 2002. – 709 с.

У ИСТОКОВ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Никольская С.В.

доцент кафедры китайской филологии, канд. филол. наук,
Институт стран Азии и Африки, Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

В статье акцентируется внимание на значении творчества Лу Синя для китайской литературы. Анализ художественной прозы из сборников «Клич», «Блуждания», «Дикие травы», «Старые легенды в новой редакции» свидетельствует о том, что произведения, написанные в начале XX века и совершившие тогда переворот в литературе, до сих пор поражают живостью языка, совершенством стиля, актуальностью тематики и проблематики и влияют на литературный процесс в Китае.

Ключевые слова: реформа языка, новые темы и жанры китайской литературы, русские мотивы, специфика эссеистики, национальный характер.

25 сентября 2016 года в Китае отмечалась 135 годовщина со дня рождения Лу Синя, а 19 октября 2016 года исполнилось 80 лет со дня его смерти. Этому человеку выпал жребий стать для Китая не только основоположником новой литературы, но и обобщить весь предшествующий опыт национального художественного творчества. До сих пор его принципами отбора и анализа китайской классики руководствуются не только китайские, но и зарубежные литературоведы. Можно вполне согласиться с Мао Цзэдуном, который говорил, что направление, взятое Лу Синем, – это направление новой культуры китайской нации.

Путь Лу Синя в литературу был достаточно тернист. Преждевременная кончина отца подвигла его на изучение западной медицины в г. Сэндай (Япония), а до этого он учился в Китае в военно-морской академии и горно-железнодорожной школе. В Японии Лу Синь, как и многие его современники, познакомился с западной литературой и общественной мыслью и сделал свой выбор в пользу творчества.

Деятельность Лу Синя поистине многогранна: он занимался преподаванием, исследованиями национальной и иностранной литературы, был переводчиком, критиком, издателем и редактором, организатором творческой деятельности китайских писателей. Лу Синя можно считать идейным вдохновителем возникших в 20-е годы XX в. в Китае литературно-художественных обществ, в частности, «Общества изучения литературы», а в 1930 г., в тяжелое и сложное для Китая время, в обстановке репрессий и террора со стороны гоминьдановского режима основал «Лигу левых писателей», заложив тем самым основу для деятельности современного союза писателей.

Блестящий публицист Лу Синь привлекал внимание как к социально-политическим, так и к морально-нравственным проблемам своего времени. И сейчас вызывает восхищение его манера подачи материала, глубина понимания проблем, тонкий юмор, а порой и едкая сатира. Исследователи в нашей стране (например, Л.Д. Позднеева [6]) уже писали о публицистике Лу Синя,

но всё равно она заслуживает более пристального внимания и дальнейшего углубленного изучения.

Отдельная и очень интересная для всех тема – художественная проза Лу Синя малой формы. Он является автором четырех сборников: «Клич» (Нахань) [3], «Блуждания» (Панхуан) [1], «Дикие травы» (Ецао) [2], «Старые легенды в новой редакции» (Гу ши синь бянь) [5], которые указали магистральное направление развитию китайской литературы не только в XX, но и в XXI веке.

Трудно представить себе, что менее, чем через два года пройдет сто лет с момента появления первого рассказа Лу Синя «Записки сумасшедшего» (или «Дневник сумасшедшего») (1918), настолько живо и актуально это произведение. Автор не только рассказал об обществе, где человек человеку волк, но и выполнил чисто лингвистическую задачу – показал, насколько тяжеловесен и труден для восприятия книжный язык того времени, от которого в литературе пора переходить к языку разговорному (байхуа). К сожалению, для иностранного читателя, знакомящегося с рассказом в переводе, это не очень заметно. А читателю, владеющему китайским языком, сразу бросается в глаза разница между небольшим вступлением, написанном на «книжном языке» (вэньянь), и самим «дневником», написанном на «байхуа».

Кстати, девятью годами позже появился еще один «дневник» – рассказ писательницы Дин Лин «Дневник Софьи». И с этого времени развитие жанра дневника пойдет по двум направлениям: «дневник личных переживаний» (Дин Лин) и «дневник социально-политических проблем» (Лу Синь). В 30-е годы Чжан Тяньи продолжил линию, начатую Лу Синем, в повести «Записки из мира духов» (1931). А в начале периода «реформ и открытости» (80-е годы) эстафету принял Цзян Цзылун – автор рассказа «Дневник секретаря заводоуправления» (1982). Таким образом, жанр, выбранный Лу Синем еще в 1918 г., в разное время и на разном материале и проблематике использовался китайскими писателями.

«Записки сумасшедшего» вошли в сборник «Клич» (1923), про смысл названия которого сам Лу Синь говорил в предисловии: «Незабываемая тоска прежних лет заставляла меня время от времени бросать клич – в поддержку героев-одиночек, ободрять их в движении вперед. Я не успевал даже прислушиваться к тому, что звучало в моих призывах – отвага или печаль, ненависть или насмешка. Нашим тогдашним командирам не нравилась пассивность, да и сам я не хотел заражать молодых людей горьким чувством своего одиночества. Ведь они, как и я в юности, видели счастливые сны. (Декабрь 1922) [4, с. 48-49]. Вот оно гоголевское: «Горьким смехом моим посмеются», а не просто совпадение названий рассказов Лу Синя и Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего».

В 1926 г. вышел следующий сборник рассказов – «Блуждания». Лу Синь не пишет к нему предисловие, а выбирает эпиграф – строки из второй части поэмы Цюй Юаня «Лисао». Эту часть поэмы некоторые исследователи трактуют как развернутую метафору глубинных переживаний поэта, поисков понимания и поддержки, желание показать несовершенство порядков, вы-

смеять дурные наклонности, напомнить об ответственности ученого сословия перед страной.

Лу Синя, скорее всего, волновали те же проблемы и вопросы, на которые пока нет ответа. Отсюда и выбор названия, ведь само слово «панхуан» (так звучит по-китайски название сборника) означает: «не знать, что делать», «стоять на распутье».

Оба сборника органично дополняют друг друга и их можно воспринимать как две части одного целого. Лу Синь поднимает много актуальных вопросов. Например, учеба и образование, бессмысленность старых, далеких от жизни знаний. Герой рассказа «Кун Ицзи», старый, оборванный, грязный нищий «ученый», вызубривший установленные канонические книги, вызывает у окружающих только насмешку. Это буквально пустое место в жизни, а его исчезновение никого не беспокоит.

Лу Синь одним из первых заговорил о судьбе несчастной женщины. Если его современник Е Шэнтао в рассказе «Одна жизнь» только ставит знак равенства между женщиной и вещью, которую можно продать, купить, обменять и выбросить, то Лу Синь доводит эту мысль до трагического финала – гибели под гнетом предрассудков, непонимания и пренебрежения («Моление о счастье»).

В рассказах Лу Синя нашли отражение жизнь и быт города и деревни. По его мнению, только дети могут находить интересное, привлекательное и необычное в обыденных вещах, в взрослые, замученные бытом и нищетой, уже не способны ничего замечать и не умеют радоваться жизни («Родина»). Лу Синь смеется над писателями, пишущими о «красивой жизни», о которой они не имеют представления, потому что в результате получается далекая от реальности ерунда («Счастливая семья»).

В одном из рассказов («Утиная комедия») звучит отголосок «русской темы», которая потом активно войдет в китайскую литературу. Герой рассказа, слепой русский поэт Ерошенко, живет в Пекине, тоскует по «матушке России» и общается в основном с детьми из близлежащих переулков.

Особого внимания заслуживает небольшая повесть «Подлинная история А-Q», которую лучше всего охарактеризовал сам автор в предисловии к русскому изданию: «Обрисовать глубоко молчаливую душу китайского народа – дело трудное... Но как ни стараюсь я добраться до этой души, я постоянно натываюсь на какую-то отчужденность. Окруженный высокой стеной народ когда-то должен очнуться, вырваться из-за этой стены и заговорить. А пока этого не случилось, я могу писать о жизни китайцев, основываясь лишь на собственных отдельных наблюдениях... Каждый писатель видит человеческую жизнь по-своему, да и каждый читатель воспринимает произведение по-своему. (1925 г.) [4, с. 100]. «Подлинная история А-Q» органично вписывается в сборник «Клич». Не случайно известный китайский драматург Тянь Хань, инсценируя в 30-е годы XX в. эту повесть, перенес действие в деревенский кабачок, куда «приходят» герои из других рассказов Лу Синя («Кун Ицзи», «Снадобье», «Маленькое происшествие», «Утиная комедия»).

Произведения из третьего сборника – «Дикие травы» (1927) относятся к специфическому жанру «саньвэнь», для которого трудно найти точный эквивалент в русском языке. Принятое название «бессюжетная проза» всё-таки не совсем отражает особенности подобных произведений. Это может быть и эссе, и короткий рассказ, и зарисовка, и мимолетное впечатление (определение самого Лу Синя). Сейчас этот жанр на пике популярности, и произведения из сборника «Дикие травы» читаются так, как будто написаны недавно, а не почти 90 лет назад. Так Лу Синь снова задает вектор развития литературы на многие десятилетия.

Нельзя не сказать и о «Старых легендах в новой редакции» Над этим сборником Лу Синь работал тринадцать лет. Один из рассказов («Починка небосвода») был помещен в первом издании сборника «Клич» под названием «Гора Бучжоу». Работая над очерками для сборника «Утренние цветы, собранные вечером», Лу Синь увлекся историческими преданиями, написал рассказы «Меч» и «Побег на луну», делая при этом для себя пометки и наброски. В результате получилась книга, о которой сам автор сказал: «Большую ее часть составляют всё те же наброски, недостойные называться тем, что в «общих курсах литературы» именуется рассказами. Сюжеты отчасти следуют старым книгам, порой представляют собой свободную импровизацию. При этом, относясь к древним с меньшим уважением, чем к современникам, я не сумел, в ряде случаев, избежать иронии. За прошедшие тринадцать лет я так и не вырос как писатель и пишу... в той же старой манере «Горы Бучжоу»; однако поскольку описанные мною древние не стали от этого мертвее, чем они есть, то, может быть, и такая манера имеет право на существование» [4, с. 332-333].

Именно ирония определила новый, близкий к современному, стиль повествования. И любители китайской древности с удовольствием читают сатирические сказки, в большинстве случаев, не задумываясь о подтексте. «Меч» же в свое время так поразил Мо Яня, что он написал небольшой рассказ «Разящий луч», в котором почти цитирует Лу Синя по законам постмодернистской прозы.

Перефразируя известные слова, приписываемые Ф.И.Достоевскому: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели»», можно сказать, что вся современная китайская литература вышла из прозы Лу Синя.

За пределами Китая неоднократно переиздавались и отдельные рассказы, и все вышеназванные сборники Лу Синя. В 1971 г. они были включены у нас в масштабное издание «Всемирная литература» как наиболее репрезентативные для литературы китайской. Всё это свидетельствует о том, что творчество Лу Синя прошло испытание временем не только в Китае, но и за его пределами. До сих пор проза Лу Синя выглядит современно и актуально, поэтому и привлекает внимание читателей и писателей разных поколений и разных стран.

Список литературы

1. Лу Синь. Блуждания (Панхуан). <http://www.kanunu8.com/book/4418>

2. Лу Синь. Дикie травы (Ецао). <http://www.kanunu8.com/book/4426>
3. Лу Синь. Клич (Нахань). <http://www.kanunu8.com/book/4416>
4. Лу Синь. Повести и рассказы. М., 1971.
5. Лу Синь. Старые легенды в новой редакции (Гу ши синь бянь). <http://www.kanunu8.com/book/4419>
6. Позднеева Л.Д. Лу Синь. Жизнь и творчество. М., 1959.

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНСКИХ ЖУРНАЛАХ

Писаревская Н.С.

старший преподаватель кафедры журналистики,
Московский государственный институт культуры, Россия, г. Москва

Массовая культура понимается и как культура массового общества, и как потребительская культура, которая посредством средств массовой информации обеспечивает потребление товаров и транслирует материальные ценности. Средства массовой информации являются транслятором манипулятивных функций массовой культуры. В женских журналах читательницам демонстрируются образцы гламурной жизни «звезд», и даются рекомендации, как приблизиться к элите.

Ключевые слова: массовая культура, масса, женские журналы, потребительство.

Специфика нашего времени заключается в стремительном распространении информации посредством системы СМИ, воздействие которых направлено на массовую аудиторию. Как следствие, неизбежны трансформации социокультурной реальности. Сегодня ведущей оказывается массовая культура, которая под влиянием процессов глобализации и информатизации становится общемировым феноменом. Интерес к явлению массовой культуры возник более ста лет назад, отразившись во множестве исследований, теорий и концепций. Понятие «массовая культура» стало интегративным и рассматривается различными науками, такими как культурология, философия, социология и т.д. Тем не менее, в науке нет однозначного подхода к феномену массовой культуры.

Исследователи по-разному трактуют данный феномен. Наиболее распространенной является трактовка массовой культуры как «культуры массового общества». Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет определяет массовую культуру, где акцент делается на стандартизации мышления потребителя, нивелировании его личностной уникальности, слиянии индивидов в массу: «Масса – всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, "как и все", и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью» [2, с. 20] – такое определение массовому человеку Ортега-и-Гассет дает в начале XX века. К характеристикам человека-массы он относит врожденное ощущение безвозмездности и легкости жизни, чувство собственного превосходства и всемогущества, а также желание вмешиваться во все, навязывая бесцеремонно свою ничтожность и плебейство. Он

сравнивает такого человека с варваром, поскольку люди перестают считаться друг с другом. Жизнь человека становится процессом, постоянно направленным на реализацию тех или иных потребностей.

Таким образом, мы подошли к еще одной трактовке массовой культуры – «потребительская» культура, т.е. направленная на удовлетворение неких потребностей и внесение в жизнь человека консьюмеристских ценностей. Так, массовая культура становится средством манипуляции общественным сознанием, обеспечивая посредством СМИ спрос на те или иные товары, принятие каких-либо социальных норм и ценностей.

Массовая культура «формулирует в общественном сознании стандарты социально престижных образов и стилей жизни, интересов и потребностей, имитирует в массовых и доступных по ценам моделях формы элитных образцов,... превращает процесс безостановочного потребления социальных благ в самоцель существования индивида» [6, с. 386]. Особое значение, таким образом, обретает вопрос о поиске человеком смысла жизни, а с другой – проблема дистанцирования человека от социальных обстоятельств и здесь на помощь человеку приходят средства массовой информации. Например, в женских журналах, вне зависимости от целевой аудитории, будь то девушки, деловые женщины или домохозяйки, каждый номер журнала сопровождается письмом редактора, который рассказывает, как нужно жить, где отдыхать, дает советы. Так, например, в одном из номеров журнала «Cosmopolitan» редактор рассказывает о материалах номера: «“В чем счастье, сестра?” – мы постарались ответить на вопрос, что именно делает нас радостными и легкими. В рубрике “Любовь и секс” пишем о том, как превратить курортный роман в настоящий и стоит ли» [3, с. 16]. Так, исходя из анонсов материалов, уже можно увидеть авторов статей в роли наставников, дающих рекомендации своим читательницам.

Письмо главного редактора журнала «Лиза» с одной стороны подталкивает нас к неким рефлексиям: «Признайся себе честно: был ли у тебя четкий план, или ты плыла по течению, хоть и старалась усердно грести? Я себе уже во всем призналась, поэтому незамедлительно сажусь писать письмо Дедушке» [5, с. 3], а с другой – предвосхищает статьи о «звездах» эстрады, о моде и красоте, интерьере и т.д. Так, реализуется еще одна манипулятивная технология массовой культуры в женских журналах. Учитывая то, что более 50% людей визуалы, немаловажным фактором для качественной подачи информации в издании является иллюстративный материал. При виде хорошо представленных снимков модной одежды у человека возникает желание ее приобрести.

Многие исследователи рассматривают массовую культуру лишь как выражение духовной несвободы, социальный механизм отчуждения и угнетения личности. Они утверждают, что массовая культура всегда формирует конформизм, позволяет манипулировать сознанием человека, поскольку продукты массовой культуры ориентированы на вкусы потребляющей аудитории.

Посредством включения в издание материалов о медийных лицах, их фотографий, трансляции их мнений на то или иное событие, упоминание в

интервью названия какого-либо продукта подталкивает читательницу обратиться к элитарным слоям населения посредством приобретения того, о чем говорится в журнале. В сознании читательниц формируется идентичность с героями журналов, поскольку получая «информацию, касающуюся самых разных сторон отношений с миром, читательницы между строк впитывают философию, образ мыслей, способы коммуникации, которые присущи данной социальной группе» [1, с. 40]. У читательниц возникает желание копировать героев статей, соответствовать их жизненным установкам и следовать их советам. «Гораздо тщательнее я теперь собираю косметичку. Ведь, если раньше мне достаточно было ВВ-крема, черной туши и красной помады, то теперь все это я стараюсь использовать только после сыворотки, крема, маски и, если позволяет время, массажа» [4, с. 22] – пишет редактор журнала «Glamour», а реклама, содержащаяся в журнале, демонстрирует, где все это можно приобрести.

Таким образом, посредством женских журналов массовая культура включается в жизнь современных женщин, обуславливая потребительскую стратегию и демонстрируя необходимую степень обладания материальными благами, тем самым унифицируя потребителей.

Список литературы

1. Коломийцева Е.Ю. Формирование женского универсального журнала в отечественной журналистике XVIII-XX веков: история развития и типологические особенности. Автореферат дисс. докт. филолог, наук / Коломийцева Елена Юрьевна. – Краснодар, 2008. – 46 с.
2. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: [Пер. с исп.] / Х. Ортега-и-Гассет – М.: АСТ, 2001. – 509 с.
3. Сохранова П. Письмо редактора / П. Сохранова // Cosmopolitan. – 2016. – Июль, (№5).
4. Федорова М. Письмо редактора / М. Федорова // Glamour. – 2016. – Ноябрь.
5. Филатова Н. Письмо редактора / Н. Филатова // Лиза. – 2016. – №52.
6. Флиер А.Я. Культурология для культурологов: учеб. пособие // А.Я. Флиер. – М.: Академический проект, 2000. – 496 с.

ОСОБЕННОСТИ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СБОРНИКЕ «ШЕСТЬ СПИЧЕК» БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

Подшивалова Н.И.

преподаватель кафедры русского языка, канд. филол. наук,
Воронежский государственный университет, Россия, г. Воронеж

В статье рассматриваются сравнения, извлеченные из текстов сборника братьев Стругацких «Шесть спичек», анализируется их семантический потенциал. Сравнительные обороты, выполняя разъяснительную, конкретизирующую, текстообразующую функции, являются необходимым компонентом в описании фантастического мира Стругацких.

Ключевые слова: сравнение, сравнительный оборот, абстрагирующие сравнения, конкретизирующие сравнения, парцелляция.

Осмысляя действительный мир и желая его структурировать, классифицировать те или иные события, художник слова нередко прибегает к сравнению как к одному из наиболее действенных по эмоционально-оценочной силе компонентов языка. Писателю важно не просто передать суть излагаемых событий, но нарисовать их с максимальной точностью, наглядностью, уникальностью.

Целью данной работы является функционально-семантический анализ сравнительных конструкций в рассказах сборника «Шесть спичек» братьев Стругацких [3, с. 30-134].

Многие лингвисты отмечают, что язык произведений Стругацких живой, энергичный, «раскрепощенный» [4, с. 23]. Фантастический мир, изображаемый писателями, предопределяет и использование средств языка, адекватных для отображения спроецированной реальности. Сопоставление мира реального и ирреального – один из распространенных способов описания и разъяснения «фантастических феноменов» [5, с. 61].

В своих текстах братья Стругацкие в большей степени используют сравнительные обороты, репрезентированные союзами *как, как будто, словно, точно*: *Люки возникали и исчезали, словно по волшебству; Черная тьма и тишина упали, как молния, на наш лагерь; Он шагал мучительно неуверенно, как будто вместо полного шага каждый раз делал только половину*. Также немало сравнительных оборотов, оформляемых словами *похожий, подобный*: *А повисшая между полом и потолком исполинская жаба, похожая скорее на нездоровый сон, чем на объективную реальность!; Я принимал этот мир, в котором, подобно древнему философу, бродил с огоньком в поисках Человека...* Редки структуры, в которых сравнительный оборот выражен существительным в форме творительного падежа: *Сверху из темноты неподвижными гроздьями свисали странные острые стержни; Впереди над щетиной леса призрачным сизым конусом возвышалась Адаирская сопка*. Характерной особенностью идиостиля братьев Стругацких является использование парцеллированных конструкций, в которых в качестве парцеллята выступает сравнительный оборот: *Это было похоже на маленькие бесшумные розовые взрывы. Словно кто-то стрелял крошечными снарядами; Только теперь Полесов ощутил неприятное покалывание в кончиках пальцев. Словно микроскопические иглы, тонкие, как пчелиные жала*. В такого типа построениях парцеллят не просто конкретизирует содержание главного предложения, а, возникая ассоциативным образом, усиливает эмоциональную составляющую, позволяя читателю воспринять интенсификацию действия, признака, состояния в исчерпанном виде.

Как правило, к сравнениям братья Стругацкие прибегают при описании фантастических существ, механических устройств и других объектов ирреальной действительности. Писатели, руководствуясь задачами наглядного, точного изображения событий фантастического мира и предполагая рефлекссию, обращаются к сравнению как, с одной стороны, источнику образности, выразительности, а, с другой стороны, как к источнику новых смыслов, дополняющих семантическое пространство текста. Зачастую сравнительные

обороты доминируют в описании. Так, в рассказе «Глубокий поиск» с помощью сравнений создается образ гигантского кальмара: *Оо-ика – это гигантский глубоководный кальмар. Он свиреп и стремителен, как молния ...Мясо гигантского кальмара тугое, как резина, но акулам это безразлично.* В повести «Извне» Стругацкие используют сравнительные обороты для характеристики пришельцев: *Лапы длинные и тонкие, похожи на паучьи, с тремя суставами. В суставах выгибаются в любом направлении... Передвигаться могут невероятно быстро, словно черные молнии. Бегают по почти отвесному обрыву, как мухи.... Когда пробегают близко от меня, я чувствую легкий свежий запах, похожий на запах озона. Стрекохут, как цикады.* Сравнения – важное лексическое средство, участвующее в формировании повествования о кибернетическом механизме в рассказе «Испытание «СКИБР»»: *В нескольких шагах перед ними стоял странный механизм... Он был похож на гигантского муравья, вставшего на дыбы. Приплюснутое овальное брюхо покоилось на шести суставчатых рычагах, а над ним, как восклицательный знак, торчала не то грудь, не то шея, увенчанная тяжелой рогатой головой с крохотными тусклыми глазками. Перед грудью, словно передние лапы кенгуру, висели сложенные втрое мощные манипуляторы.*

Общеизвестен тот факт, что сравнение имеет трехчленную структуру: субъект сравнения, объект сравнения, а также признак, по которому и осуществляется сравнение [2, с. 154]. Как уже отмечено выше, часто субъектом сравнения являются события фантастического мира. Объектом сравнения могут быть: 1) явления природного мира: *Черная тьма и тишина упали, как молния, на наш лагерь; Там, наполовину погруженная в зеленовато-розовую слизь, восседала кошмарная тварь, похожая на помесь жабы и черепахи величиной с корову;* 2) человек, его физическая и эмоциональная характеристики: *«Оранг» управляет «кентаврами», как мы управляем своими руками, ногами... глазами, скажем; Они даже пританцовывали на месте, словно боксеры перед схваткой;* 3) предметы быта, вещи: *Одинокий «газик», залитый солнечным светом, был похож издали на детскую игрушку; У него было круглое, плоское, как часы «молния», тело и суставчатые ноги.* Вышеперечисленные сравнения относятся к группе так называемых конкретизирующих образных, которые выделяются в зависимости от характера образа [1, с. 14]. Другую группу составляют абстрагирующие сравнения, в которых в роли объекта сравнения использованы слова, номинирующие состояния окружающей природы, живых существ: *Он быстро неся по склону, огибая холм, легко и бесшумно, словно скользя по воздуху; Темнота в кабине сделалась плотной и безжалостной, как холодная соленая вода за стенами субмарины.* Зачастую абстрагирующий сравнительный оборот представляет собой пространственный комплекс, который позволяет живо, метко изобразить тот или иной объект, тем самым порождает новые смыслы, новый текст: *Я словно забыл обо всех испытаниях, о своем фантастическом положении и вел себя совершенно так же, как запоздавший гость, который запутался среди чужих пальто в неосвященной прихожей.* Придаточное сравнительное, представленное в анализируемом предложении, выполняет разъяснительную функ-

цию: Стругацкие намеренно описывают событие из обычной жизни человека, тем самым желая с большей степенью точности идентифицировать поведение героя.

Таким образом, сравнительные конструкции – необходимое звено в выстраивании образов объектов фантастического мира братьев Стругацких. Сравнения, выполняя разъяснительную, конкретизирующую, эмоционально-оценочную функции, расширяют семантическое пространство текста.

Список литературы

1. Ваганов А. В. Сравнения в художественных произведениях М.А. Шолохова: дис. канд. филол. наук. – Ростов н/Д., 1992. 149 с.
2. Ефимов А. И. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1969. 262 с.
3. Стругацкие А. и Б. Извне. – М.: АСТ, 2016. 224 с.
4. Тельпов Р. Особенности языка и стиля прозы братьев Стругацких: дис. канд. филол. наук. – М., 2008. 244 с.
5. Фрумкин К. Г. Философия и психология фантастики. – М.: Едиториал УРСС, 2004. 240 с.

К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОТИПОЛОГИИ ТУРЕЦКОГО ИСТОРИКО-АВАНТЮРНОГО РОМАНА

Репенкова М.М.

профессор кафедры тюркской филологии, д-р филол. наук, доцент,
Институт стран Азии и Африки, Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

В статье исследуется хронотипология современного турецкого историко-авантюрного романа, выделяются этапы его развития и наиболее известные представители. Доказывается, что типологические особенности данного жанра массовой литературы определяет однобокая, антиисторическая концепция действительности, базирующаяся на исламистских убеждениях авторов. В угоду её реализации создаются одномерные, «костюмные» образы и клишированные сюжетные коллизии.

Ключевые слова: турецкая массовая литература, хронотипология жанра, историко-авантюрный роман, Искендер Пала, антиисторическая концепция действительности.

Хронотипологические характеристики турецкого историко-авантюрного романа – одного из самых популярных жанров национальной массовой литературы XX-XXI вв. – остаются малоизученными как в отечественном, так и зарубежном востоковедном литературоведении. Между тем данный жанр в литературе страны имеет богатую, почти вековую историю. Формирование жанра приходится на конец 1920-х – 1930-е гг., когда на книжном рынке Турции начали появляться первые псевдоисторические романы Абдуллаха Зии Козаноглу «Турецкие пираты» (Türk Korsanları, 1926), «Красный бунчук» (Kızıl Tuğ, 1927), «Дестан о Баттал Гази» (Battal Gazi Destanı, 1937) и Турхана Тана «Севинч Хан» (Sevinç Han, 1931), «Джем Султан» (Cem Sultan, 1935), «Тимурленк» (Timurlenk, 1935), в которых описыва-

лись интриги султанского двора, любовные похождения членов султанской семьи, военные походы султанов, приключения турецких пиратов и т.п. [1, с. 51-53].

Основные типологические признаки историко-авантюрного романного жанра (специфика героев и проблематики, времени и места действия, языка и средств художественной выразительности), которые определялись ориентацией его авторов на тюркские мифологические традиции и османомусульманские ценности, начали конкретизироваться в 1940 – 1950-х гг. Доминировали произведения о жизни османских султанов, представленных в ореоле своего величия и славы. Особенной популярностью пользовались романы Феридуна Фазыла Тюльбентчи «Султан Селим Грозный плачет» (Yavuz Sultan Selim Ağlıyor, 1947), «Султан Баязид Молниеносный» (Sultan Yıldırım Bayezid, 1947), «Сыны османов» (Osmanoğulları, 1950), «Султан Сулейман Законодатель» (Kanunî Sultan Süleyman, 1956), Шакира Зии «Султан Мехмед Завоеватель» (Fatih Sultan Mehmed, 1959), Огуза Оздеша «Длань Грозного» (Yavuzun Pençesi, 1954), Севды М. Сезер «Рукие Хатун» (Rukiye Hatun, 1957). Хорошо раскупались и романы, в которых культивировались тюркские тотемистические представления. Например, произведения Нихаль Атсыз «Смерть серых волков» (Bozkurtların Ölümü, 1946), «Серые волки возрождаются» (Bozkurtlar Diriliyor, 1949), «Дели Кырт» (Deli Kurt, 1958) отличались стилизацией под тюркские героические дестаны с их сказовой манерой повествования и поэтическими вставками. Российские и турецкие исследователи отмечают, что в историко-авантюрных романах того времени историко-документальная и развлекательно-приключенческая составляющие были тесно переплетены между собой [1, 63-75; 2, 332-334].

В 1960-1970-е гг., когда турецкий книжный рынок оказался, в буквальном смысле, переполненным развлекательной историко-приключенческой продукцией, типологические характеристики историко-авантюрного романа обрели чёткость и определённую. В романах Рагипа Шевки Ешима «Сипахи на белом коне» (Beyaz Atlı Sipahi, 1964), «Белый голубь Византии» (Bizanslı Beyaz Güvercin, 1964), «Султанша с изумрудными глазами. Роман о Хюррем Султан» (Zümrüt Gözlü Sultan. Hürrem Sultanın Romanı, 1964), Огуза Оздеша «Огуз Хан» (Oğuz Han, 1964), «Карапенче в Эстергоне» (Karapençe Estergon'da, 1966), «Месть Карапенче» (Karapençe'nin İntikamı, 1966), «Карапенче против воеводы» (Karapençe Voyvoda'ya Karşı, 1967), «Сын Карапенче» (Karapençe'nin Oğlu, 1967), Абдуллаха Зии Козаноглу «Красная галера» (Kızıl Kadirga, 1963) и др. исповедовались исламские ценности, отстаивались идеи национальной и конфессиональной исключительности турок-османов, восхвалялась героика военных побед «безупречных» султанов, которые вели «справедливые», «священные» войны во имя укрепления Османского государства и, более того, всего мусульманского мира. Писатели допускали вольное обращение с историческими фактами, их тенденциозный отбор и искажение [3, с. 165], что приводило к мифологизации истории и исторических личностей. Особенно авторов подобных романов привлекала эпоха наивысшего расцвета империи (XVI в.).

В 1990 – 2000-е гг. типологические принципы историко-авантюрного романа с его акцентом на «незыблемость и правильность» исламских норм жизни развиваются в творчестве Искендера Пала, Назан Бекироглу, Садыка Йалсызучанлара, Нурийе Акман, Озлем Кумрулар, Мурата Тунджеля и др. [5, с. 473-476]. В их произведениях всё «работает» на создание образа великой державы турок-османов, и, прежде всего, напряжённый авантюрно-приключенческий сюжет, который призван заинтересовать, увлечь читателя, правильно расставить акценты. Главное в сюжетных перипетиях не исторические события, а успешная борьба положительных героев (османских султанов и их сторонников) с внутренними и внешними врагами. Борьба с врагами обязательно сопряжена с любовными приключениями, развивающимися в основном в традиционной манере (страдания из-за разлуки, смерти, козней врагов и т.п.). Чтобы художественная интрига выглядела более достоверно, детально прописывается исторический фон: одежда и интерьеры, еда и напитки, воинское снаряжение и оружие. По этой причине историко-авантюрные произведения часто называют ещё и «костюмными». Особое место в «костюмных» романах занимает стилизация под архаичный язык. Как правило, авторы вкладывают в уста героев не только архаичные тюркские слова и грамматические формы, но и арабо-персидские языковые элементы. При этом, как и в других жанрах массовой литературы, речь персонажей стилистически конфликтна. Она характеризуется одновременным применением архаичной лексики, просторечий и неологизмов.

Наибольший интерес с точки зрения типологических особенностей современного турецкого историко-авантюрного романа представляет творчество Искендера Пала, которое пользуется чрезвычайной популярностью у читателей. Родился И. Пала в 1958 г. в городе Ушаке, там же получил среднее образование. В 1979 г. он окончил филологический факультет Стамбульского университета и остался работать на кафедре, где в 1983 г. защитил диссертацию по диванной поэзии, а в 1993 г. стал доцентом. В 1998 г. И. Пала – профессор Стамбульского университета культуры. В настоящее время он преподаёт в Университете города Ушака, совмещая научно-педагогическую деятельность с литературной. О широкой научной деятельности И. Пала свидетельствует весьма внушительный список его трудов по классической османской поэзии. Начало литературной деятельности И. Пала относится к 1980-х гг., когда в газетах и журналах появились его очерки и рассказы, связанные со средневековыми сюжетами. Своей популярностью И. Пала обязан романам «В Вавилоне смерть, в Стамбуле любовь» (Babil'de Ölüm İstanbul'da Aşk, 2004), «Капля горя» (Katre-i Matem, 2009), «Шах & султан» (Şah & Sultan, 2010), «Поэт Фатих» (Şair Fatih, 2010), «Великолепный поэт Мухибби» (Muhteşem Şair Muhibbi, 2011), «Ода. Роман о Юнусе» (Od. Bir 'Yunus' Romanı, 2011), «Легенда. Роман о Барбароссе» (Efsane. Bir 'Barbaros' Romanı, 2013), «Принимающий гостей. Роман о Эюп Султане» (Mihmandar. Bir 'Eyüp Sultan' Romanı, 2014) и др., тиражи которых превысили сотни тысяч экземпляров.

В основе сюжетов двух самых популярных романов И. Пала «Шах & султан» и «Легенда. Роман о Барбароссе» лежат события, относящиеся к началу XVI в. Этот век, которому суждено было увидеть двух великих османских султанов – Селима I Явуза (1512-1520) и его сына Сулеймана I Кануни (1520-1566), ознаменовался наивысшим подъёмом Османской империи. Главным героем романа «Шах & султан» И. Пала делает султана Селима, одержимого идеей завоевания новых земель и увеличившего за счёт беспрерывных войн территорию империи вдвое. В романе повествуется о войне Селима с персидским шахом Исмаилом I (1501-1524), основателем династии Сефевидов, за время правления которого территория государства Сефевидов также достигла наибольших размеров. Турция и Иран, как известно, придерживались разных направлений ислама: соответственно суннизма и шиизма. Султан Селим был противником шиизма, считал его ересью, а шаха Исмаила – её главным носителем. Весной 1514 г. Селим выдвинул свою армию против Исмаила, 23 августа 1515 г. две армии встретились в Чалдыранской долине, что к востоку от озера Ван. Селим располагал 120-тысячным войском. Численность иранских воинов была приблизительно такой же. Но турки обладали перевесом в огнестрельном оружии. Турецкие пушки и пищали нанесли огромный урон шахской кавалерии. Бой закончился полным разгромом армии Исмаила. Сам шах был ранен, но успел бежать. На поле битвы остались около 50 тысяч его воинов. Весь лагерь шаха попал в руки османов. Множество пленных было уничтожено на месте сражения. Через две недели после Чалдыранской битвы Селим вступил в шахскую столицу – Тебриз. В этом городе он пробыл несколько дней и, отправляясь в обратный путь, захватил с собой казну, шахский гарем, а также тысячи искусных ремесленников. Среди пленников оказалась и любимая жена шаха, красавица Тачлы Хатун (Бихрузе). За её освобождение Селим потребовал от Исмаила большие территориальные уступки, но получил отказ.

В романе «Легенда. Роман о Барбароссе» главным героем выступает знаменитый средиземноморский корсар Хызыр Хайреддин Барбаросса (1475 – 1546), который сумел захватить Алжир и Тунис, войти под покровительство Селима I и получить от него в 1519 г. титул бейлербея (правителя и наместника османского султана) Алжира. В 1533 г. уже следующий султан Сулейман I назначает его капудан-пашой (адмиралом) османского флота. Хызыр Реис одерживает ряд морских побед. Например, в 1534 г. он завоёвывает Тунис, в 1538 г. наносит поражение объединённому флоту христианских государств под командованием Андреа Дориа в битве при Превезе. Благодаря успехам Барбароссы Османским правителям удаётся долго и прочно удерживать под своим контролем Средиземное море с прилегающими к нему территориями. Роман «Легенда. Роман о Барбароссе», по своей сути, типично авантюрное повествование. Он посвящён тому, как бедный гончар с острова Митилена (Лесбос) Хызыр, используя редкую ловкость, ум, политическую проницательность, жестокость и жадность и проходя через жизненные испытания, поднимается по социальной лестнице к богатству, власти и благополучию. Хызыр Хайреддин Барбаросса становится влиятельным человеком в

Османском государстве. К его мнению прислушиваются султаны, его возвышению завидуют богатые вельможи. Наконец, он превращается в грозу для западного христианского мира. С ним борются испанские короли Фердинанд II (1452-1516) и Карл V (1519-1556). С ним заключает дружеский союз французский король Франциск I (1494-1547).

Сюжеты романов «Шах & султан» и «Легенда. Роман о Барбароссе» строятся на непримиримой борьбе двух равных соперников, крупных исторических личностей – Селима I с Исмаилом I («Шах & султан») и Хызыра Хайреддина Барбаросса с Андреа Дория (1466-1560), выдающимся флотоводцем, адмиралом, состоявшем на службе у Карла V, политическим деятелем и дождем Генуэзской республики, всю свою жизнь посвятившим борьбе с пиратами в Средиземном море («Легенда. Роман о Барбароссе»). Однако в трактовке их образов И. Пала допускает вольное обращение с фактами в угоду возвеличивания всего того, что связано с Османским государством, и уничижения всего того, что связано с другими странами и народами. Он создаёт исторический миф, наделяя султана Селима и корсара Барбаросса исключительно положительными качествами – ум, мужество, справедливость, сострадание к врагу, а их соперников исключительно отрицательными – глупость, трусость, жестокость даже в отношении близких и т.п. Положительные и отрицательные качества тех и других постоянно повторяются, варьируются и превращаются в штампованные формулы, которые и определяют их характеры.

Замалчивая достоинства противников османов, писатель излишне героизирует и даже мифологизирует положительных героев. Например, в «Легенде. Романе о Барбароссе» Барбаросса управляет морскими ветрами, заставляя воды Босфора течь вспять, ему подчиняются рыбы и дельфины. И. Пала упоминает лишь победы Барбароссы над Андреа Дориа и опускает победы его врага. Ничего не говорит о победоносных для испанского флота сражениях за Тунис в 1535-1537 гг. Иными словами писатель предлагает читателю интерпретацию исторических событий, часто не связанную с подлинными историческими фактами. Именно так описывается центральный эпизод романа – сражение объединённого христианского флота с османским флотом в заливе Превезе. По мнению многих историков, победа турок в этом сражении была весьма сомнительна. Вообще это сражение не являлось решающим в борьбе за Средиземное и Ионическое моря между христианами и турками. Более того, сражения как такового вообще не было. Лишь в первый день происходили стычки между передовыми галерами двух флотов. На второй день противники разошлись без боя. Андреа Дориа увёл свои корабли в Мессину. Существует много предположений о причинах случившегося. Это и плохая штормовая погода, и тайное соглашение между Барбароссой и Андреа Дориа о том, чтобы не вступать в генеральное сражение, поскольку оно было выгодно лишь Венеции, с которой никто из них в дружбе не был. Однако И. Пала яркими красками описывает морскую битву, показывая, как Барбаросса с меньшей численностью кораблей победил Андреа Дориа: «В тот вечер после сражения Хайреддин Реис стал участником всеобщего веселья. Рассказывая о Дориа, он ревел от хохота: «Как же он улепётывал от меня, даже не по-

гасив свои фонари!» [4, 350]. Подобного рода несоответствия реальности и умалчивания, весьма характерные для романов И. Пала, являются одной из типологических черт историко-авантюрной романной парадигмы.

В сюжеты романов включён не только мотив борьбы с внешним врагом, но и мотив сокрытия тайны, осложнённый традиционным для историко-авантюрного романа мотивом переодевания. Это реализуется посредством образов вымышленных героев. В романе «Шах & султан» братья-близнецы, шиит Ака Хасан и суннит Джан Хюсейн, будучи персонами особо приближёнными, соответственно, к шаху и султану, из-за случайного стечения обстоятельств вынуждены, обменявшись одеждой, уйти в стан врагов (шиит Ака Хасан – к султану, суннит Джан Хюсен – к шаху). После разоблачения они оказываются помилованными новым хозяином, но затем каждый из них, признавшись в измене, возвращается на первоначальное место службы и теперь его уже прощает прежний господин. В романе «Легенда. Роман о Барбароссе» Сиди Алкала – человек особо приближённый к Хызыру Реису – его друг и секретарь, составляющие морские карты, скрывает своё происхождение. Периодически он ездит в Испанию, где передвигается по Пиренейскому полуострову под вымышленными именами. Тайна Алкалы выясняется лишь к концу повествования. Его настоящее имя Сеййид Муради. Он оказывается шехзаде (наследным принцем) последнего правителя Гранадского эмирата, султана Мухаммеда бин Ахмера (имя вымышленное, последним эмиром Гранады был Мухаммед Абдалла эль Зогиби). По сюжету романа испанцы убили всю семью гранадского правителя. Лишь его пятилетнему внуку Сеййиду удалось бежать. Теперь же Сеййид вырос и мстит за смерть своих родных, убивает всех, кто причастен к кровавому убийству его семьи, чем вызывает гнев Карла V, который его преследует. Сеййид находит поддержку и материальную помощь в борьбе за восстановления мавров на Андалузской земле у корсара Барбароссы, ставшего османским пашой.

Достаточно сильным в обоих романах является и любовно-драматический мотив. В «Шахе & султানে» в девушку-суннитку Бихрюзе из города Тебриза влюбляются и шах Исмаил, и султан Селим. После завоевания Тебриза шах берёт Бихрюзе в свой гарем, делает второй любимой женой, даёт ей имя Тачлы / Коронованная, долго добивается расположения гордой красавицы, которая не любит его и не желает признавать своим мужем. Селим встречается с Тачлы в шахском дворце в Тебризе, куда он тайно проникает под видом странствующего дервиша накануне турецко-иранской войны. Именно там султан впервые видит Тачлы и влюбляется в неё. Девушка также чувствует расположение к странному дервишу, читающему перед шахом наизусть поэмы знаменитых поэтов. Селим сохраняет свою любовь к Тачлы до конца жизни: после завоевания Тебриза османами он увозит девушку в Стамбул, выдаёт замуж за богатого вельможу, не перестаёт с ней встречаться, одаривает её дорогими подарками и посвящает ей стихи. Для поверженного шаха утрата любимой жены оказывается трагедией, которую он не в состоянии перенести: он замыкается в своём горе, ведёт уединённый образ жизни, находя утешение в вине.

В «Легенде. Романе о Барбароссе» Сиди Алкала влюблён в турецкую девушку по имени Биллюре. В восемь лет она была насильно увезена из Турции испанскими пиратами и продана на невольничьем рынке в Испании одному местному вельможе. Из дома последнего девочка попала в королевскую школу в городе Малаге. В школе Биллюре скрывала своё происхождение и настоящее имя (там её называли Беатрикс). В этой же школе она познакомилась с Сиди Алкала, который тоже выдавал себя за другого. Между Беатрикс и Сиди зародилась любовь. Но неожиданно им пришлось расстаться, после чего долгих 25 лет они провели в поисках друг друга. Уже взрослые, тридцатипятилетние Биллюре и Сиди поженились и остались жить в Константинополе близ дворца Хызыра Хайреддина Барбаросса.

Как уже отмечалось, романное действо в двух произведениях разворачивается на фоне жестокой и кровавой борьбы за расширение границ Османского государства на суше и на море, на Востоке и Западе. Пространственно-временная организация выстраивается из рассказов вымышленных героев. В романе «Шах & султан» повествование ведут три персонажа – братья-близнецы Ака Хасан и Джан Хусейн, а также юноша-евнух Камбер-джан. В романе «Легенда. Роман о Барбароссе» рассказывает один герой – Сиди Алкала. Он создаёт книгу о жизни знаменитого корсара и адмирала османского флота Хызыра Хайреддина Барбароссы, которую заказал написать султан Сулейман, чтобы оставить будущим поколениям память об их славном прошлом. Сиди Алкала с позволения Хызыра Реиса вставляет в рассказ эпизоды из собственной жизни, уделяя большое внимание истории изгнания мавров с Пиренейского полуострова. Романские локусы в двух произведениях И. Пала быстро сменяют друг друга, «свое» и «чужое» пространства противопоставляются, а частые перемещения персонажей в пространстве формируют образ пути, проходящего сквозной линией через судьбы героев и подчёркивающего власть иррациональных моментов – случайностей и тайн – над их жизнями. Это также является типологической особенностью подобного рода романов.

Таким образом, хронотипологические особенности турецкого историко-авантюрного романа формируются на протяжении всего XX в., реализуясь в творчестве наиболее известных его представителей XXI в., например И. Пала. Типологию его романов определяет однобокая, антиисторическая концепция действительности, базирующаяся на исламистских убеждениях автора. В угоду реализации данной концепции искажаются исторические факты, создаются «костюмные», одномерные образы, придумываются занимательные, но клишированные сюжетные коллизии, призванные показать турецкую историю только с одной стороны – в её блеске и величии.

Список литературы

1. Софронова Л.В. Турецкий исторический роман. Этапы развития: дисс. ... канд. фил. наук. М., 1986. 195 с.
2. Enginün İ. Cumhuriyet Dönemi Türk Edebiyatı. İstanbul: Dergah Yayınları, 2006. 460 s.
3. Moran B. Edebiyat Kuramları Ve Eleştirisi. İstanbul: İletişim Yayınları, 2016. 352 s.
4. Pala İ. Efsane. Bir Barbaros Romanı. İstanbul: Kapı Yayınları, 2014. 379 s.

5. Yeni Türk Edebiyatı 1839 – 2000 / Editör Dr. R. Korkmaz. Ankara: Grafiker Yayınları, 2007. 608 s.

КОНЦЕПТ «ПРОФЕССОР» В РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ. АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Сергеева Ю.С.

преподаватель немецкого языка кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Московский государственный строительный университет, Россия, г. Москва

В статье описывается ассоциативный эксперимент, представляющий собой опрос среди студентов, который позволяет более точно раскрыть ценностную составляющую концепта «профессор» в немецкой и русской лингвокультурах. Выявлены сходства и различия в представлениях русских студентов и студентов из немецких вузов. Различия в ассоциациях со словом «профессор» обусловлены многими факторами, в том числе и историческими.

Ключевые слова: концепт, профессор, ассоциация, ассоциативный эксперимент.

Понятие «концепт» в лингвокультурологии вызывает большой интерес. Учёные дают различные трактовки этому понятию. Например, В. И. Карасик приводит ряд определений понятию «концепт», которые были разработаны разными авторами:

Концепт – это абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского понятия [6, с. 246].

Концепт – идея, включающая абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, а также спрессованную историю понятия [7, с. 412].

Концепт – личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения [4, с. 281].

Концепты – своеобразные культурные гены, входящие в генотип культуры, самоорганизующиеся интегративные функционально-системные многомерные (как минимум трехмерные) идеализированные формообразования, опирающиеся на понятийный или псевдопонятийный базис [5, с. 16-18].

Концепт – сущность понятия, явленная в своих содержательных формах – в образе, понятии и в символе [3, с. 19-20].

В нашей статье мы рассматриваем концепт «профессор».

Концепт «профессор» по-разному репрезентирован в русской и немецкой лингвокультурах. Это доказано тем, что данному концепту в немецкой лингвокультуре уделяется большее внимание, чем в русской. Поэтому для того чтобы более точно определить ценностные составляющие концепта «профессор» и сравнить их, мы провели ассоциативный эксперимент.

Для рассмотрения данного концепта нами был проведён опрос. Опрос проводился в интернете на сайтах «Facebook» и «ВКонтакте». В нём участвовали 100 русских студентов и 100 студентов немецких вузов в возрасте от 18 до 25 лет. Было предложено ответить на следующие вопросы: какие ассоциа-

ции возникают у Вас, когда Вы слышите слово «профессор»? Как Вы представляете себе этого человека? Ниже приведены примеры некоторых ответов.

Русские студенты имеют следующие ассоциации со словом «профессор».

«Профессор» – это человек который возможно занимается в сфере медицины, психологии или педагогики. Представление: мужчина в возрасте, с сединой, в очках, в белом халате. Либо женщина с кучей папок в руках, работающая на кафедре в высшем учебном заведении» (Алия, 19)

«Профессор» – это седой мужчина в очках, сером костюме и с портфелем» (Дарья, 20).

«Профессор» – мужчина в очках, достаточно современный, в голове всплывает образ гения. Это человек, развивающий в ногу со временем, с чувством стиля и меры. Белый халат, очки, проборчик, рубашка в клетку (под халатом), классические зауженные брюки и туфли мужские» (Илья, 20).

«Профессор» в моём воображении – мужчина лет 50-60, обязательно в очках и обязательно с бородой. Излишний вес и низкий голос» (Андрей, 21).

«Профессор» – это человек в возрасте, седой и в очках, в строгом костюме, импозантный. Почему-то визуально он у меня похож на Чехова» (Елена, 21).

«Профессор» – мужчина, лет 40-55, с бородкой и в очках, в костюме и с папкой документов» (Илья, 19).

Ответы студентов из немецких вузов.

«Профессор» – это мужчина с растрёпанными волосами, в круглых очках с толстыми линзами. У него длинные волосы, но есть лысина. Он начинает трястись и дрожать от удовольствия, когда рассказывает о своем предмете. Он носит костюм и ходит с портфелем из кожи» (Марк, 26).

«Профессор» – это серьезный строгий мужчина, лет 50-55. Он носит чёрный костюм и очки с тёмными линзами» (Хельга, 25).

«Со словом «профессор» я ассоциирую человека, который старше меня и имеет авторитет среди студентов и своих коллег. Он очень образован и профессионально ориентирован в педагогической области» (Нора, 23).

«Ассоциации со словом «профессор»: борода, книги, знания, интеллигентность, университет, гимназия, вязанный свитер, небольшая заработная плата. Я думаю, что все профессора выглядят по-разному. Я знаю профессоров мужчин и профессоров женщин, пожилых и молодых, хорошо и не очень хорошо одетых» (Лилиан, 22).

«Ассоциации: университет, преклонный возраст, опять, знания, преподаватель, доктор, забывчивость. Я представляю пожилого человека, который знает всё в своей научной области. Человек, который целиком и полностью живёт наукой и не замечает вещей и событий, которые происходят вокруг него» (Саша, 25).

«Ассоциации: университет, наука, седина, серьёзность. Он носит былую рубашку и пиджак, имеет седые волосы и очки. У него большая библиотека и он ездит на велосипеде» (Кристин, 20).

«Я думаю, что это зрелый мужчина в пиджаке и с очками, с портфелем и растрёпанными волосами. Как я себе его представляю? Профессор-это тот

человек, у которого всегда мало времени и который демонстрирует свои знания на лекциях и коллоквиумах» (Аннэ-Катрин, 20).

«Ассоциации: университет, очки, свитер, химия, белый халат, эксперименты, доклады, домашняя работа, хорошая заработная плата, большая квартира со старой мебелью. Профессор для меня – это пожилой человек с седыми, растрёпанными волосами, в очках с толстыми линзами, немного растерянный и немного сумасшедший. В моём сознании сразу всплывает образ Альберта Эйнштейна. Но профессора из моего студенческого времени были полной противоположностью: молодые, очень дружелюбные и энергичные» (Констанц, 25).

«Внешность: седые волосы, очки, бежевые брюки. Манера речи: длинные предложения, спокойный размеренный голос, много жестов. Кроме того, имеет хлёсткий юмор, ходит со стопкой книг, и в его комнате везде пыль» (София, 24).

«Ассоциации: высокая заработная плата, хорошая пенсия, очень своеобразный человек, книги, беспорядок, мир идей. Профессор не живет в реальности, очень строг и задумчив» (Рубен, 19).

В конечном итоге, проанализировав полученные данные, можно дать общее описание ассоциаций со словом «профессор».

Профессор – это именно мужчина, в возрасте от 45 до 70 лет, небольшого роста, имеющий лишний вес. Волосы седые, есть небольшая залысина. Одет в строгий серый или чёрный костюм, в очках, всегда носит с собой кожаный портфель или кучу папок. Профессор – умный, образованный человек, специалист в какой-то конкретной области, занимающийся научными исследованиями, целиком и полностью посвящая себя своему делу, незаметно для окружающих течению времени. Окружён большим количеством книг. Речь размеренная, постоянно задумчив и немного рассеян.

Возникает вопрос, почему именно такое представление сложилось об образе профессора? В этом определении всё взаимосвязано. Профессорское звание присваивается в возрасте примерно от 40-45 лет. До этого времени человек занимается наукой, самосовершенствуется, ведёт исследования, набирается опыта. Из этого становится ясно, что он умный и образованный. Работа профессора связана с малоподвижным образом жизни, поэтому он имеет лишний вес. Очки – это признак кропотливой работы, бессонных ночей и постоянного саморазвития, в результате чего испортилось зрение. Строгий костюм тёмных тонов и портфель – признак строгости, упорядоченности, присущей человеку с таким родом деятельности.

Сделав статистический анализ полученных данных, мы пришли к выводу что и у русских, и у немецких студентов представления о профессоре практически совпадают. Но есть и значительные отличия.

В русской лингвокультуре представления о концепте «профессор» следующие:

- Профессор – это человек с низкой заработной платой, живущий своими исследованиями;
- Профессор – это преподаватель именно в высшем учебном заведении.

- Он постоянно окружён большим количеством людей, в частности студентами, но при этом постоянно куда-то торопиться и ему не хватает времени.

- Профессор имеет лишний вес и небольшой рост.

В немецкой лингвокультуре концепт «профессор» репрезентирован иначе:

- Профессор имеет высокий заработок и хорошую пенсию;

- Профессор – преподаватель либо в университете, либо в гимназии;

- В полученных от немецких студентов данных об этом человеке ничего не говорится о лишнем весе;

- Профессор не замечает течения времени, он полностью погружён в себя;

- Как считают некоторые опрошенные, профессор ездит на работу на велосипеде.

Исторически обусловлено то, что, представляя профессора, в сознании людей всплывает именно мужчина. В русской и немецкой лингвокультурах гендерные различия концепта «профессор» очевидны.

В немецком языке данный концепт выражается словами «der Professor» (профессор мужчина) и «die Professorin» (профессор женщина). В русском языке существует только слово «профессор», которое включает в себя оба понятия – профессор мужчина и профессор женщина.

Таким образом, ценностные составляющие концепта «профессор» в русской и немецкой культуре значительно отличаются, хотя целостные представления совпадают.

Список литературы

1. Заглядкина Т.Я. Академическая концептосфера в немецкой и русской лингвокультурах: дис... канд. филолог. наук. Волгоград, 2009.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – 2-е изд. – М.: Гнозис, 2004.
3. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб, 2004.
4. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. М., 1997.
5. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода: Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып.1. Архангельск, 1977.
6. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М., 1995.
7. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М, 1997.

ВОЙНА 1812 ГОДА КАК ИСТОЧНИК ПОЯВЛЕНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Скачкова Л.В.

аспирант, Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, Россия, г. Брянск

В статье ставится задача рассмотреть историческое и культурное содержание французских фразеологизмов, которые возникли в русском языке во время Отечественной

войны 1812 года. На основе анализа этимологии фразеологических оборотов делается вывод, что основной способ их появления было калькирование из французского языка как результат воздействия иноязычных слов на русский разговорный язык.

Ключевые слова: фразеологизм, Отечественная война 1812 года, калькирование, пословицы, этимология.

Тема войны актуальна для любого времени и любого народа, именно война является частью языковой картины мира и исторической памяти нации. В. Г. Поваляев в своём исследовании «Война как социальное явление» справедливо замечает: «Война не просто сопутствует развитию человеческого общества, война интегрирована в жизнь общества» [4, с. 3].

Как явление универсальное и многозначное, война содержит в себе социальную, культурную и психологическую стороны, и, вполне вероятно, не может не отражаться в языке народа.

Влияние Отечественной войны 1812 года не является исключением. Одной из причин этой войны считается политика, проводившаяся без учёта интересов России Франции в отношении европейских государств [5, с. 449]. В начале войны русская армия с боями отступала от границ России до Москвы, дав недалеко от столицы знаменитое Бородинское сражение. Позже наполеоновская армия маневрировала, пытаясь уйти в неопустошенные войной города и сёла, а затем отступала до границ России. Французов преследовали русская армия, голод и сильный мороз. Война закончилась поражением французов, освобождением территории России и переносом военных действий в Германию [5, с. 456].

Итак, рассмотрим фразеологические обороты, которые, как принято считать, появились во время нашествия французской армии на территорию России в знаменитом 1812 году.

Шаромыжник – ‘человек, который любит поживиться на чужой счет, ловкач, жулик’ [3, с. 892]. Данный оборот возник при отступлении из России наполеоновской армии, измученной холодами и партизанами. Бравые французы превратились в замерзших и голодных оборванцев. Теперь они не требовали, а смиренно просили у русских крестьян чего-нибудь поесть, обращаясь к ним *cher ami* – дорогой друг. Крестьяне, не знавшие иностранного языка, так и прозвали французских попрошайек – *шаромыжники*.

Пушечное мясо – ‘о солдатах, насильственно или бессмысленно посылаемых на смерть’ [1, с. 394]. Данный оборот возник путем калькирования с французского языка – *la chair à canon*. В русский язык пришло благодаря политическому памфлету французского писателя Ф. Шатобриана «О Бонапарте и Бурбонах» (1814), где описываются темные стороны наполеоновского режима: «Презрение к человеческой жизни и к Франции достигло такой степени, что новобранцев называли сырьем и пушечным мясом». По другой версии, выражение возникло от термина «пушечное сало», которым был обыкновенный животный жир, используемый для смазки оружейного ствола. Такое вещество дополнительно защищало ствол от коррозии при сгорании черного пороха – пушки требовали постоянного ухода.

От великого до смешного один шаг – ‘серьезное, важное нередко чередуется со смешным; легко попасть из одной крайности в другую’ [1, с. 633]. Этот фразеологический оборот является калькой французского *Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas* (букв.: От возвышенного до смешного только один шаг). Данную фразу Наполеон часто повторял во время бегства из России в декабре 1812 г. Французский император ехал, соблюдая строжайшее инкогнито, понимая опасность этих тревожных дней. По дороге он остановился в Варшаве и вызвал своего посланника при короле, аббата Прадта. Именно ему Наполеон и сказал при встрече эти знаменитые слова.

Старая гвардия – ‘испытанные, опытные деятели в какой-либо области’ [1, с. 107]. Выражение восходит к наименованию отборных частей войск Наполеона, который разделил свои войска на старую и молодую гвардию. В старую гвардию входили закаленные в боях, опытные солдаты и офицеры, снискавшие себе славу непобедимых. Вскоре данный фразеологизм стал использоваться не только применительно к военной тематике, но и ко многим отраслям человеческой деятельности. Так стали называть ветеранов и заслуженных деятелей в любой области.

Пройти (сквозь) огонь, воду и медные трубы – ‘много испытать в жизни, стать опытным’ [1, с. 416]. Оборот *пройти (сквозь) огонь и воду* зафиксирован еще в старославянском языке. Он стал языковым шаблоном в связи со средневековым обычаем «Божьего суда». Подозреваемого заставляли держать руку на огне или брать рукой раскаленное железо. Быстро зажившая рана доказывала его невиновность. При испытании водой – человека бросали в воду: если шел ко дну, то признавался виновным. Также данный фразеологизм был связан с военными действиями: в огне – в бою, в воде – переправляться через реки, часто под проливным дождем. Однако прибавленный сегмент *и медные трубы*, вероятно, появился первоначально в военной среде в период Отечественной войны 1812 г. Здесь *медные трубы* являются символом испытания славой.

Пирогі печёт сапожник – ‘человек, берущийся не за своё дело’ [1, с. 400]. Во время Отечественной войны 1812 года русский адмирал П. В. Чичагов командовал сухопутной армией. Его армия должна была отрезать отступление Наполеона через реку. Но неумелые действия адмирала привели к тому, что части французских войск удалось переправиться через реку. По этому поводу Иван Крылов написал басню «Щука и кот», строчки которой «*Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник*» (т.е. о моряке, командующим сухопутными войсками) стали пословицей.

Проанализировав фразеологические обороты, образовавшиеся во время Отечественной войны 1812 года, можно сделать вывод о том, что любые военные действия, как явление политическое, находят свое знаковое отражение в языке. В этот исторический период большинство устойчивых выражений в русском языке появляется за счет калькирования из французского языка как естественная ответная реакция русского народа на резкое увеличение числа иноязычных слов в своей повседневной речи.

Список литературы

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. М.: Астрель, 2005. 926 с.
2. Василенко А.П. О верификации гипотез происхождения некоторых идиом // IV Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции (9-13 сентября 2010): В 2-х т. Севастополь: Севастопольский государственный гуманитарный университет, 2010. Том 1. С. 40-48.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 80 000 слов и фразеологических выражений/Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2005. 944 с.
4. Поваляев В. Г. Война как социальное явление: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 145 с.
5. Сахаров А. Н., Боханов А. Н., Шестаков В. А. История России древнейших времен до наших дней: в 2 томах. М.: Проспект, 2011. Т. 2. 720 с.

**О СТЕПЕНИ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИГУРЫ «ТАВСИФ» (ЭПИТЕТ)
В ТАДЖИКСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ**

Таджибоев Ш.Г.

доцент кафедры таджикской классической литературы, канд. филол. наук,
Худжандский государственный университет, Таджикистан, г. Худжанд

В статье рассматриваются степень изученности и исследования художественной фигуры «тавсиф» (эпитет) в таджикской классической поэтике и современном литературоведении. Излагается подробный анализ взглядов и противоречивых воззрений таджикско-персидских исследователей-стиховедов относительно термина «тавсиф».

Ключевые слова: эпитеты, литературоведение, литература, «тансик-ус-сифот», поэтическая фигура.

Персидско-таджикская классическая литература обладает богатейшими традициями литературно-теоретической мысли, уходящими своими корнями в глубокую древность. В традиционной таджикско-персидской классической поэтике особое внимание обращалось на проблему соотношения формы и содержания, причем основным объектом ее изучения являлась поэзия. В трудах основателей персидско-таджикской классической поэтики в числе важнейших проблем литературоведения рассматривались вопросы формы и содержания, поэтического воображения и художественных фигур.

Вполне обоснованно, что в таджикско-персидской классической поэтике наряду с учениями маани и байян, которые относятся к риторике, важное значение придавалось и бади', т.е. изяществу выражений, ибо именно художественные средства выразительности определяют зачастую содержательную сторону произведения, его образность и выбор лексики. Кроме того, "исследование художественных средств наряду с другими аспектами формы и содержания произведения представляет более широкие возможности для понимания стиля и образной мысли писателя" [6, с. 5].

Известно, что поэтические фигуры способствуют выразительности и красочности художественной речи. Таджикско-персидскими исследователями-стиховедами отмечено более **300** художественных средств в таджикско-персидской литературе, каждое из которых теоретически обосновано в их трудах.

Многие из художественных средств имеют основополагающее значение для усиления выразительности и изящества, тонкости и содержательности художественной мысли. В ряду фигур, способствующих поэтичности слова, по мнению исследователей, находятся и эпитеты. Эпитеты как важное средство художественной выразительности речи не нашли полного теоретического осмысления ни в средневековой литературной критике, ни в современном литературоведении. В свете этого справедливым представляется мнение таджикского литературоведа Х. Шарифова о том, что «фигура «тавсиф» (эпитет. -Т.Ш.) нашими средневековыми учеными-теоретиками не была признана как признак мастерства и искусства, только их перечисление и повторение считалось фактором художественности».

Действительно, средневековые труды по поэтике свидетельствуют о том, что теоретическая трактовка и научное разъяснение фигуры «тавсиф» в таджикском средневековом литературоведении отсутствует.

В имеющихся же трудах, авторы, используя термин «тансик-ус-сифот» (дословно с арабского – “соединения атрибутов” – Т.Ш.), отмечают, что посредством этой фигуры «поэт дает несколько определений одному предмету в пределах одного бейта, в одном ряду, и в нем воспевающий пользуется правом распоряжения» [5, с. 82].

Это определение приводит к выводу о том, что между эпитетом и «тансик-ус-сифот» (упорядочение эпитетов) существует ряд сближающих их частных и общих признаков. Общее между ними то, что задача обеих фигур – дать определение события, предмета, явления, людей. Отличие же заключается в форме и способе выражения и изъяснения. Если в фигуре «тансик-ус-сифот» дается несколько признаков одного предмета, то в фигуре тавсиф «подчеркиваются важнейшие особенности и признаки события, кого-либо или чего-либо» [3, с. 51].

Свое теоретическое осмысление фигура «тавсиф» нашла в современном литературоведении, в научных исследованиях и словарях. Научная трактовка фигуры тавсиф была дана в работах современных таджикских литературоведов Т. Зехни, Х. Шарифова, Ю. Бабаева, Б. Тилавова, однако специального труда, созданного на основе практического анализа поэтического текста, в таджикском литературоведении все еще нет.

В вопросе определения термина «тавсиф» (эпитет) среди таджикских ученых наблюдаются разногласия. Следует отметить, что определяя эпитет, большинство таджикских литературоведов разделяет точку зрения русских литературоведов-теоретиков. Так, Т. Зехни и Ю. Бабаев, опираясь на суждения русских литературоведов, фигуру «тавсиф» трактуют как художественное определение. На наш взгляд, данная трактовка не может быть принята безоговорочно. Дело в том, что такое определение не отражает главной

функции эпитета. Художественная ценность эпитета заключается в поэтичности, образности и красочной выразительности. Размышляя об эпитетах в таджикских народных рубаи, академик Р. Амонов отмечает: «Неверно считать, что эпитеты состоят только из определений. Часто эпитеты характеризуют способ действия, состояние, движение, выраженные глаголом и т.п. и тем самым превращаются в наречия, прилагательные, и существительные» [2, с. 80].

Толкования, содержащиеся в таджикско-персидских словарях, дополняют понимание значения термина «тавсиф». Однако фигура «тавсиф» не во всех словарях нашла верное толкование. В ряде персидских и таджикских словарей, в том числе в «Словаре Амида» (Фарханги Амид), «Тольковом словаре таджикского языка» (Фарханги забони точики), «Литературном словаре» (Фарханги адабиёт), «Словаре Муина» (Фарханги Муин), «Словаре Деххудо» (Лугатномаи Деххудо), этот термин получил точное и верное толкование. В других же – природа эпитета и его отличительные особенности отражены недостаточно полно, сведения в них заимствованы друг у друга [4, с. 32].

Этот факт свидетельствует, во-первых, о недостаточно полной изученности вопроса в таджикском литературоведении, и, во-вторых, о противоречиях во взглядах ученых относительно термина «тавсиф». Поэтому возникает необходимость сформулирования единой и точной трактовки термина, которая будет базироваться на достижениях средневековой научно-теоретической мысли. В этом, думается, нам поможет формулировка фигуры «тансик-ус-сифот», которую можно использовать при научной трактовке фигуры «тавсиф», что позволит подчеркнуть идейно-тематическую ценность данного художественного средства. Наиболее подходящей, по мнению исследователей, кажется формулировка Рашид-ад-дина Ватвота, который при определении фигуры «тансик-ус-сифот» отмечает, что тавсиф – «это описание качеств и свойств кого-либо или чего-либо» [3, с. 51]. Это краткое определение, на наш взгляд, точно отражает суть термина и в то же время указывает на его идейно-эстетические функции.

Список литературы

1. Амонов Р. Таджикская народная лирика. Душанбе: Дониш, 1968. 412 с.
2. Зехни Т. Искусство слова. Душанбе: Дониш 1979. 240 с.
3. Избранные трактаты Мухаммада ибн Умари Родуёни “Красноречивый толкователь” и Рашид-ад-дина Ватвота «Сад таинств о тонкостях поэзии». Душанбе: Донпш, 1987. 145 с.
4. Таджибаев Ш.Г. Эпитеты и принципы составления словаря эпитетов персидско-таджикской поэзии (по материалам "Шахнаме" Фирдоуси). дис. ... канд. филол. наук. Худжанд, 1999. 152 с.
5. Шарифов Х. Художественная речь. Душанбе: Маориф, 1991. 159 с.
6. Шарифов Х. Стиль и совершенство слова. Душанбе: Ирфон, 1985. 168 с.

НЕПОЛНЫЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ С. АЙНИ И ЕГО РОЛЬ В ТАДЖИКСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Тилляходжаева М.Н.

доцент кафедры методики преподавания таджикского языка и литературы,
канд. филол. наук, Худжандский государственный университет,
Таджикистан, г. Худжанд

В статье рассматриваются степень изученности и исследования таджикской лексикографии, как одна из древнейших областей наук, имеющая богатую историю, на протяжении которой создано свыше двухсот толковых словарей персидско-таджикского языка.

Ключевые слова: таджикская лексикография, многозначные глаголы, толковый словарь, С.Айни.

Стремление изучать языковые факты не изолированно, а во всей совокупности их специфики, системных связей и отношений составляет главную отличительную особенность современной таджикской лингвистической науки. Будучи принципиально новым, этот аспект сохранил преемственную связь с предшествующими лингвистическими традициями.

В отечественном языкознании существенным шагом в направлении такого изучения явилось исследование процессов и условий взаимодействия лексических и грамматических средств в сфере конструирования синтаксических единиц, поскольку в иерархии языковых подсистем, или уровней, лексика и её специфика использования занимает вершинное положение. Это обусловлено тем, что её единицы наиболее прямо и непосредственно участвуют в выполнении основной социальной функции языка быть средством общения, а также формирования и выражения мысли, закономерно приводящая к постановке проблем составления толковых словарей, разработки и комментирования лексико-семантической и синтаксической синонимии, и к открытию принципиально новых, функциональных синтаксических единиц – многозначного ряда как определенного набора форм и конструкций, между которыми всё же существуют отношения выбора из числа однозначных, образующих некий комплекс семантического ряда единиц, позволяющих совместное их описание как единиц одного уровня. Это создаёт предпосылки к постижению их системно-специфичного характера взаимообусловленности.

Таджикская лексикография – одна из древнейших областей наук, имеющая богатую историю, на протяжении которой создано свыше двухсот толковых словарей персидско-таджикского языка.

Необходимость целенаправленных поисков собственно языковой специфики лексических единиц и категорий со всей остротой была осознана и Садриддином Айни. Основу развивавшейся им концепции составляло характеристика и толкование форм и значений языковых единиц, взятых в единстве их материального различия или смыслового родства, с большей или меньшей последовательностью соотнесенных с их семантическими субстратами (представлением), складывающимися между разными лексемами или синтаксемами на основе того или иного их значения.

Словарь С.Айни с точки зрения содержания, задач и способов лексико-графического описания слов, методики интерпретации словарных единиц, по конкретному объему и охвату лексического материала в ряду других фархангов занимает одно из значимых мест в таджикской прикладной лексикографии. Такое представление феноменальных особенностей словаря, его лексики и подобное толкование по указанным параметрам представлялось весьма перспективным и для определения путей развития сложных синтаксических конструкций в истории таджикского языка. В связи со сказанным современное состояние научной разработки актуальных проблем таджикской лексикологии, её задач, перспективы общего развития теории оценок значения словесных единиц словарей вызывает необходимость поиска нового подхода к изучению специфики исследуемого объекта, словарных характеристик единиц словаря С.Айни, нового взгляда на проблему и вовлекают в орбиту научного исследования вопросы изучения лингвоспецифических особенностей многозначности глаголов в неполном толковом словаре таджикского литературного языка С.Айни.

Словарь С.Айни построен по принципу «многое о немногом»: если в «классических» словарях лексическая интерпретация носит обычно несколько ограниченный характер, то в этом словаре рассмотрение каждого слова представляет собой фактически развернутую картину языковой природы лексических единиц, которая позволяет выявить специфику слов и их значений в конкретной системе их представления. Высокая культура лексико-графического представления лексических единиц, проводимое на широком культурно-историческом фоне, использование огромного корпуса языковых фактов, ряд оригинальных форм семасиологических решений, содержащиеся в словаре, показ возможного варьирования слов, т.е. их подвижных формативов, оппозиции и коррелятивных пар – все это представляет его словарь весьма ценностным справочным источником.

Следуя бурному росту экономики, науки и культуры республики, автор «Лушати нимтафсилии тожикц барои забони адабии тожик», призван был отражать развитие и обогащение лексики таджикского языка. Словарь Айни для своего времени имел большое значение, поскольку в него впервые в таджикской лексикографии было включено множество слов из общенародного таджикского языка.

Другим фактором, отличающим словарь С.Айни от предшествовавших, был учёт составителем словаря специфики диглосии, сложившейся в Таджикистане к 30-м гг. XX в, когда классические персидский и таджикский литературные языки официально считались единым языком, но, не в полной мере доступным для широких народных масс. За последние 200-250 лет в силу своего геополитического положения таджикский язык постепенно стал в значительной степени отличаться от персидского, особенно в сфере лексики, да и отчасти в грамматике.

В словаре С.Айни обращает особое внимание на то, насколько важен учет взаимодействия лексики и синтаксиса, их движения «навстречу друг другу», поскольку лексико-синтаксическая взаимообусловленность проявля-

ется прежде всего на уровне значения (процессуальности, предметности, действия, состояния).

При составлении словаря С.Айни не мог не учитывать эти факторы, не говоря уже о влиянии на него богатого опыта русской и советской лексикологии.

Словарь С.Айни открыл новый этап в развитии таджикской лексикографии и оказал значительное влияние на создание толковых и двуязычных словарей как в советском, так и в суверенном Таджикистане.

Исследование лингвоспецифических и лексикографических характеристик словаря С.Айни приводит к аргументированным обобщениям, что в длительной истории составления словарей таджикского языка названный словарь – первый неполный однотомный образец толкового словаря таджикского литературного языка.

С.Айни, изучая процесс становления целостного понятийного аппарата словаря предшествующих эпох, создал «специфичную модель» словаря, в котором модифицированы преобразования его структуры и содержания из одной тональности в другую. Словарь С.Айни, созданный в 1938 году и изданный в 1973, внес значительный вклад в развитие таджикской лексикографии, во многом предопределив её дальнейшее развитие, поскольку он заложил базис характеристик описания и комментирования теории представления элементарных и лингвоспецифических особенностей лексических единиц с опорой на традиции таджикско-персидской практики составления словарей.

С.Айни удалось создать ценный и нужный труд, синтезирующий достижения предшественников, по-новому освещающий широкий комплекс проблем, традиционно стоявших перед лексикологией 30-х годов XX столетия, а также намечающих перспективы дальнейшего изучения канонов словарной практики. Впервые в таджикской лексикографии был создан толковый словарь нового типа – нормативное общедоступное пособие, призванное содействовать в условиях 30-х годов повышению культуры речи широких масс и быть руководством в правильном употреблении слов, образовании их форм, произношении и написании.

Список литературы

1. Айни Неполный словарь таджикского литературного языка. Куллият, т.2. Душанбе, 1973. – 563 с.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. – М.: Наука, 1974.
3. Ахмадов М. Толковый словарь Садриддина Айни и его лексикографические особенности. АКД. Худжанд, 2002. – 21 с.
4. Баевский С.И. Ранняя персидская лексикография XI – XVвв. М.: Наука, 1989, – 164 с.
5. Кубрякова Е.С. Семантика производного слова. В кн.: Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. С. 81-155.
6. Уфимцева А.А. Лексика. – В кн.: Общее языкознание: Внутренняя структура языка / Под ред. Члена-корреспондента АИ СССР Б.А.Серебренникова. М.: Наука, 1972. – С. 394-450.
7. Хакимова Ш.И. Лексические синонимы в поэзии Лоика Шерали. дис. ... канд. филол. наук. Худжанд, 2012. – 168 с.

О НЕКОТОРЫХ КОГНИТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Тлисова С.М.

доцент кафедры русского и иностранных языков, к.п.н.,
Северо-Кавказская государственная гуманитарная технологическая академия,
Россия, г. Черкесск

Мисходжева Ф.А.

доцент кафедры русского и иностранных языков, к.п.н.,
Северо-Кавказская государственная гуманитарная технологическая академия,
Россия, г. Черкесск

В статье рассматриваются когнитивно-ориентированные методики преподавания иностранных языков. Самыми востребованными сегодня являются, так называемые, ментальные карты, которые используются при обучении специалистов для более качественной и структурированной репрезентации терминологических единиц, которые относятся к определенной сфере профессиональной деятельности. Большинство ментальных карт разрабатываются в русле когнитивной лексикологии и семантики.

Ключевые слова: ментальные карты, когнитивные схемы, когнитивно-лингвистический, когнитивно-семантический, ментальное картирование, когнитивно-мотивированная схема.

В методике преподавания иностранных языков на сегодняшний день чрезвычайно востребованными являются, так называемые, ментальные карты, которые используются при обучении специалистов для более качественной и хорошо структурированной репрезентации терминологических единиц, относящихся к сфере определенной профессиональной деятельности, и их эффективного и глубокого усвоения. Кроме того, большинство ментальных карт, получающих свое дальнейшее применение в процессе обучения иностранному языку для специальных целей, разрабатываются в русле когнитивной лексикологии и семантики.

В качестве примера можно привести когнитивные схемы, семантические сети и ментальные карты, которые могут быть использованы на занятиях по иностранному языку для будущих специалистов в области экономики и финансов. В частности, результаты исследования когнитивно-семантических параметров терминологических и профессиональных лексических единиц понятийной области «Money and Finance», представленной в работе А. В. Михайловой, позволяют создать двухуровневую концептуально-семантическую модель, категоризирующую и систематизирующую обширный корпус специализированных лексем данной профессионально-предметной области.

На основании когнитивно-семантического анализа корпуса терминов и профессионализмов автор определяет тематические категории и выявляет концептуальные параметры, мотивирующие семантическую репрезентацию

лексики понятийной области «Money and Finance». Данный профессионально ограниченный сегмент лексикона, соотнесенный с одним из важнейших феноменов финансово-экономической деятельности человека – деньгами и иными средствами финансового обмена, – может быть организован в виде семантической сети.

Сеть состоит из тематических, концептуально мотивированных суперкатегорий и субкатегорий, включающих определенные лексические единицы рассматриваемого понятийного поля. Между узлами (суперкатегориями и субкатегориями) данной сети реализуются отношения суперординации, субординации, координации и ассоциативных связей. Суперкатегории и субкатегории сети «Money and Finance» соотносятся с разновидностями функциональной актуализации денег, закрепившимися в современной системе финансово-экономических отношений и составляющими структуру стереотипных событий мира экономики, и восходят к онтологическому протоконцепту «MEANS/INSTRUMENT». Это позволяет категоризировать всю лексику данной предметной области следующим образом:

(1) «MONEY/FINANCE AS A MEDIUM OF EXCHANGE» (*hard cash, paper money, banknotes, currency note, plastic card, affinity card, electronic money, Bitcoin, cryptomoney, cryptocurrency, payment on delivery, cash on the spot, pay cheque, personal cheque, toxic debt, direct tax, maternity pay, dirty money, hush money, trading profit, earned income, trading loss, etc.*);

(2) «MONEY AS A FINANCIAL PRODUCT» (*net borrowings, cheap money, dear money, home loan, consumer loan, capped-rate loan, credit line, government-backed loans, signature loan / unsecured loan, graduated payment loan / student loan, etc.*);

(3) «MONEY/FINANCE AS AN INVESTMENT INSTRUMENT» (*currency futures, gold bond, approved bond, convertible bond, e-bond, low-yield bond, unassented securities, safe stocks, dead stock, newly issued share, growth stocks / value stocks / glamour stocks / income stocks / go-go stocks, defensive stocks, investment allowance, real investment, currency exposure, direct investment, inward/outward investment, etc.*);

(4) «MONEY AS A STORE VALUE» (*customer capital, working capital, growth fund / aggressive growth fund / development fund, strike fund, monetary base / money stock, called-up capital, etc.*);

(5) «MONEY AS A UNIT OF ACCOUNT/MEASURE OF VALUE» (*knocked-down price, popular price, clearing price floating rate, carrying charge, break-up fee, high-street price, delivered price, intervention price, etc.*).

Таким образом, деньги или производные от них формы в представлении современного человека (а если конкретизировать, то в представлении специалиста в области экономики и финансов) – это единица товарно-денежного обмена, инструмент для умножения денежных средств; финансовый продукт; сущность, которая может аккумулироваться и храниться в больших объемах, относительно сохраняя при этом свою стоимость и обладая наиболее высокой степенью ликвидности по сравнению с другими активами; мера исчисления стоимости [2, с. 17].

Для более глубокого понимания специфики лексем, включенных в эту область, студентам также может быть предложен список обязательных (денотативных) и факультативных (коннотативных) параметров, характеризующих изучаемые лексемы. Все эти параметры связаны с концептом «INSTRUMENT», причем варианты активируемых коннотативных параметров зависят от типа отношений, в которых «INSTRUMENT» → «MONEY/FINANCE» выступает в роли аргумента определенной пропозиции. Эти отношения, в свою очередь, определяются функциональной спецификой финансовых средств и типом ситуации. Денотативные и коннотативные смысловые параметры по умолчанию актуализируются в семантике однословных терминов и вершинных компонентов составных наименований [2, с. 21]:

Denotative components

means of / instrument for exchange in trade,
banking, finance, fiscal sphere and labour market;
financial resources
measure of value – holder of value
material entity – virtual entity

Connotative components

GIVEN VS. TAKEN

paid vs. spent
earned vs. spent
invested vs. gained
lent vs. borrowed
bought vs. sold
gained vs. lost
accumulated and stored
taken away vs. added on

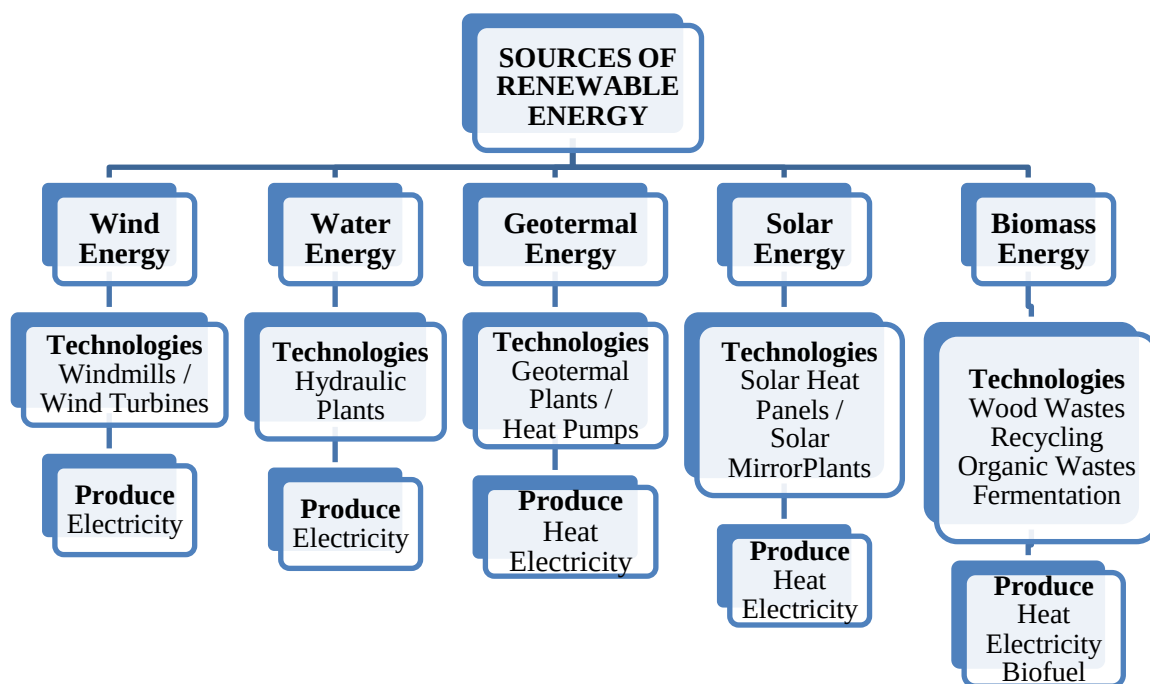
Кроме того, все терминологические наименования денежных единиц содержат в своем значении определенные семантические примитивы, конкретизирующиеся дополнительными признаками, выделение которых также может облегчить студентам, изучающим экономику и финансы, систематизацию данного материала. Данные примитивы могут комбинироваться в значении конкретной лексемы, раскрывая ее семантические особенности и позволяя обучающимся освоить материал как в обобщенном формате, так и более детально [2, с. 22]:

QUANTITY	excessive, large, small, total, increasing, waning, fractional, limited, stable (+/-)
QUALITY	validity (+/-), liquidity (+/-), convertibility (+/-), availability (+/-), safety (+/-), guaranty (+/-), fulfillment (+/-), novelty (+/-), equality (+/-), material
TEMPORAL BOUNDEDNESS	past, present, future, duration, beginning, termination, immediacy, frequency, delay
INDIVIDUAL/ INSTITUTION	donor, recipient, debtor, creditor, issuer of money substitutes, investor, social sta-

	tus, financial status, physical state, national specificity
PURPOSE/FUNCTION	establishment/development/termination of business, purchase of property, subject of purchasing, object of investment, salient activity, profit generation, financial support
CAUSE	ownership of an asset, purchase/sale of property, specific situation, performance at work, professional achievement/failure, attitude, salient activity, specific social/financial/physical state of a recipient
SOURCE	ownership of an asset, salient activity (professional, business, consuming)
MODE	means/form of payment, special tools and devices for money transfer, schemes of monetary exchange, system of monetary exchange

В качестве еще одного примера эффективного использования майндмэпа на практических занятиях по профессиональной коммуникации в сфере бизнеса и коммерции можно представить когнитивно-мотивированную схему, выполняющую функцию тематической опоры на уроке, посвященном проблемам венчурного инвестирования в сфере энергетики. Методически данный урок можно определить как кейс с элементами ролевой игры. В рамках вышеозначенной практики студенты получают задание предварительно ознакомиться с наиболее актуальными венчурными технологиями в сфере энергетики и наиболее успешными венчурными компаниями, воплотившими некоторые из проектов данной области в жизнь. В результате, студенты должны критически осмыслить все способы выработки альтернативной энергии и определить направление, являющееся наиболее перспективным для энергетического рынка России.

Одним из вспомогательных элементов, позволяющих им выстроить живую дискуссию по данной проблематике, является ментальная карта, представляющая на английском языке виды источников возобновляемой энергии, новые технологии, в которые на сегодняшний день готовы инвестировать предприниматели, и энергетический продукт, который может быть получен в результате вышеперечисленных технологий. По сути, эта блок-схема с возобновляемыми естественными источниками энергии, энергосберегающими технологиями и типами энергопродуктов, востребованных в современной энергетике, служит в качестве подсказки и концептуального инструмента, стимулирующего коммуникативное импровизированное взаимодействие участников на изучаемом языке:

Овладев технологией майндмеппинга, студенты смогут

- повысить эффективность восприятия информации;
- критически мыслить;
- ответственно относиться к собственному образованию;
- работать в сотрудничестве с другими;
- овладеть навыками самостоятельной работы;
- освоить достаточно объемные области специальных знаний более осознанно и применять их в профессиональной коммуникации.

Применяя в процессе обучения устной речи интеллектуальные карты, преподаватель тем самым:

- создает в группе атмосферу открытости и ответственного сотрудничества;
- использует модель обучения и систему эффективных методик, которые способствуют развитию критического мышления и самостоятельности в процессе обучения;
- изменяет свою роль, он: мотивирует, организует, консультирует, контролирует [1].

Итак, майндмеп – это не текст речи на заданную тематику, или список специализированных лексических единиц в определенной профессиональной сфере, а всего лишь концептуальный «скелет», задающий определенное направление мысли при изучении студентами иностранного языка для специальных целей. Таким образом, студент, использующий майндмеп, получает возможность освоить большие объемы специальных знаний на иностранном языке и получить навыки профессионально-ориентированной устной речи.

Список литературы

1. Мартынова, С. Б. Применение интеллектуальных карт в процессе обучения устной речи // Когнитивно-семантические исследования предложения и текста. Пятигорск: ПГЛУ, 2014.

2. Михайлова, А. В. Когнитивно-семантические свойства наименований средств финансового обмена (на материале англоязычного медийного экономического дискурса). Автореф. на соиск. степени канд. филол. наук. Специальность 10.02.04. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. – 36 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА ПРИМЕРЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ЗАДАНИЙ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВУЗОВ

Тлисова С.М.

доцент кафедры русского и иностранных языков, к.п.н.,
Северо-Кавказская государственная гуманитарная технологическая академия,
Россия, г. Черкесск

Мисходжева Ф.А.

доцент кафедры русского и иностранных языков, к.п.н.,
Северо-Кавказская государственная гуманитарная технологическая академия,
Россия, г. Черкесск

В статье рассматривается интегративный подход к обучению студентов, осваивающих неязыковые специальности, профессионально ориентированному иностранному языку, дополняются актуальные технологии. В качестве примера реализации интегративного подхода непосредственно в практике обучения студентов IV курса бакалавриата иностранному языку для специальных целей приводится структура одного урока по теме «Banking», разработанного для студентов экономических вузов, изучающих профессионально-ориентированный английский язык.

Ключевые слова: интегративный подход, профессионально-ориентированный, актуальные технологии, кейсовые методики, аутентичная коммуникация, педагогические технологии.

Интегративный подход к обучению студентов, осваивающих неязыковые специальности, профессионально ориентированному иностранному языку, как правило, дополняется еще целым рядом актуальных технологий, помимо уже упомянутых основных аспектов. Среди многообразия новых педагогических технологий, задействованных для решения актуальных задач формирования иноязычной коммуникативной компетенции у студентов в системе высшего профессионального образования, в качестве наиболее адекватных и эффективных следует рассматривать:

- (1) обучение в сотрудничестве [2, с. 6];
- (2) формат проектов и мини-проектов (для осмысления и закрепления полных и промежуточных объемов информации по заданной проблематике) [4, с. 3-9];
- (3) кейсовые методики обучения и веб-квесты;
- (4) работа с малыми группами [3, с. 1467];
- (5) ролевые игры, круглые столы и дебаты.

Данные технологии предполагают выполнение студентами заданий, которые характеризуются как комплексные творческие коммуникативные задания интерактивного типа.

В качестве примера реализации интегративного подхода непосредственно в практике обучения студентов IV курса бакалавриата иностранному языку для специальных целей можно рассмотреть структуру одного урока по теме «Banking», разработанного для студентов экономических вузов, изучающих профессионально-ориентированный английский язык. Планирование данного урока осуществлялось в соответствии с так называемым «прогрессивным форматом», который подразумевает «постепенное усложнение форм организации взаимодействия студентов в соответствии с теми видами деятельности, в которые они вовлекаются в учебном процессе» [1, с. 33]. Урок состоит из нескольких этапов, на протяжении которых реализуются следующие формы организации обучения 1) приобщение к взаимодействию (познавательный аспект); 2) имитация социального и профессионального взаимодействия (развивающий аспект); 3) аутентичное взаимодействие.

На этапе приобщения к взаимодействию, предполагающему воспроизводящий (репродуктивный или тренировочный) уровень учебной деятельности, студентам предлагается серия вводных вопросов (Lead-in) диагностического плана о различных продуктах и услугах, которые предоставляют современные банки. Посредством данных вопросов определяется уровень осведомленности обучающихся относительно указанного аспекта банковской деятельности и проверяется исходный лексический багаж по выбранной тематике. Далее проводится работа с текстом «Banks and financial institutions», в котором четко изложены основные принципы работы банков и представлена их классификация. Кроме того, данный материал насыщен специальной лексикой, усвоение и закрепление которой обеспечивается серией упражнений. Так, например, студентам предлагается найти в тексте слова, соответствующие определенным дефинициям, составить термины-коллокации и устойчивые выражения в тематической области «Banking» с использованием предложенных групп лексических единиц и тому подобное. Таким образом, на этапе приобщения к взаимодействию создаются основы для успешной реализации других уровней, формируется необходимая лексико-грамматическая база, закладываются в памяти определенные лингвистические шаблоны. Иными словами, идет усвоение и закрепление нового материала.

На этапе имитации социального и профессионального взаимодействия (данный уровень обучения иностранному языку является переходным и вытекает из предыдущего) осуществляется анализ учебного материала с его последующим синтезом. К уже знакомой студентам профессиональной лексике добавляются материалы, моделирующие более специфичные ситуации в сфере банковского дела. В частности, студентам предлагается прослушать аудио-материал, в котором менеджер банка HSBC Тони Рамос рассказывает об особенностях коммерческого и инвестиционного банкинга. После двукратного предъявления записи студенты выполняют задания по реконструкции некоторых ее фрагментов по памяти, отвечают на вопросы по содержа-

нию и, используя лексический фонд урока, разрабатывают собственное определение коммерческой деятельности банков.

Еще одним заданием на данном этапе урока являются задания по чтению, разработанные на базе текста «The subprime crisis and the credit crunch», ознакомление с которым способствует получению более детальных знаний относительно различных банковских продуктов и возможных рисков, связанных с их формированием.

Далее студенты переходят к экспресс-дискуссии. Основная проблема, которую они должны обсудить, привлекая отраслевую терминологию, освоенную на данном аудиторном занятии, представлена следующим вопросом: Who do you think was responsible for the subprime crisis? What did the financial industry do wrong? Следует отметить, что подобное задание предусматривает постепенное усложнение структуры изучаемых терминов в течение одного аудиторного занятия, сразу после их введения на этапе приобщения к взаимодействию, что является частью системы работы над отраслевой терминологией в рамках «прогрессивного формата». Кроме того, здесь осуществляется перенос приобретенных знаний, навыков и умений на аналогичные ситуации, а также формирование высказываний в аналогичных ситуациях. Учебная работа по иностранному языку на этом уровне требует большей мыслительной активности и креативности.

На этапе аутентичного взаимодействия создаются условия для формирования у студентов навыков и умений, необходимых для решения более сложных коммуникативных задач, требующих творческого подхода. В качестве базового используется материал, посвященный новому в банковском деле явлению – микрофинансированию (Microfinance). Прежде всего, преподаватель выясняет, насколько хорошо студенты знакомы с данной практикой (Do you know (and can you explain) what 'microfinance' is?). После предварительного обсуждения данного направления коммерческих инициатив в сфере банковской деятельности студентам предлагается прослушать фрагмент лекции по микрофинансированию (источник курс профессионального английского языка «English for Business Studies» Я. МакКензи [5]) с серией вопросов, нацеленных на проверку понимания содержания. Заключительный вопрос – What do you think of this kind of banking initiative? What other initiatives like this have you read about or heard of? – позволяет студентам высказать свое отношение к микрофинансированию и оценить его коммерческую и социальную значимость. В качестве итогового задания на данном этапе целесообразно включить ролевую игру «Microfinance». Ситуативный контекст данной ролевой игры следующий:

«Одному из крупнейших международных банков была предоставлена государственная поддержка после того, как он понес серьезные убытки в результате спекулятивных операций на финансовой бирже. Однако репутация банка была значительно испорчена, и он потерял много клиентов. Один из директоров банка считает, что наиболее эффективный способ восстановить хорошую репутацию банка – это выйти на рынок банковских услуг по мик-

рофинансированию в развивающихся странах. Для того чтобы обсудить эту идею генеральный директор созывает совет директоров банка».

Студенты получают от преподавателя ролевые карточки, в которых содержится информация об их должности и позиции относительно данного предложения, а также представлены факты, которые могут быть использованы участниками ролевой игры в качестве доказательств, аргументирующих их точку зрения. В ходе ролевой игры студенты должны провести заседание совета директоров банка и принять решение о целесообразности запуска продуктов микрофинансирования на рынке кредитования в развивающихся странах. При выполнении подобных заданий происходит освоение изученной профессиональной лексики и ее ввод в активный вокабуляр студентов. Именно на данном этапе формируется творческая личность и профессиональная самостоятельность обучающихся.

Таким образом, благодаря применению интегративного подхода в обучении иностранному языку для специальных целей при работе с иноязычной профессионально-ориентированной информацией студент продвигается от воспроизведения простых коммуникативных шаблонов к созданию объемной аналитической справки по какой-либо отраслевой проблеме или овладением умениями, необходимыми для осуществления аутентичной коммуникации в сложном профессиональном ситуативном контексте.

Список литературы

1. Асламова Т. В. Интерактивные формы, способы и приемы обучения общению в неязыковом вузе // Кадры 21 века: проблемы и пути их решения: Тезисы докладов международной научно-практической конференции. М., 2008. С. 32-34.
2. Асламова Т. В. Интерактивные технологии обучения межкультурному общению в неязыковом вузе // Инновационная педагогика и интерактивное обучение: материалы Международ. научно-практической конф. СПб, 2009. С. 16-17.
3. Переходько И. В. Интерактивные формы обучения иностранному языку в системе профессионального образования // Материалы всероссийской научно-практической конференции/ Оренбургский гос. ун-т. Оренбург: ОГУ, 2010. С. 1465-1471.
4. Полат Е. С. Метод проектов на уроках иностранного языка // Иностранный языки в школе, М. 2000. № 3, с. 3-9.
5. MacKenzie I. English for Business Studies. Cambridge University Press, 2010. – 191 p.

СТЕПАН МАЛЫЙ КАК ДВОЙНИК И АНТИПОД П.П. НЕГОША (НА ПРИМЕРЕ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ «САМОЗВАНЕЦ СТЕПАН МАЛЫЙ»)

Циманович Л.С.

соискатель степени кандидата наук кафедры славянских литератур,
Белорусский государственный университет, Беларусь, г. Минск

Данная статья посвящена характеристике Степана Малого – одного из персонажей драматической поэмы классика сербской литературы Петра II Петровича Негоша «Самозванец Степан Малый». Образ самозванца интересен тем, что, несмотря на явное негативное авторское отношение к нему, перед читателями он предстает фигурой скорее пози-

тивной, внесшей вклад в развитие черногорского государства. В этом и заключается парадокс Степана Малого, в котором П.П. Негош видел единомышленника в вопросах реформаторской деятельности, и в то же время, антагониста, пытавшегося ограничить власть его предков, митрополитов из династии Петровичей-Негошей, являвшихся легитимными правителями Черногории. В статье представлен подробный анализ средств и художественных деталей, с помощью которых автор выразил полноту и противоречивость натуры самозванца, а также приведен ряд исторических фактов, способствующих раскрытию заявленной проблематики.

Ключевые слова: Петр II Петрович Негош, «Самозванец Степан Малый», сербская литература, Черногория, самозванство.

Написание «энциклопедии» жизни черногорского народа, начатое в «Горном венце» Негош продолжил в «историческом событии XVIII века» «Самозванец Степан Малый». Оба произведения, с одной стороны, многое объединяет: отражение героической борьбы народа за свободу, историческая основа произведения, его непостановочный характер, широкий охват черногорской жизни, выбор жанра, сходные литературные приемы (вкрапление песен «кола», исторические личности в качестве персонажей). Но, с другой стороны, данное произведение отличается от первой драматической поэмы Негоша по тональности и критическому отношению автора к описываемым событиям: «Здесь речь идет не только об истории (частично на ней основан и «Венец»), а об истории, которая больше не идеализируется» [1, с. 53]. Таким образом, можно говорить о том, что «Самозванец Степан Малый» стал попыткой Негоша реалистичного представления черногорцев.

При создании этого произведения поэт «пользовался историческими первоисточниками. Каждое событие, о котором он повествует, как и суждение о личностях, в достаточной мере соответствует исторической истине. На основании произведения Негоша можно реконструировать значимые междunarодные исторические процессы, связанные с Черногорией и ее историей без опасений сокрытия объективной истины. С этой точки зрения, он (Негош – Л.Ц.) ближе к реальным источникам и аутентичным историческим событиям, чем к эпической народной поэзии, которая имеет склонность преувеличивать и изменять события» [2, с. 627].

Почему для коллективного «портрета» Негош выбирает именно эпизод истории, связанный с Самозванцем Степаном Малым, *которого поставили черногорцы царем, и который царствовал в Черногории семь лет на стыд турецкому султану и всей Европе и Азии?* [3, с. 9]. Во-первых, ввиду неоднозначности и абсурдности данного события – правление в Черногории самозванца представившегося русских царем с трудом поддавалось логике и требовало отдельного осмысления. Во-вторых, данное событие произошло относительно недавно (при жизни Петра I Петровича-Негоша); Петр II Петрович-Негош хорошо понимал обстоятельства и психологию своих соотечественников. И, в-третьих, в данном происшествии фигурировала Россия, образ которой в сознании современных Негошу черногорцев, как и самого поэта, занимал особое место.

Правление в Черногории Степана Раичевича, выдавшего себя за убиенного русского императора Петра III, имело место с 1767 по 1773 гг. Негош в

предисловии к своему произведению отметил, что Степан правил *в значимую эпоху в Черногории и окрестностях* [3, с. 11]. Чем же «значима» данная эпоха: абсурдностью происходящего или же важностью происшедших перемен? На данный вопрос Негош не смог дать однозначного ответа. Личность Степана он считал весьма противоречивой и, не скрывая своего отрицательного отношения к нему, признавал ряд заслуг самозванца.

В предисловии к поэме автор называет самозванца «лжецом и бродягой» [3, с. 9], однако позже признает, что личность Степана сложна: *Что еще об этой удивительной личности писали, именуя его где-то царем, а где-то императором, человек должен просто диву даваться, когда поймет, как был затуманен рассудок народа* [3, с. 11].

В произведении представлено две версии биографии Степана до момента его появления в Черногории. Согласно первой из них (данную версию самозванец рассказывает, еще прячась под маской царя), покушение на его и последовавшие за ним бегство из России связаны с тем, что его *хотели ... женить на католичке, / чтобы с ней поститься по пятницам и средам* [3, с. 24]. Хотя по существовавшему обычаю, супруга русского императора, не будучи православной, принимала веру мужа, а не наоборот, так что герою не пришлось бы *попирать чистую веру* [3, с. 24], чего он никак, по его словам, позволить себе не мог. А, зная о храбрости, моральных устоях черногорцев и любви их к русским, он решил искать приюта именно в Черногории. Путь до горного края для Степана весьма тернист: сначала он добирается до Стамбула, затем оттуда, согласно лучшим традициям восточных сказок, в мешке с хлопком – до Венеции, из Венеции – в Сплит, и только потом до Черногории.

Вторая версия представляет собой признание Степана под давлением князя Долгорукова: «скинув маску» самозванец признается: *Я на самом деле родом из Далмации, / Из племени Раичевичи* [3, с. 152].

Негош не вдается в подробности о том, кто надумил самозванца на такой шаг, но из монологов Степана можно сделать вывод, что сообщников у него не было: *Как мне взбрело в пустую голову / Назваться русским царем? / Доводилось ли когда-либо черту / На человека такой позор навлечь? / Чего я обвиняю и ругаю черта? / Я сам виноват перед Богом и людьми* [3, с. 45].

Некоторые историки склоняются к мнению, что Степан был ставленником черногорской элиты, не согласной с проводимой политикой владыки Саввы. Но у Негоша нет ссылок на возможность такого поворота событий, так как он рассматривает самозванца изолированно, считая его именно «ложным царем»: «В Древнем Риме и Византии возникали неожиданные претенденты на царскую власть: их кто-либо поддерживал и подводил к этому решению: какая-нибудь династия, дворянство, политические активисты, взбунтовавшаяся армия. Это были навязанные цари, а не ложные цари» [4, с. 250].

Как известно, в драматическом произведении автор не может непосредственно высказывать свое мнение о героях. Оценочные характеристики сочинителя можно отыскать в ремарках. Негошевских комментариев к репликам Степана в драматической поэме «Самозванец Степан Малый» боль-

ше, чем к репликам других персонажей. Некоторые ремарки представляют собой не просто авторские пояснения к тексту, касающиеся обстановки, поведения действующих лиц, их внешнего вида, а хроникальные записи, где речь идет о переменах в Черногории, связанных с правлением самозванца: *Степан выносит постановление построить в Черногории семь башен на вершинах Ловчена, чтобы увековечить семь великих боев черногорских с турками. Рассыпал десять дукатов на дороге, чтобы посмотреть, посмеет ли кто-нибудь их поднять и проверить, прочен ли его авторитет. Возвращается в окружении племенных старейшин под аккомпанемент свирелей и ружейных выстрелов* [3, с. 33].

Если рассматривать произведение «Самозванец Степан Малый» с точки зрения сценической постановки, то для режиссера ремарки такого типа представляли бы проблему, требующую обдуманного решения.

Что касается содержащихся ремарок, в которых автор дает рекомендации актерам насчет исполнения роли, то мы находим оценки Степана, характеризующие его как человека трусливого, самолюбивого, тщеславного, лживого, лишенного особого чувства гордости и достоинства: он позволяет себе сидеть в момент, когда появляется Патриарх Бркич; прячется при малейшей опасности; плачет от того, что устал от нападков Теодосия Мркоевича, обвиняющего его в самозванстве.

Плач – вообще одна из самых частотных характеристик Степана: в пяти ремарках говорится, что персонаж плачет, и еще четыре содержат комментарий: «вытирая слезы». Подобная слезливость самозванца, по авторскому замыслу, видимо, противопоставляет его черногорцам, которые не позволяют себе подобных слабостей. Аналогичную антитезу мы находим и в ремарке с описанием того, как Степан пытается вручить архидьякону Петру (т. е. Петру I Петровичу Негошу – дяде автора поэмы, впоследствии правителю страны и канонизированному святому) дамасское ружье с чеканным стволом, но тот не принимает подарка. Посредством этого отказа Негош, пожалуй, демонстрирует собственную позицию по отношению к самозванцу.

Важным элементом для характеристики Степана является образ попугая – птицы, не только экзотической для черногорцев в XVIII в., но даже воспринимаемой как существо дьявольское. Примечательно, что Негош не только выделяет слова попугая в отдельную реплику, но и упоминает птицу в перечне действующих лиц.

Получив попугая в качестве подарка, самозванец не столько поражен способностью птицы говорить, сколько доволен тем, что та называет его царем (а это свидетельство того, что даже в животном мире признается царственность его происхождения): *СТЕПАН / Попугай!... Попугай!... / ПОПУГАЙ (кланяясь) / Царь...царь...царь...царь...* [3, с. 126]

С другой стороны, рассматривая речи самого Степана, можно прийти к выводу, что человек он не плохой, несмотря на трусость и слабость, которые сам за собой признает. Он восхищается доблестью черногорцев: *Приветствую тебя, рыцарский народ, / Настоящая гордость рода славянского, / Зеркало борьбы неслыханной, / Причащённая веками искра, / Мученик и жертва свободы, / Изгнанник чести со стороны тиранов* [3, с. 23].

Степан способен к рефлексиям, и у него возникают мысли о сущности мироздания, что сопоставимо с интересом самого Негоша к тайнам бытия: *Упаси меня Бог, игумен, / чтобы я посмел против истинной веры / что-либо злое подумать, / не говоря уже о том, чтобы произнести. / И я кое-что вижу глазами, / это то, что каждому видно / – Божья светлость, что на земле светится, / и танец звезд в небе; / а также месяц неплохой свидетель...* [3, с. 116].

Он хорошо знает сербскую историю и место Косовской битвы в ней. Из уст Степана звучит одна из формулировок «косовской мысли» Негоша, что приобщает самозванца к кругу носителей данной идеи (куда входят многие негошевские персонажи, включая Вука Мандушича, Вука Мичуновича, братьев Мартиновичей, сестру Батрича, Карагеоргия и Петра Цетиньского): *Собака и кошка, турок и черногорец – / Не помирятся до Судного дня. / Это вражда началась на Косово; / Несправедливость турецкая была посеяна, / Черногорская смелость – распалена* [3, с. 46].

Ему хорошо известен также выбор в пользу «царства небесного», сделанный царем Лазарем на Косово, что он, опять-таки, умело использует в речи: *Я предпочел царство земное потерять, / чем лишиться небесного царства. / Когда у меня отняли корону, / Хотели и голову забрать* [3, с. 24].

В своих высказываниях Степан всегда подчеркивает непоколебимую преданность православной вере, ради которой он готов вытерпеть любые испытания и лишения. По его словам, именно вера помогла ему вынести все злоключения, выпавшие на его долю. В монологах Степана понятия «вера», «свобода», «героизм» часто вытекают одно из другого, что позволяет ему рассматривать себя приобщенным к «гнезду свободы и геройства»:

Я виноват и знаю, но все-таки я горд, / что я причина этой победы, / что я причина сегодняшнего пира, / что стал счастливым поводом тому, / что красивейший алмаз засиял / в венце гнезда соколов. / Этим я всегда буду гордиться; / по сравнению с этим все мои ошибки / маленькие и не видны [3, с. 101].

«Степан Малый, хотя бродяга и обманщик, но... все-таки описан как мудрый, начитанный и опытный человек» [5, с. 69-70]. Вообще, в подборе языковых средств Степан – тонкий психолог, знающий оттенки употребления отдельных слов. Когда говорит о высоких темах, его речи возвышены, а язык пестрит элементами высокого стиля: *а у мене твоја срећа сјајна; / све ћу оне испунит објете / које ти је мој велики предак / торжествено за труд обрекао; / неће нигда благородна жртва / без обилног плода останути.* [3, с. 24]

В то же время, когда беседует с черногорцами речь самозванца проста и доходчива, в ней доминируют черногорские диалектизмы, «местные (негушко-цетиньские) регионализмы и областные (катунские) провинциализмы» [6, с. 12], а лексические элементы высокого стиля отсутствуют вообще: *Пјевајте ми, браћо Црногорци. / Што ви пјесна колом не окреће? / Ко ће љепшу славу доживјете? / На свијету што бисмо тражили / до овога што ни бог дарова?* [3, с. 117].

Таким образом Степан подчеркивает свою связь с народом: он говорит с ним на одном языке, а значит, способен его понять в полной мере.

Свою роль в Черногории Степан формулирует следующим образом: *Может быть, я мессия / приведенный рукой невидимой, / чтобы зло это листом стереть, / чтобы несправедливости разрушить алтари, / чтобы возвысить и короновать несправедливость, чтобы собрать стадо разогнанное* [3, с. 38].

И хотя данные слова он произносит в диалоге с патриархом Йованом Бркичем, еще выдавая себя за императора, они звучат как пророческие: главная заслуга Степана заключалась именно в консолидации черногорцев, что не удавалось никому из его современников. Кроме того, он сумел заложить основы централизованной власти и стать лидером народа, не признающего над собой верховенства. В своей государственной деятельности Негош сам к этому стремился, и, следует отметить, такие его начинания среди населения не были встречены с энтузиазмом. Рассматривая правовые институты в произведениях Негоша, Л. Костич отметил: «Черногорцы, которых описывает Владыка, т. е. черногорцы XVIII века, не жили в условиях чистой монархии, да и не хотели признавать обладание монархическими правами со стороны своего владыки. Они не могли представить, что владыка из Цетине мог бы ограничивать их племенную и нахийскую автономию, что он бы мог сконцентрировать всю власть вокруг себя. Также не поддерживалась ими абсолютная монархия в лице владыки, хотя изначально они не были против монархии, считая, что у сербов может и должна быть монархия одного единственного вида и ранга, т. е. царство» [7, с. 154].

Можно сказать, что отчасти Негош видел в Степане своего двойника: реформаторская деятельность обоих носила аналогичный характер: как в свое время Степан, Негош вводит в Черногории суды, налоги, концентрирует в своих руках светскую власть, определяет границы Черногории, он также подчеркивает свою связь с Россией посредством принятия сана архимандрита в Санкт-Петербурге в присутствии российского императора, что означает, сам царь-батюшка благословил его на управление черногорцами. Кроме того, Божий промысел в назначении Негоша главой государства усматривается и в том, что его избрал на эту функцию признанный святым Петр Цетиньский. Хотя канонизация Петра I Петровича-Негоша противоречила законам церкви, потому что форсировалась: «большая авантюра была, скажем, в уже упомянутом провозглашении Петра Первого святым, минуя любой церковный канон, посредством простого печатного объявления Владыки Раде, распространенного по Черногории и Боке. Русский Синод не признал данную канонизацию, на Владыку наложил монашескую епитимью и предписал выждать еще несколько лет, чтобы «испытать» святого» [4, с. 256].

В политике не всегда на первом месте моральные принципы. И Негош это прекрасно осознавал, находя, таким образом, некоторое оправдание для Степана. Однако, несмотря на это, поэт осуждает самозванца: Степан, используя ложь, поставил под угрозу институт легитимной власти в Черногории, что, в свою очередь, стало причиной затяжного политического кризиса после его гибели.

В драматической поэме «Самозванец Степан Малый» на примере Степана Негош рассуждает о роли личности в истории, при этом, показывая,

насколько противоречивой может быть натура человека, повлиявшего на ход событий: так, Степан у Негоша представлен и как тиран, и как жертва: в нем злой умысел переплетается с положительными поступками. Таким образом, можно сказать, что «Самозванец Степан Малый» является рефлексией на тему борьбы на микроуровне – борьбы между светлой и темной стороной внутри человека. На примере своих героев Негош показал, что принятие той или иной стороны (добра или зла) это не однократный выбор человека, а непрерывающийся процесс на протяжении всей жизни. Выбор стороны, которая одержит верх – индивидуальное решение и свобода каждого. При этом нужно помнить, что данный выбор определяет путь не только самого индивида, но и окружающих ему людей. Особая ответственность при этом ложиться на правителя, так как его выбор влияет на индивидуальный выбор каждого носителя национальной идеи. Навязывая свой выбор народу, лидер рискует стать тираном, именно поэтому власть рассматривается Негошем как тяжелое испытание, и не все его герои, несмотря на светлые стороны своей натуры, справляются с ним.

Список литературы

1. Бабић С. Његош или Истрага и истражени: 76 записа о Његошу и нама Београд: Змајац, Тардис, 2013. 94 с.
2. Томовић. С. Лажни цар Шћепан Мали // Енциклопедија Његош. Подгорица, 1999. С. 623-686.
3. Његош П.П. Лажни цар Шћепан Мали // Собр. соч.: в 7 т. Београд: Просвета, Цетиње: Обод, 1974. Т.4. С. 9-201.
4. Секулић И. Његошу књига дубоке оданости. Подгорица, 1996. 332 с.
5. Штурановић Р.М. О Његошу (прилози тумачењу Горског вијенца и Лажног цара Шћепана Малог). Београд, 2004. 85 с.
6. Ђуровић Ж. Црногорски језик у «Горском вијенцу». Цетиње: Издавачки центар «Цетиње», 2001. 170 с.
7. Костић Л. М. Правни институти у Његошевим песмама // Сабрана дела проф. Др Лазе М. Костића. Београд: ЗИПС – Српска радикална странка, 2000. Т.4. С. 145-238.

МЕТАФОРА В ТВОРЧЕСТВЕ А.П. ЧЕХОВА И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Ши Шаньшань

аспирант первого курса филологического факультета,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Пермь

Статья посвящена разным метафорам в творчестве Чехова и проблемам перевода его творчества в Китае.

Ключевые слова: Чехов, русская литература, перевод, китайская литература, метафора воды, Жу Лун.

Произведения А.П. Чехова хорошо известны как в России, так и за рубежом. Его творчество пользуется огромной популярностью и в Китайской

Народной республике, где Чехов стал одним из популярнейших русских писателей и обрёл там много благодарных читателей, а также вдохновил на творческие искания немало литераторов. Чеховские проза и драматургия в настоящее время играют очень важную роль в процессе формирования представлений о России, активно воздействуют на формирование современной литературы Китая, на создаваемые китайскими писателями художественные образы и даже на духовную жизнь китайцев. Чехов и его творчество в настоящее время стали неотъемлемой частью литературной жизни китайского народа.

Передовая китайская интеллигенция в борьбе за новую революционную литературу часто обращалась к опыту тех народов, которые в своем социальном развитии ушли вперед. Особое внимание Китайское общество обратило на Россию, потому что в то время русский народ с беспредельным героизмом вел борьбу за своё освобождение от социального угнетения и победоносным завершением революции открыл новую эру в истории всего человечества. Всё это позволило русской литературе занять особое место в идейной жизни китайских интеллигентов, многие из которых были революционерами или придерживались взглядов, близких к революционным.

В повестях и рассказах Чехова китайская интеллигенция видела вариант решения вопроса о способах уничтожения насилия над человеческой личностью, о пределах права и бесправия человека, о смирении и борьбе за справедливость, – то есть о выработке тех качеств, которые могли быть направлены на спасение Китая.

Великий русский писатель А.П. Чехов всегда писал ясным и простым языком, который был понятен любому слою читателей. Простота чеховского языка являлась результатом напряженной работы автора над стилем его произведений.

А.П. Чехов – великий мастер, который умел великолепно работать с языком. Особенно хорошо он владел искусством метафоры.

Метафоры в творчестве А.П. Чехова только частично направлены на раскрытие фактов (а иногда и вовсе не соответствуют им). Их главное назначение заключается в том, чтобы раскрыть работу человеческого сознания, освещать, подобно прожектору, те или иные предметы; они показывают, что человек с его мыслью и фантазией всегда активно и динамично воспринимает окружающий мир. В метафорах Чехова мы часто находим то преувеличение, то преуменьшение, – сходство явлений, схваченное метафорой, то усиливается, достигая максимального правдоподобия, то ослабевает.

В рассказе «Шампанское» описывается морозная ночь и луна: «Луна и около нее два белых пушистых облачка неподвижно, как приклеенные, висели в вышине над самым полустанком и как будто чего-то ждали». Далее тип метафор в рассказе изменяется: «Два облачка уже отошли от луны и стояли поодаль с таким видом, как будто шептались о чем-то таком, чего не должна знать луна. Легкий ветерок пробежал по степи, неся глухой шум ушедшего поезда». В метафорах Чехова, как очевидно из приведенных цитат, присутствует скрытый комизм, и тогда читатель понимает, что метафоры по своей

природе являются игрой воображения, результатом пересечения мысли и чувства. Через игру, через свободные движения сознания, читатель добирается до истины вещей.

Метафоры Чехова вариативны, это нередко вариации одной и той же темы, проявляющейся через эти вариации. Творческая деятельность Чехова похожа на работу художника, который ищет единственную правильную линию профиля: он набрасывает на листе бумаги профиль за профилем, «единой волной», и в результате какой-то один из нарисованных им профилей оказывается верным, в то время остальные (хотя они были необходимы для художника!) оказываются всего лишь «приближением».

«Одно облачко похоже на монаха, другое на рыбу, третье на турка в чалме», – так описан закат в рассказе Чехова «Красавицы». Сравнения словно «догоняют» друг друга, и первоначально читателю не понятно, какое из них самое точное. Писатель «задаёт» направление движения к истине, но самой истины ещё нет.

Когда мы читаем рассказ «Почта» [Чехов 1978], в котором описывается «растянувшееся облако», похожее на «пушку с лафетом», то не уверены, что автор обязывает нас принять этот образ: писатель как бы «примеривается», играет с предметами и с отнесенными к ним сравнениями. В рассказе «Тиф» (1887) изображается, как на пути домой, в поезде, у поручика Климова началась болезнь: «Вообще офицер чувствовал себя ненормальным, руки и ноги у него как-то не укладывались на диване, хотя весь диван был к его услугам, во рту было сухо и липко, в голове стоял тяжелый туман; мысли его, казалось, бродили не только в голове, но и вне черепа, меж диванов и людей, окутанных в ночную мглу» [Чехов 2013]. Вот как описан приезд заболевшего в Москву: «Климов надел шинель, машинально вслед за другими вышел из вагона, и ему казалось, что идет не он, а вместо него кто-то другой, посторонний, и он чувствовал, что вместе с ним вышли из вагона его жар, жажда и те грозящие образы, которые всю ночь не давали ему спать» [Чехов 2013]. Из вагона выходят как бы не один, а два Климовых, и это характерный для Чехова поворот образной мысли, – удвоенная «метафора-дублет», которая часто используется в его прозе Чехова.

В пьесе А.П. Чехова «Чайка» огромную роль играет *метафора воды*, которая помогает раскрыть нравственный поиск героини – Нины Заречной. Как указывается в энциклопедии «Мифы народов мира», вода – это одна из фундаментальных стихий мироздания; это «среда, агент и принцип всеобщего зачатия и порождения». Вода как «влага» вообще, как простейший род жидкости выступает эквивалентом всех жизненных «соков» человека. С мотивом воды как первоначала соотносится значение воды для акта омовения, возвращающего человека к исходной чистоте.

Образ Чайки в произведениях разных писателей всегда связан с водой. В пьесе Чехова вода представлена в виде озера. В сознании любого человека вода ассоциируется с жизнью, с чем-то чистым, – например, с омовением при крещении. Именно поэтому героиню-«чайку» так манит к себе вода. Но вода – стихия изменчивая, стихия, которая скрывает в себе многие тайны. Вода –

это жизнь, в тоже время это и смерть, черная бездна, в которую так и тянет заглянуть, испытать судьбу, очутившись наедине с непредсказуемой стихией. Озеро в пьесе – это больше чем пейзаж, театральная декорация. «Отчего люди не летают?» – говорит Катерина из «Грозы». Героиня «Чайки» также собралась взлететь на крыльях любви, но обломала крылья. Нина Заречная сравнивает себя с чайкой, убитой равнодушной рукой. Так в произведении русского писателя возникает образ вольной птицы, поднявшейся над бытом и погубленной физически и морально. Нина Заречная, появляясь в пьесе впервые, говорит Треплеву: «...Меня тянет сюда к озеру, как чайку, ...мое сердце полно воли...» [Чехов 1986]. Нину тянет к воде, которая способна смыть, очистить грязь не только с тела, но и с души, дать новых сил, возродить духовно.

В финале героиня снова приходит к озеру, сравнивая себя с чайкой: «Я – чайка». В сущности, по наблюдениям З.С. Полярного, «действия пьесы разворачиваются между двумя приходами Нины-«чайки» к озеру» [2, С. 15].

Однако именно чеховские метафоры всегда были особенно трудны для китайских переводчиков его произведений. Любая чеховская метафора – это результат глубокого индивидуального семантического преобразования слова и его таланта, направленного на переработку языка.

Следует отметить, что еще долгое время китайские переводчики (среди которых в начале XX века практически не было русистов) в процессе перевода произведений Чехова вынуждены были обращаться к языкам-посредникам: помимо японского это могли быть английский, французский или немецкий языки. В результате такой перевод неизбежно существенно искажал авторский замысел и содержал многочисленные ошибки и неточности. В китайских переводах значительная часть чеховских метафор либо вообще исчезала, либо существенно искажалась.

В середине XX века ситуация с переводами значительно изменилась. Многие китайские писатели и переводчики уже хорошо овладели русским языком и могли самостоятельно переводить русскую классическую и советскую литературу непосредственно с русского, минуя язык-посредник.

Дополнительной трудностью при переводе русской литературы на китайский язык всегда оказывались огромные различия быта и социально-этических представлений российского и китайского народов. Так, китайский переводчик и ученый У. Тао, переводивший в 1907 году рассказ Чехова «Черный монах», вынужден был внести некоторые коррективы в чеховский текст. Поскольку китайский читатель того времени не мог одобрять решительные и самостоятельные поступки женщин, к чеховской фразе «...пришло длинное письмо от Тани Песоцкой, которая просила его приехать в Борисовку и погостить», в переводе на китайский язык было добавлено уточнение цели приезда: «чтобы пожить вместе с её отцом» [1].

Обратимся к работам известного китайского переводчика Жу Луна (1916-1991), имя которого сразу приходит на ум китайским любителям литературы при упоминании А.П. Чехова. До сегодняшнего дня Жу Лун является одним из наиболее известных и почитаемых в Китае переводчиков и иссле-

дователей творчества А.П. Чехова. В течение более полувека он переводил русскую классику, а его литературоведческие исследования оказали огромное воздействие на китайских литературоведов. Мы можем уверенно заявить, что именно его интерпретация чеховского творчества сформировала несколько поколений китайских читателей. Жу Лун видел в Чехове горячего защитника человеческого достоинства и носителя высокой морали, с точки зрения которого достоинство и любовь, проявляющиеся в самоуважении, в наличии у человека достоинства, всегда выше и ценнее всех других качеств человека. В статье «Патриотизм Чехова» Жу Лун пишет, что чеховская критика общества и человека объясняется горячей любовью писателя к родине и к народу, его непреклонной надеждой на новую жизнь, в которой нет эксплуатации и гнета человека человеком [11, С. 166].

Чехов привлекал переводчика прежде всего как выдающийся реалист-критик, критическое острие которого, по мнению Жу Луна, было направлено против «рушащегося строя старой России», «нравственного вырождения и болезненного состояния жизни среднего и высшего слоев».

Первоначально, как и большинство других китайских переводчиков его времени, он использовал английские переводы чеховских произведений. В дальнейшем он стал переводить непосредственно с русского языка, однако некоторые неточности или ошибки, связанные с переводом метафор, оставались. Некоторые из этих ошибок он при переиздании текстов исправил, однако и сегодня мы можем найти в них недостатки.

Приведём некоторые примеры.

В рассказе «Ванька» у Чехова мы читаем: «...А еды нету никакой, утром дают хлеба, в обед кашу и к вечеру тоже хлеба, а чтоб чаю или щей, то хозяева сами трескают» [Чехов 1984]. Жу Лунь, опуская практически все метафоры, переводит: «нет никаких продуктов, которые можно съесть».

Рассказ «Дом с мезонином» (глава 3): «...Скажу вам только одно: нельзя сидеть сложа руки». Жу Лин тогда не понимал, что выражение «сидеть сложа руки» – это русская поговорка, поэтому он перевел это выражение буквально, как «держат на руках» [Чехов А.П. 1985] (здесь надо было переводить «без дела»).

Рассказ «Человек в футляре» (глава 3): «...В последние десять лет всё сидела за печью и только по ночам выходила на улицу» [Чехов А. П. 1986]. Жу Лун перевел так: «...Она десять лет просто дома сидела за печкой». Естественно, Чехов не имел в виду только буквальное значение выражения «сидеть за печью», поэтому правильный перевод на китайский язык был бы «занималась домашним хозяйством».

В рассказе «Ионыч» есть предложение: «Потом пили чай с вареньем, с медом, с конфетами и с очень вкусными печеньями, которые таяли во рту» (глава 1) [Чехов А. П. 1986]. Здесь надо отметить, в китайском языке определения обычно находятся перед дополнением, и поэтому – в соответствии с правилами китайского языка Жу Лун написал: «...Потом пили с вареньем, с медом, с конфетами и с очень вкусными печеньями чай».

В том же рассказе (глава 2) есть фраза, в которой воспроизводятся впечатления Ионыча после посещения кладбища: «...Которые были красивы, очаровательны, которые любили, сгорали по ночам страстью, отдаваясь ласке» [Чехов 1986]. Слова «сгорали», «были красивы» в данном случае относятся к слову «девушки». Жун Лун отнёс выражение «были красивы» к «девушкам», а выражение «сгорали по ночам» к «цветам на кладбище».

Ошибки великого китайского переводчика показывают нам, насколько трудным оказывается процесс перевода произведений русского классика (и, в частности, его метафор) на китайский язык.

В настоящее время китайские литературоведы и переводчики пришли к выводу, что в настоящее время предстоит решать задачу, которая в предшествующие периоды оставалась на втором плане, а именно: показать китайским читателям А.П. Чехова как художника, донести до них богатство его языка, разнообразие изобразительных и выразительных средств, прежде всего, метафор. На нынешнем этапе перед переводами ставится цель раскрыть эстетическое значение наследия русского писателя, сделать доступными многоплановость и сложность содержания его произведений, присущий им подтекст, тонкий психологизм и юмор. Ван Пу в разделе «Чехов и Китай» своей монографии «Русская литература в Китае» (1991) показал необходимость и эффективность сравнительного анализа художественной манеры Чехова и творчества китайских писателей Лу Синя, Е Шэнтао, Шэнь Цунвэня, Цао Юя [3].

Творчество Чехова оказало огромное воздействие на многих китайских писателей: Лу Синя, Е Шэнтао, Ба Цзиня, Ся Яня и других. «Демократизм Чехова, – писал Чжан Тяньи, – его обличительная критика жестокой и отвратительной эксплуататорской системы, его мечты о прекрасном и свободном мире, его величие и вместе с тем, близкая нам простота – все это приводит нас к глубокому пониманию того факта, что Чехов – это великий мастер реализма, подлинно народный писатель. Это отношение к Чехову разделяют народы всех стран мира» [12, с. 32].

Список литературы

1. А. Ин. История прозы периода Поздней Цин. Пекин, 1955. [阿英, 《晚清散文翻译史》北京, 1955].
2. Буканова Е.Д. Тема "чайки" в одноименной комедии А. П. Чехова. Арзамас, 2002. 15с. URL: <http://ref.a.ua/?id=255583&t=15007>
3. Зильберштейн И.С., Макашин С.А. Литературное наследство. Т. 100: В 3 кн. М., 2005.
4. О рассказах, повестях и пьесах Чехова. URL: www.kritika24.ru/page.php?id=244 (Дата обращения 17.04.2011).
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974-1982.
6. Чехов А.П. Тиф. "Лань". Санкт-Петербург. 2013.
7. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. Том 5. М.: Наука, 1984.
8. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. Том 9. М.: Наука, 1985.

9. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. Том 10. М.: Наука, 1986
10. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. Том 13. М.: Наука, 1986.
11. Чжан Цзяньхуа. Антон Чехов в Китае. Газета «День литературы». – М., 2010. 166 с.
12. Чжан Тяньи. Художник слова, народный писатель // Правда. 1954. 32с.

СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

**SOME ETHICAL ISSUES OF FORMATION
OF THE GLOBAL INFORMATION SOCIETY*****Lachezarov K.L.***

Student Bachelor of Software Systems and Technologies,
Varna University of Management, Bulgaria, Varna

Vasileva S.Zh.

Lecturer, School of Computer Sciences PhD, assoc. prof.,
Varna University of Management, Bulgaria, Varna

The formation of the Global Information Society is a long and tumultuous process, which has presented humanity with some of its biggest “hurdles” and has shown everyone the good and bad sides of the human race in all their glory. No doubt, humans will end up adapting to the changes presented by this process, and it will either make or break us as a species.

Key words: Code of Ethics, Global Information Society, World Wide Web, Great Firewall, Surveillance, Freedom of Information, Hacking, Security.

The paper is focused on the Ethical Issues of Formation of the Global Information Society. Since the birth of the World Wide Web, humanity has been steadily moving towards a global society without territorial boundaries, but the explicit freedoms offered by the Internet present many key issues which prevents it from living up to its full potential. There are still many governance problems and ethical implications for the freedom of information on the web, and this research paper will present them and offer recommendations on improving the state of the Global Information Society.

Since the beginning of the World Wide Web, which sparked the inception of the Global Information Society, a lot of discussion has been had about the ethical issues and implications of the subject. A Code of Ethics draft was published by UNESCO which highlights the following key points [11]:

- Scope of the Code of Ethics;
- Reaffirming the ethical dimensions of the information society;
- Fostering respect for human rights and fundamental freedoms;
- Extending the public domain;
- Access to information, training, diversity of content and the means of communication;
- Non-discrimination;
- Observatory of Ethics in the Information Society;
- Ethical commitments;
- Accession, entry into force and registration;
- Additional Ethical Commitments;
- Withdrawal.

The concept of a global information system connecting homes is prefigured in "A Logic Named Joe", a 1946 short story by Murray Leinster [8], in which computer terminals, called "logics", are present in every home. Although the computer system in the story is centralized, the story anticipates a ubiquitous information environment similar to the Web.

However, it took decades for the idea to come to fruition and in 1980, Tim Berners-Lee, an English independent contractor at the European Organization for Nuclear Research (CERN) in Switzerland, built ENQUIRE, as a personal database of people and software models, but also as a way to play with hypertext; each new page of information in ENQUIRE had to be linked to an existing page. That was the first step in building the Global Information Society [1].

Berners-Lee wrote a proposal in March 1989 for "a large hypertext database with typed links". Although the proposal attracted little interest, Berners-Lee was encouraged by his boss, Mike Sendall, to begin implementing his system on a newly acquired NeXT workstation [6]. He considered several names, including Information Mesh, The Information Mine or Mine of Information, but settled on World Wide Web.

While inventing and working on setting up the Web, Berners-Lee spent most of his working hours in Building 31 at CERN, but also at his two homes, one in France, one in Switzerland. In January 1991 the first Web servers outside CERN itself were switched on [9]. With the birth of the World Wide Web, and all the freedoms offered by it, an ethical code of conduct for using it was necessitated.

In the current state of the Global Information Society there are several key interrelated issues that need addressing – *Freedom of Information, Surveillance and Hacking*.

Freedom of Information

The World Wide Web is still littered with territorial laws and regulations related to freedom of information and access to the internet.

Dictatorial government regimes such as China and North Korea have severe restrictions on internet and information access which hampers the development of the Global Information Society. They view freedom of information as a dangerous tool that could strip them of their power over the countries' populaces.

Dubbed as The Great Firewall, the Chinese internet filter disables access to many sources of information, including the popular Google search engine and the most ubiquitous social network – Facebook [2].

There are many other countries that have used internet censorship to different degrees, to keep the dictatorial status quo from crumbling, including (according to [7]) Syria, Turkey and Iran.

Surveillance

Pretty much any country that offers open internet access employs some form of surveillance on the network varying by territory and jurisdiction. The purpose of surveillance is to ensure a country's security against dissidents and to enforce laws and regulations in its territories.

While China and North Korea are probably the worst offenders, the most high profile case of internet surveillance is the United States whose unethical activ-

ities were publicised by Edward Snowden in 2013 in an incredibly detailed exposé revealing the impressive amount of data and information being collected by America's National Security Agency [4].

These revelations sparked a great controversy and eroded trust in the American government, because they did not collect the information transparently and refused to elaborate and give good explanations because of "national security".

Hacking

Black Hat Hackers are an increasingly dangerous threat to the open Internet and the Global Information Society. An immeasurable amount of personal and internal corporate data have been leaked by hackers in the last 5 years. While some hackers pretend to be doing it for noble causes, their actions only contribute to the erosion of freedom of information on the web, because government agencies seek to further surveillance and censorship so they can prevent damaging information to be leaked by such hackers.

1 Billion user accounts and passwords were extracted from Yahoo.com's servers in 2013 and published in 2016 for everyone to see. This has been dubbed according to [10] the largest data breach in history.

Over 1 Million user accounts were also extracted from Google's servers via exploiting security issues on their Android mobile operating system in late 2016 [3].

There are many other cases of data breaches around the world [5] and their number has been steadily increasing in the last decade.

Recommendations and Proposals

Below are some of the major points to consider and implement by government bodies around the world to make the Global Information Society a viable, self-improving and self-sustaining entity.

- **Self-Governance.** Since the internet transcend territorial borders, it would make sense for it to not be confined by territorial laws and jurisdictions. A Global Law of the Internet needs to be implemented and adhered to by every country in the world, if society is to fully reap the benefits of Information and Communication Freedom. Nobody should be exempt from contributing to it, otherwise it would not be Global. If everyone is involved in governing the web, people will surely become more responsible when using it.

- **Increased Internet Security.** The web is already moving in this direction with the implementation of encryption and the HTTPS protocol, but end-to-end encryption needs to be made mandatory for all communications, which will disincentivize hacking and overarching surveillance.

- **Increased Transparency in Governance.** E-Government needs to be implemented around the world with a focus on transparency. People should have access to decision making related to laws and regulations, especially ones concerning freedom of information and human rights.

- **Free Access to Information.** While this is a controversial proposal, because many people and institutions make a lot of money by providing information, in the future it needs to be freely available to all. New methods of generating reve-

nues need to be concocted so that information can be accessible to all, regardless of their social status.

- **Free Access to Communication Technologies.** An undoubtedly lofty goal, but there would be no Global Information Society if there are people who don't have access to communication technologies. Successfully implementing this proposal would be a cornerstone in the development of the global civilization.

- **Open Access to Educational Materials.** Some high profile universities, such as MIT, have already started providing online video courses and lectures free of charge. When the burden of having to pay for expensive education is lifted from people's shoulders, they would be able to spend more of their time and energy in contributing to other areas of society which need attention. Furthermore, an educated global society would make better, well informed decisions and increase the overall livelihood and prosperity of the population.

Conclusion

It is, no doubt, a tumultuous time for the Global Information Society and there are multiple key players working toward furthering different goals and agendas, so it's early to be able to predict how it will be shaped. One thing is certain, though – the majority are going in the right direction of free access to information and an open internet, which gives an optimistic outlook on the development of this society, unrestricted by territories and boundaries. It is doubtful that some of the recommendations in this paper will be implemented, because of corporate greed, but if they are, they will usher in a new era of a truly Global Civilization.

References

1. Berners-Lee, T. Start of the web: Influences. FAQ – Influences. World Wide Web Consortium. 14 January 2017. URL: <https://www.w3.org/People/Berners-Lee/FAQ.html#Influences>.
2. Carson, Biz. 9 Incredibly Popular Websites That Are Still Blocked in China. Business Insider. 23 July 2015. URL: <http://www.businessinsider.com/websites-blocked-in-china-2015-7/>.
3. Check Point. More Than 1 Million Google Accounts Breached by Gooligan. Check Point Research Team. 30 November 2016. URL: <http://blog.checkpoint.com/2016/11/30/1-million-google-accounts-breached-gooligan/>.
4. Greenwald, G. NSA collecting phone records of millions of Verizon customers daily. The Guardian. 6 June 2013. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/jun/06/nsa-phone-records-verizon-court-order>.
5. Information is Beautiful. World's Biggest Data Breaches. Information is Beautiful. 14 January 2017. URL: <http://www.informationisbeautiful.net/visualizations/worlds-biggest-data-breaches-hacks/>.
6. Information Management: A Proposal. World Wide Web Consortium, March 1989. URL: <https://www.w3.org/History/1989/proposal.html>.
7. Internet Policy Review. Internet Censorship in Turkey. Internet Policy Review. 3 June 2015. URL: <https://policyreview.info/articles/analysis/internet-censorship-turkey>.
8. Leinster, M. A Logic Named Joe. Astounding Science Fiction, Street and Smith, United States, 1946.
9. Raggett, D., Lam, J., Alexander, I. HTML 3: Electronic Publishing on the World Wide Web. Addison-Wesley, 1996, p. 21.
10. Thielman, S. Yahoo hack: 1bn accounts compromised by biggest data breach in history. The Guardian. 15 December 2016. URL:

<https://www.theguardian.com/technology/2016/dec/14/yahoo-hack-security-of-one-billion-accounts-breached>.

11. UNESCO. Code of Ethics for the Information Society. UNESCO. URL: http://portal.unesco.org/ci/en/files/26043/12041240323Draft_of_Code_of_Ethics_for_the_Information_Society.doc/Draft%2Bof%2BCode%2Bof%2BEthics%2Bfor%2Bthe%2BInformation%2BSociety.doc.

11. Berners-Lee, T. Start of the web: Influences. FAQ – Influences. World Wide Web Consortium. 14 January 2017. URL: <https://www.w3.org/People/Berners-Lee/FAQ.html#Influences>.

SOME NEW OPPORTUNITIES OF THE PERSONALITY AND THE MODERN INFORMATION TECHNOLOGY

Yordanova B.Ts.

Student Bachelor of Software Systems and Technologies,
Varna University of Management, Bulgaria, Varna

Vasileva S.Zh.

Lecturer, School of Computer Sciences PhD, assoc. prof.,
Varna University of Management, Bulgaria, Varna

In this report we consider the scepticism of humanity towards high technologies. The studies show that scientific and technological developments can be stressful and frightening for some people. Others have selective trust in the medical technology, in the aircrafts etc., but do not trust computers, smartphones at home and school. Why? Because when it comes to Magnetic resonance imaging (MRI), we know the doctor has the necessary competence. This also applies to the pilot and the driver. But when the question comes down to us, we realize our incompetence to handle ICT and we start to be afraid of them and deny them. We hope with this report to show the benefits of ICT and how they can be of our help and support.

Key words: Modern, information technology, new opportunities, digital native, high technology, democratic schools, health technology, generation Z, ICT, education.

The topic about the modern information technology and the new opportunities of the personality is important and significant and it is very necessary to examine it, because according to part of our society the modern technologies affect us detrimental. In many Bulgarian schools and universities, considerable parts of the teachers have scarce Information Technology skills. They deny the smart phones, and see them as a one of the conceit of the youth. More specialists from the TV screen explain how modern technology causes more harm than good.

Recently we are observing a new trend – people are leaving their settled homes to live somewhere in the nature, they are building cob houses, denying to use any technologies that human beings have created through the centuries, they just want to escape from the reality. As Charles Darwin put it “It is not the most intellectual of the species that survives; it is not the strongest that survives; but the species that survives is the one that is able best to adapt and adjust to the changing environment in which it finds itself”.

Nowadays under the influence from the modern technologies the world is developing rapidly and many people are not able to adapt. And since they don't understand them, they just deny them.

Even in antiquity Socrates denied literacy because he believed it will weaken the memory. There was also an Italian humanist who was against the printing of books because it led to ignorance and decay of moral values. Even Jean Jacques Rousseau was against science, literature and arts. He openly criticized the Enlightenment and stated that "reading books is a scourge".

Literacy and the books had many opponents who had the firm belief that easier accessible knowledge makes people more stupid.

The American intellectual and cultural critic Nicholas Carr launched the fear of modern technology in 2008 with his essay: "Is Google Making Us Stupid?" But the truth is, people are always afraid. In the 80s, watching TV took frightening dimensions, in the 90s a huge problem was video games and after that mobile phones and SMS [10].

The purpose of the paper is to draw attention to the best of the modern technology and if possible to give a new look for their use and to explain why we should change our thinking in a forward direction.

High Tech (also known as high technology, hi-tech) is the name of the latest and advanced technologies in modern times. At the beginning of the 21st century that was the advanced computer electronics. Nowadays we define as high-tech the newest and quickly progressing fields of technology. They are an expression of the scientific and technical revolution. These fields are: biotechnology, space technology, computer and communication technology and pharmaceuticals. These are the sectors that have very rapid growth and high profitability. [9]

We could say that the history of technologies began at the moment when the Human created the first items which ease his existence. It is considered that three scientific and technological revolutions have pushed the world forward.

The first one: from 1750-1830, when the steam engine and the railroads were created.

The second one: 1870-1900 – electricity and the creation of the internal combustion engine.

The third one began in 1980 and it's still ongoing.

After 2000 each innovation in the technology fields is considered as high tech.

In the 20th century the investment of more resources for research leads to the rapid development of modern science and technology. Examples of these are: electricity, car production, telegraph, telephone and TV. In the beginning of 20th century the cinema underwent rapid development.

In 1957 the first satellite was launched.

In the '60s the first computers and the first industrial robot appeared.

In 1978 the first "in vitro" baby was born – Louise Brown. The method was developed by British scientist Robert Edwards.

20th century can be characterized as the century of technological advances that changed the face of humanity.

Today in the 21st century in underway are the development of genetic engineering, biotechnology, nanotechnology, unmanned aerial vehicles, Unmanned Aerial Vehicles, electric cars, artificial intelligence, quantum computing and almost all fields of science.

Due to the rapid development and distribution of modern information technologies people with new communicational skills were developed and born. Australian sociologist Mac Crandall [5] considers the transformation of generations in the communication process. According to him the Generation Z (1995 – 2009 years) is the most educated generation compared to previous ones. From early childhood he handled easily with new information technologies. The Z Generation is more sensitive and needs visualization. Mac Crandall calls their representatives “digital natives” [5].

According to research by consulting firm Millennial Branding and Randstad this generation is entrepreneurial set, more pragmatic, sincere and money does not stimulate them. People from Z generation want to be involved in something more exciting and they have a need to train and develop. They are self-confident, responsible, innovative and free and the world must prepare for them and their seeking, adventurous spirit.

In fact the world begins to prepare. In 1993 the Senate and the House of Representatives of the United States Congress adopted a program of computer training for students. [4] In the program is envisaged creation of base necessary for the development skills that are crucial in the education of students:

- Acquisition of basic computer skills;
- Improvement of written and visual communication;
- Establishment of critical thinking;
- Establishment of skills for teamwork;
- Creating the foundations for lifelong learning.

In order to undertake the program provides funding of State educational agency.

In 2001 the Stockholm European Council supports Council resolution [1] for e-learning, which encourages Member States of the EU to take initiatives for the integration of Information and communications technology (ICT) in education and school. Some of the recommendations are: to take advantage of the potential of Internet, multimedia and virtual lifelong learning fields; accelerating integration of ICT and revision of school and curriculums of higher education; to take advantage of the opportunities offered by ICT for facilitating access to cultural resources, such as libraries, museums and archives; supporting the development and adaptation of innovative teaching that involves the use of technology.

What is the reality in Bulgaria? According to the results the Programme for International Student Assessment study Bulgarians are in the last places in the fields of reading, mathematics and natural sciences, while Finland currently is boasting with the best education system. Why? Their education system is directed in the practical application of knowledge. Children from second grade through the use of information technology and personal observations in nature can analyse information and make a presentation. The teacher explains to the children how to

choose their topic by their own and then to present it and all of them were working in teams. Also, they can create animations, edit videos and make E-books.

In Finnish schools you can listen to music with headphones while solving math exercises, if that helps you to concentrate. The teacher asks questions via texting messages and the students answer in the same way. The reason why they do this is to motivate the students and to diversify the traditional model of learning.

In Finland education is project-oriented and the most important tools are information technology, meanwhile in Bulgaria the mobile devices are still a source of problems for students at school [11].

Dan Greenberg teacher of philosophy, political science and computer programming, founder of the school Sudbury Valley in the United States said: "Technological development gives everyone the opportunity to learn what, when and how they want. Students should be able to have both the technology and the responsibility for their own education and goals". The school was established in 1968 for children between 4 and 19 years of age and it is a so-called democratic school. There is no pre-approved curriculum. Students assess by themselves how to spend their time in school. Some play games, other do sports and each of them develops their interests in a way that they choose. If they wish, they can use the library, computers and tablets for self-learning. There are no classes by age. There are interest groups in which the older help the younger. Also, in the first year they play only video games and analyse them as how an economist would analyze the stock.

In this school students have high results in SAT, when they are applying to college or university. Alumni of "Sudbury Valley" today are professors.

In a democratic school there are two main pillars:

- Free only initiated by the child learning;
- Democratic government, in which all children participate.

The first school of this type was established in 1921 in Summerhill, England. In the world there are about 30 democratic schools.

In support of democratic schools we would give for example several names of great personalities that changed the world, but were uneducated. We chose the most famous ones: *Michael Faraday* – born in a poor family that was unable to send him to school, but that did not prevent him to discover the Electromagnetic induction. He had devised an electric motor; *Gregor Mendel* – uneducated monk who discovered genetics. Today in the foundation of knowledge of DNA are Mendel's studies; *Thomas Edison* – a genius who went to school for only 2-3 months, before he was asked to leave because according to the headmaster he was retarded.

Reading about their lives we realized that they had "free" thinking, on the other hand in our education system we have frames of thinking through the criteria that we aim to cover. We should not forget that Einstein and Mendeleev were weak students; Gogol received F's on all of his writings in Literature. For the education system they were unsuccessful students, but for the world they are great personalities.

We assume that a completely changed education system will bring out the apathy of Bulgarian students. If they use ICTs in their full potential, that will lead

to meaningful change in their lives. For now, according to the business, we not only do not get the required knowledge, but also we have no preparation for life.

If in Bulgaria the teachers had more freedom in teaching and choice of methods on how to provide information to their students, we would suggest <https://www.consumerclassroom.eu/bg>. It is a website for cooperation of professors from all over Europe, where they can exchange ideas to share lessons. Consumer Classroom provides a rich library of resources and instruments like a compilation of lessons, which helps to create more interesting lesson plans.

Did you know that nowadays the modern technologies are the only tool for help of one group of people? We call them "invisible" because we rarely see them. They are isolated from the society and in the most cases they stay closed in their homes. That is the case in Bulgaria. These are the people who have some health problem. Is anyone concerned how they feel?

Scientists from the University of California created a new technology that allows a paralyzed person to walk again [6]. It connects the brain with a computer and converts people's thoughts into motions. They hope to reduce the component size that it will be possible to be implanted in the brain of the patient.

When Emma was 29, she found out that she suffers from Parkinson's disease. As a graphics designer, the drawing is a huge part of her life, but in the last three years, uncontrollable trembling makes her unable to write her own name, let alone draw a straight line. Hayu Zhang, computer specialist, decided to help her. Her innovation changed Emma's life. Inspired by the idea of using vibration to counteract shaking, Hayu was experimenting with miniature vibration motors. After several months of hard work, Emma tried this device and she couldn't believe she was able to write her name. This technology is dedicated to her and is called "Emma" [7].

Engineers from Texas University A&M are developing a device which through sensors will facilitate communication of deaf and people who do not understand the sign language by converting it into spoken language [2].

Imagine a child having a cochlear implant. Yes, it can hear, but finds difficulty in speaking. Scientists from Oregon Health and Science University OGI School of Science and Engineering created software, which helps children to develop their speaking abilities. The technology is also used to help deaf lip-read more accurately [3].

There are only 30 devices in Bulgaria, which allow the paralyzed people to control the computer only with gaze and in that way they can communicate with the others. That way they have the opportunity to write, to entertain and to connect with the world [8].

Eugenia Hristova from Foundation "Assist – helping Technologies" said that "For some people that will seem interesting, but for others it will be precious. It gives them the opportunity to control their lives."

Samsung is developing technologies to help people overcome acrophobia and glossophobia. Studies show that after their training program they overcome their fears more easily and that leads to greater confidence, higher self-esteem and development of a person's personality. These technologies allow them to live hap-

pily and to the fullest. According to Dr. José Cordeiro M.D. in the near future technologies will evolve so much that medicine will cure even ageing and we will see the death of death. There's already a chip devised for decipherment of human genes, it will help medicine prevent the diseases to which we are predisposed to.

If Mac Crandall called Generation Z "digital natives", we would call it "explorers". According to many people we are looking for the easy information, the ready answers, but that is not true. Through analyzing information on the internet we are looking for "our" answers and solutions.

Our recommendations for better education system are: the teachers to study with the children in class, along with the students to seek information about lesson's topic and to use mobile applications for children in the form of games. In the past, in school there were books for Design & technology class, full of templates that we can cut, stick and stain. It was not interesting, because there was no creativity. Now children can choose their own video tutorials about drawing, for making souvenir. This would make them feel appreciated. When the teacher shows to students that he respects and accepts them as individuals with right of choice, he boosts their self-affirmation and self-esteem. Exactly that helps unleash their potential.

In relation with the question asked by Nicholas Carr: "Is Google making us stupid?" We think that it depends on the way in which we use information and communication technologies.

The web is a virtual world in which we can travel to every point on the planet.

It is a world in which we are in process of learning and sharing ideas.

It is a world of no limits.

It is a world full of possibilities.

It is a world which gives a ray of hope to the poor, sick and oppressed people.

A world that will change the earth and make it better place to live.

The modern technology will continue to evolve rapidly. Therefore, we must learn how to use it rationally and wisely. As Democritus put it from what you can draw descent from the same you can draw and evil, but also a way to avoid evil. "For example water can be both: good and bad, useful and dangerous. To the danger, however, a remedy has been found, learning to swim."

References

1. Council Resolution on eLearning. Improvement about the basic skills, particularly information technology (IT) skills, which is a top priority for the European Union (EU). The Stockholm European Council, Official Journal C 204, 13 July 2001. URL: EUR-Lex
2. Dodgson, L. Wearable Sensors Could Translate Sign Language in to English, Live Science, October 15, 2015. URL: <http://www.livescience.com/52491-wearable-sensors-translate-sign-language.html>
3. Humphrey A. Computer Learning for Deaf Children. URL: <http://oureverydaylife.com/computer-learning-deaf-children-18307.html>
4. Long, Myers. H.R.1902 – Buddy System Computer Education Act, 103d CONGRESS 1st Session, 28 April, 1993. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/103/hr1902/text>
5. McCrindle Research. The generation map. URL: <http://mccrindle.com.au/>
6. Thomson Reuters. Adam Fritz poses for Reuters at the project walk facility in Claremont, California. 25 September, 2015. URL: <http://news.trust.org/item/20150925040852-0z8jp/>

7. Watt-Smith, T. The Big Life Fix with Simon Reeve, Series 4 Episode 3, “Themed Events”, Director Tom Watt-Smith, Producers: Tim Harcourt, Ros Ponder, London: BBC (7 December 2016). URL: <http://www.radiotimes.com/news/2016-12-07/could-this-be-the-next-essential-piece-of-kit-for-parkinsons-sufferers>
8. Йорданова, Ж. Устройство помага на инвалиди да управляват с поглед компютъра. (2 December, 2016), URL: <http://www.monitor.bg>
9. Мартыненко, А.В. Высокие технологии и высшее образование. ЗНАНИЕ. ПОНИМАНИЕ. УМЕНИЕ 2006, No1, 64-67. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2006_1/Martynenko/10.pdf
10. Панов, С. Как технологиите ни променят? (May, 2012) URL: epis.bg
11. Узунова, Н. Финландия – страната, където няма домашни и не изпитват. (28 October, 2016), URL: <http://nova.bg/news>

АНАЛИЗ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА

Игбаева Ф.А.

доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин,
канд. филос. наук, доцент, Башкирский государственный аграрный
университет, Россия, г. Уфа

В статье обоснована необходимость проведения государством эффективной демографической политики в стране на основе изучения особенностей современной демографической ситуации, ее тенденций и последствий, формулирования системы научно обоснованных рекомендаций по управлению развитием населения.

Ключевые слова: воспроизводство населения, брачно-семейные отношения; рождаемость, разводимость, демографический прогноз, социологические исследования.

Народонаселение, как особая подсистема общества, функционирует и взаимодействует со всеми социальными институтами и, вместе с тем, обладает известной самостоятельностью. Именно поэтому многие демографические процессы характеризуются консервативностью и устойчивостью во времени. Учитывая это, регулирование демографических процессов и отношений должно осуществляться в рамках социального планирования, создания условий для формирования и реализации установок семьи, человека в направлениях, необходимых обществу [1, с. 39].

В этой связи особого внимания заслуживает вопрос об информационном обеспечении планов социально-экономического развития города, и в частности, раздела «Демографическая и социальная структура населения». Понятно, что социальная структура охватывает очень широкий круг явлений и социальных процессов, и поэтому требуют изучения не только статистических данных, но и специальных материалов, получаемых с помощью конкретно-социологических исследований.

Как разработка планов экономического и социального развития городов, так и разработка в их рамках специальных программ – «Население» и «Семья», необходимо нуждаются в демографических прогнозах различной

деятельности. Анализ и прогнозирование демографических процессов является предпосылкой для разработки всех разделов городского плана – экономика, образование, медицинское и бытовое обслуживание населения.

С другой стороны, для определения мер по оптимизации воспроизводства населения и укрепления семьи необходимо знать не только сегодняшнюю, но и завтрашнюю ситуацию в составе населения, миграции, брачности, рождаемости.

Демографический прогноз включает в себя следующие задачи:

- прогнозирование динамики половозрастной структуры населения с последующим выделением крупных демографических групп: дети дошкольного возраста, мужчины и женщины фертильного возраста, трудоспособное население, одинокие в брачном возрасте, лица пенсионного возраста и др.;
- перспективные расчеты уровней рождаемости и брачности (на основе изменений в половозрастной и семейной структурах населения);
- прогнозирование тенденций разводимости и заключения повторных браков (на основе выборочных исследований о состоянии и изменении семейно-брачных отношений);
- расчеты объемов и направлений миграции населения (с выделением специфических, социальных и демографических групп);
- расчеты перспективной численности населения города на 10-15 и более лет;
- прогнозирование репродуктивного поведения семей различного типа [2, с. 89].

В комплексе мер, направленных на оптимизацию и регулирование воспроизводства населения, развития семьи особое место занимают меры экономического и социально-психологического характера. Наше исследование семей различного типа показало, что в современных условиях по мере удовлетворения материальных потребностей людей возрастает значение нравственно-психологических факторов в жизни человека и семьи. Формирование установок на число детей в семье, на способы проведения свободного времени, формы общения, супружеские ожидания и притязания все больше перемещаются в сторону духовно-нравственной сферы. В частности, снижение устойчивости, дестабилизация семейно-брачных отношений у определенной части населения связаны, видимо, с нарастанием новых видов ценностей, которые если и не препятствуют, то в какой-то мере способны приглушить «брачные ценности». Эти ценности во многом носят и реальный, и мифический характер, однако очевидно, что формируются они не только за счет целенаправленных усилий со стороны общества, государства, но и благодаря массовому обыденному сознанию.

Социологические исследования, проведенные в самых различных регионах страны, показывают одно: общественное мнение вполне лояльно по отношению к гражданским бракам, разводам, матерям-одиночкам, малодетным семьям. Средства массовой информации, кино, художественная литература зачастую в искаженном виде освещают проблемы супружеской жизни, воспитания детей. В результате чего среди молодежи формируются превратные

представления о браке и семье, супружеской ответственности и ценности детей. Отсюда возникает необходимость выработки специальных мер воздействия на общественное сознание в целях его «оздоровления», а также усиления внимания государственных и общественных организаций к проблемам семьи и воспроизводства населения [3, с. 144].

Список литературы

1. Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России в XXI веке, М.: ИД «Грааль», 2002.
2. Игебаева Ф.А. Демографическое воспроизводство населения: анализ и прогнозирование // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2. Ч. 1. С. 87-89.
3. Игебаева Ф.А. О целевых программах развития населения и семьи // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР. Материалы второй всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Владивосток, 7-8 декабря 2016. – С. 142-145.

РЕСУРСНАЯ МОДЕЛЬ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП

Костин Р.А.

профессор кафедры социологии и психологии, д-р социол. наук,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Россия, г. Санкт-Петербург

Михайлова О.К.

аспирант кафедры социологии и психологии,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассматриваются показатели социального статуса профессиональных групп, представлена ресурсная модель его изучения.

Ключевые слова: социальный статус, социальная стратификация, профессиональные группы, удовлетворенность трудом.

Социальная роль профессиональных групп интеллигенции изучается социологами разных стран. Р. Дингуэлл рассматривает профессиональные сообщества подобно биологическим видам, которые конкурируют за доступ к ресурсам, борются за повышение своего статуса [4].

В рамках неовеберианского подхода к социологии профессий выделяются экономический, властный и культурный ресурсы, являющиеся компонентами социально – профессионального статуса. В каждом из этих ресурсов можно выделить эмпирические показатели и построить иерархическую шкалу в зависимости от обладания данным ресурсом. Различия в обладании каждым из ресурсов приводят к социальной стратификации [3, с. 353]. Например,

в стратификации по уровню доходов стоматолог частной клиники окажется на более высоком уровне, чем участковый врач.

Каждая социальная группа будет занимать определенное место в соответствующей иерархии. Определенная социальная локализация будет обеспечивать каждому, кто принадлежит к той или иной группе или занимает ту или иную позицию, более высокое или более низкое место на каждом уровне иерархии. Каждый из ресурсов будет иметь свою иерархию, таким образом, мы получим три системы стратификации, взаимосвязанные между собой. Если одна и та же группа занимает примерно одинаковое положение на всех трех шкалах, то говорят о совпадении параметров стратификации [3, с. 354] и о согласованном социальном статусе. В случае, когда позиции на шкалах различаются (например, социальная группа обладает высоким престижем, низкими доходами и слабой властью), говорят о расхождении параметров стратификации и рассогласованном статусе [5, с. 53].

В данной статье рассмотрим профессиональную группу врачей, раскроем показатели каждого из ресурсов и рассмотрим их взаимосвязь.

Показателями, раскрывающими сущность властного ресурса врачей, являются: автономия в принятии решений, возможность группы оказывать влияние на результат собственного труда, контроль входа в профессиональную группу и выхода из нее, наличие сильных профессиональных организаций (табл. 1) [2, с. 200].

Таблица 1

Эмпирические показатели властного ресурса

Показатель	Характеристика
Автономия в принятии решения	Способность влиять на изменения условий работы: планирование рабочего процесса, условия труда, темп работы.
Возможность группы оказывать влияние на результат собственного труда	Способность влиять на уровень вознаграждения, участие в разработке и утверждении положений об оплате труда, выделении материальной помощи, премий.
Контроль входа в профессиональную группу и выхода из нее	Конструирование фильтров, регулирующих процесс социального закрытия на уровне рынка труда и образовательной системы.
Наличие сильных профессиональных организаций	Адекватное представление интересов своей профессиональной группы определенными лидерами и руководством

Властный ресурс определяет способность профессиональной группы формировать собственную позицию в различных социальных измерениях. Именно объем власти определяет степень доступа группы к искомым ресурсам (плодотворная работа, уровень материального обеспечения, график работы), а также возможность распоряжаться ими.

Показателями экономического ресурса являются: объем и характер доходов, качество жизни, субъективная удовлетворенность статусом. На доходы социальной группы влияет государственная политика, проводимые реформы. Факторами удовлетворенности статусом являются социальная защи-

щенность, динамика уровня жизни, положительная профессиональная мотивация. Одним из показателей мотивации выступает удовлетворенность трудом, т.е. оценочное отношение к трудовой деятельности.

Д.Макгрегор, Ф. Герцберг и А.Маслоу утверждали, что довольный сотрудник – это тот, потребности которого удовлетворяются [6]. Выделяют уровни потребности сотрудников, которые взаимосвязаны со степенью удовлетворенности работой. Уровень 1 включает благоприятные условия труда, хорошую заработную плату, возможность получения наград и современное техническое оснащение рабочего места. Уровень 2 – потребности, заключающиеся в хороших отношениях с коллегами руководством. Уровень 3 включает возможности для карьерного роста, сложность поставленных задач, ответственность и самостоятельность в принятии решений. Когда три уровня потребности сотрудника удовлетворены, можно наблюдать высокую производительность и эффективность труда [6]. Выделенная Ф.Н. Ильясовым структура удовлетворенности трудом (табл. 2) систематизирует человеческие потребности как основу для группировки трудовых мотивов [1].

Таблица 2

Структура удовлетворенности трудом

Уровень	Характеристика
Социальный	Стремление к улучшению социально-значимых характеристик собственного положения (социальный статус, возможность карьерного роста, повышение квалификации, достижение социально значимых результатов, общественного признания).
Психологический	Стремление к улучшению санитарно-гигиенических, эстетических условий производства, хороший психологический климат в коллективе (т.е. желание избавиться от неблагоприятных факторов).
Психофизиологический	Поиск вида труда с функциональным содержанием, соответствующим психофизиологическим характеристикам работника.

Культурный ресурс выражается в восприятии индивидом собственной группы как основного референта и через характер трансформации собственной работы в статусные привилегии, в общественном признании группы. Любая социальная группа характеризуется стремлением выделить собственный стиль, престиж, этический кодекс, специализированный язык общения, особые потребительские стратегии [2, с. 203] Такие внешние проявления и образ действия способствуют формированию общественного мнения о данном профессиональном сообществе, что существенно отражается на социальном статусе группы.

Перечисленные выше ресурсы (властный, экономический, культурный) существуют в тесной взаимосвязи друг с другом. Каждый из них является вспомогательным по отношению к другому в получении более высоких позиций на своей шкале [3, с. 354]. Так высокие доходы социальной группы позволяют завоевать престиж и автономию. Властные полномочия дают возможность получить финансовую независимость и общественное признание.

К изменению относительного положения данной группы может

привести также изменение самой шкалы стратификации. Это может произойти в результате глубоких и радикальных социальных изменений, революций, переворотов, приводящих к установлению нового строя, а также технологических и цивилизационных переломов.

Список литературы

1. Ильясов Ф.Н. Удовлетворенность трудом (анализ структуры, измерение, связь с производственным поведением); Под ред. В.Г. Андреевкова. Ашхабад: Ылым (Наука), 1988. 100 с.
2. Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности / Под редакцией П. Романова, Е. Ярской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2012. – 236 с.
3. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.
4. Dingwall R., Lewis P. The sociology of the Professions: Lawyers, Doctors and othes. – Quid Pro, LLC, 2016. 278 p.
5. Lenski G. Power and Privilege: A Theory of Social Stratification. N.Y., 1966.
6. Shaun, F "Minority Physician Job Satisfaction: An Analysis Of Extrinsically-controlled Organizational Factors". URL: <http://stars.library.ucf.edu/etd/318/> (дата обращения 24.01.17).

СПЕЦИФИКА ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Литвяк И.В.

магистрант кафедры социальных технологий,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В статье проводится теоретический анализ понятия информационно-аналитическое обеспечение муниципального управления, а также дается характеристика его элементов.

Ключевые слова: информация, социальная информация, обеспечение, информационно-аналитическое обеспечение, муниципальное управление, местное самоуправление.

Важнейшая характеристика деятельности органа местного самоуправления – это уровень его информационно-аналитического обеспечения, оказывающего существенное влияние на все процессы социально-экономического развития муниципалитета. Мировой опыт совершенствования муниципального управления подтверждает, что информационно-аналитическое обеспечение следует рассматривать как одно из стратегических направлений повышения эффективности деятельности.

Вследствие этого возникает необходимость определить содержание понятия «информационно-аналитическое обеспечение органов местного самоуправления».

В настоящее время в научной литературе представлено множество определений понятие «информация». Так, Е.А. Петриченко дает определение

информации как некоторой последовательности (налицо упорядоченности) сведений, знаний, которые актуализируемы (получаемы, передаваемы, преобразуемы, сжимаемы или регистрируемы) с помощью некоторых знаков (символьного, образного, жестового, звукового, сенсомоторного типа) [6, с. 254]. В свою очередь, А.Е. Росляков в своих трудах пишет, что в социальном плане «информация – это передача, циркулирование многообразия отраженного и взаимоотраженного многообразия жизненного пространства человека» [7, с. 3].

Анализируя роль информации в муниципальном управлении, мы акцентируем внимание на ее социальной сущности, т.е. выделяем категорию «социальная информация», определяя ее как разновидность информации, наиболее значимой в управлении людьми. Данный феномен довольно глубоко исследовал отечественный социолог В.В. Варганов, который понимал под социальной информацией знания, циркулирующие в обществе и воспринимаемые как средство для достижения поставленной цели [2, с. 54].

По мнению исследователя В.В. Митяева, социальная информация – это совокупность сведений, объективно необходимых для устойчивого функционирования социального организма [5, с. 72]. Е.А. Петриченко под социальной информацией понимает сообщение, содержащее сведения относительно чего-то, предназначенное для передачи или переданное индивидом или группой таковых другому индивиду или группе таковых в любой из знаковых форм [6, с. 256].

Таким образом, социальная информация – это составная часть информации, являющаяся свойством высокоорганизованной материи и представляющая собой сведения о материи, которые извлекаются, генерируются, порождаются и могут преобразовываться (в том числе передаваться и приниматься), храниться, применяться или иным образом использоваться социальными субъектами в основе их информационного взаимодействия и социального развития.

Необходимо отметить, что процесс сбора, обработки, хранения, распространения и использования социальной информации в управлении определяется как информационно-аналитическое обеспечение.

Выделяя специфику информационно-аналитической деятельности в органах местного самоуправления, необходимо определить особенности этого вида управления

Муниципальное управление – это деятельность выборных и других органов местного самоуправления по управлению муниципальной собственностью, объектами муниципального хозяйства, формированию и исполнению местного бюджета. Специфика муниципального управления определяется, прежде всего, особенностями муниципального образования как объекта управления, включающего все стороны жизни людей.

Необходимо подчеркнуть, что муниципальное управление не сводится к механическому набору действий, совершаемых субъектом политики, по-

этому и социальную информацию, относящуюся к этой сфере, нельзя считать чисто политической. Потоки социальной информации, необходимой для принятия управленческих решений в муниципальных системах действуют как внутри самих властных структур, так и выходят во внешнюю среду. Причем, для каждого из таких потоков существует определенный риск, выражающийся в возможной неадекватной оценке ситуации в области муниципального управления. Поэтому основная цель социальной информации заключается не в том, чтобы помочь сориентироваться властвующему субъекту в существующей палитре мнений, а найти точки соприкосновения с объектами воздействия, чтобы обрести реальную способность воплотить свою модель будущего в действительность.

Продолжая логику анализа структурных элементов понятия «информационно-аналитическое обеспечение», обратимся к дефиниции «обеспечение», которая означает действие, а также хранение, выполнение чего-то, гарантирует осуществление того или иного процесса. Таким образом, когда говорят о каком-либо частичном обеспечении управления, указывая на конкретный качественный аспект (например, информационно-аналитический), то имеют в виду, прежде всего, комплекс средств, условий и действий, гарантирующих нормальное прохождение управленческих процессов.

С точки зрения современных российских ученых, исследующих проблемы информационно-аналитического обеспечения в управленческой деятельности, в том числе муниципальном управлении, возникают некоторые противоречия.

С одной стороны, информационно-аналитическое обеспечение рассматривается утилитарно – то есть как способ решения некоего комплекса практических задач: политических, социально-экономических и пр. В этом случае используются информационно-аналитические технологии, направленные на обеспечение деятельности руководителей в условиях дефицита времени, при неполноте сведений об исследуемых процессах, нечеткости, противоречивости или частичной недостоверности информации [3, с. 53].

С другой стороны, сложность и многогранность информационно-аналитической деятельности превращают процесс принятия решений в отрасль научного знания [3, с. 54]. Особенность этой отрасли заключается в том, что она находится на стыке целого ряда научных дисциплин, нередко пока еще слабо связанных между собой. Речь идет, прежде всего, о таких науках, как социология, политология и экономическая наука, информатика, психология и т.п. Эти и другие науки, обогащая друг друга, объединяются в информационно-аналитическом обеспечении в единый комплекс.

Формулируя, с учетом проанализированных исследовательских позиций, определение информационно-аналитического обеспечения деятельности той или иной организации, отметим, что это целенаправленная профессиональная деятельность по сбору, анализу, хранению, переработке, обмену и трансляции необходимой информации, позволяющая решать разнообразные

задачи организации. Причем, необходимо подчеркнуть, что сложность задач современного муниципального управления предполагает особый интегрально-интеллектуальный подход к его реализации, поэтому информационно-аналитическое обеспечение управленческой деятельности в муниципалитетах имеет определенно интеллектуальную составляющую, и объединяет в себе методологию информационно-исследовательской работы, ее организационное, а также технологическое обеспечение разработки и создания инструментальных механизмов для его проведения.

Таким образом, информационно-аналитическое обеспечение деятельности муниципальных органов власти определяется нами как целенаправленная интеллектуальная профессиональная деятельность по сбору, анализу, хранению, переработке, обмену и трансляции социальной информации, способствующей поддержке принятия управленческих решений, а также оценке возможных последствий их реализации.

Следовательно, система информационно-аналитического обеспечения органа местного самоуправления – это совокупность организационно-правовых, коммуникативно-информационных, методических, программно-технических компонентов, обеспечивающая информационно-аналитические процессы в системе управления. Структура информационно-аналитической системы муниципального образования, внедрение новых информационных технологий определяются функциями этой системы, текущими и перспективными задачами.

Список литературы

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ [Электронный ресурс] : Федеральный закон РФ от 6 октября 2003 № 131-ФЗ (ред. от. 03.07.2016) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Информ. банк. «Версия Проф.». Разд. «Законодательство».
2. Варганов, В.В. Социальная информация: сущность и функции [Текст] / В.В. Варганов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – № 93. – 2011. – С. 52-62.
3. Кузнецова, В.А. Проблемы информационно-аналитического обеспечения государственного и муниципального управления [Текст] / В.А. Кузнецова // Научный журнал. Фундаментальные исследования. – № 1. – 2015. – С. 52-55.
4. Луценко, Л.М. Социальная информация и ее функции [Текст] / Л.М. Луценко // Ученые записки Российского государственного социального университета. – № 3. – 2010. – С. 48-55.
5. Митяев, В.В. Социальный феномен информации [Текст] / В.В. Митяев // Среднерусский вестник общественных наук. – № 2. – 2013. – С. 71-76.
6. Петриченко, Е.А. Сущность понятия «информация» [Текст] / Е.А. Петриченко // Фундаментальные исследования. – № 8-1. – 2014. – С. 253-257.
7. Росляков, А.Е. Понятие информации вчера и сегодня [Текст] / А.Е. Росляков // Концепт. – № 2 (18). – 2013. – С. 1-6.

О ВЛИЯНИИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА НА ТРУДОВУЮ ЗАНЯТОСТЬ

Логунова О.А.

доцент кафедры социологии, психологии и культурологии,
канд. филос. наук, доцент, Ижевский государственный технический
университет им. М.Т. Калашникова, Россия, г. Ижевск

Логунова Е.Г.

доцент кафедры социологии, психологии и культурологии, канд. филос. наук,
Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова,
Россия, г. Ижевск

В статье рассматриваются некоторые общие характеристики информационного общества, которое зачастую понимается как один из аспектов экономической, социальной, культурной и политической жизни. В широком смысле экономика состоит из организаций, как в частном и государственном секторе, которая включает в себя информационное содержание или интеллектуальную собственность; предоставляет средства для доставки информации потребителям; производит аппаратное и программное обеспечение, которые позволяют обрабатывать информацию. Гораздо труднее, однако, определить и измерить информационную деятельность, которая имеет место в организациях за пределами информационного сектора.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, информация, глобализация, инновация, государственный сектор, частный сектор, профессия.

Глобализация информационного сектора создает дополнительные проблемы. Тот, кто работает в России, может использовать интернет, чтобы получить информацию о работе в Европе, которая была составлена на основе информации о компании в Швейцарии. Кто регулирует информацию? Под какой набор законов она собрана, составлена, доставлено и потребляются? Если пользователь должен платить за информацию, то куда идут доходы? Какие правительства имеют право взимать налог с продаж на информацию?

Определяющей характеристикой информационного общества является развитие информационной индустрии [1]. Немногие страны полагаются на внешние организации для развития информационных систем и услуг, которые требуется, но такие случаи редки. Большинство стран активно поощряет разработку информационной индустрии, чтобы позволить стране участвовать в быстро расширяющемся международном рынке. При рассмотрении вопроса о разработке информационного сектора, следует разделить его на три сегмента: первый занимается созданием информации – сектор контента; второй борьбой за доставку информации; и третий связан с обработкой информации. Сегмент информационного контента содержит организацию как в государственном и частном секторах, которые производят и развивают интеллектуальную собственность. Информация берет свое начало от писателей, компо-

зителей, художников и фотографов, при содействии редакторов, телевизионных продюсеров. Эти информационные создатели продают свою работу издателям, вещателям, дистрибьюторам и производственным компаниям, которые берут сырую интеллектуальную собственность и переделывают его так, чтобы она распространялась и продавалась потребителями.

В прошлом, работа создания публикации проходила в совершенно отдельных организациях. Авторы работали с издателями и редко имели много контактов с видео- или кинематографистами. Но сейчас можно представить различные типы информации, содержащиеся в общем цифровом формате, которые приносят письменные, аудио и визуальные материалы в тех же самых информационных контекстах.

Технологические изменения широко представлены в информационных отраслях, имеющих большое воздействие на информационные профессии: библиотекари, ученые, архивисты и издатели. Во-первых, технология информационной работы будет значительно расширять сферу своей деятельности. Сейчас можно получить доступ к обработке гораздо большего количества информации, чем было пять лет назад. Во-вторых, ожидания пользователей растут постоянно, создавая спрос на все более усовершенствованные информационные услуги высокого качества. Это давление требует более высокой квалификации от специалистов, которые должны понимать не только принципы информационной работы, но и обладать техническими навыками, необходимыми для использования технологий. Но начального образования не достаточно. Необходимы непрерывное образование и профессиональная подготовка, которые позволяют специалистам разрабатывать и совершенствовать свои навыки.

Может быть, как следствие, образование сосредоточилось на развитии практических навыков. В 1970-е и 1980-е годы ответственность от начального образования перешла к академической среде. Связь с профессиональными ассоциациями стала слабее и акцент сместился от навыков к теоретическому пониманию информационной работы. В 1990-е годы эти первоначальные академические квалификации теперь дополнились широким спектром учебных курсов. Технические навыки еще являются важной и большей частью обучения. Новые технологии требуют прихода людей с новыми навыками [2].

В настоящее время информация рассматривается как ценный ресурс в организациях, ресурс, который при правильном управлении может стимулировать инновации, развитие, повышение уровня производительности, обеспечения стандартам качества и, повысить относительный уровень конкурентоспособности.

Большая часть интереса к использованию информации как ресурсам сосредоточена в частном секторе, где производительность и конкурентоспособность можно определить как успех или неудачу отдельных компаний. Он может также определить общее состояние здоровья экономики страны. В об-

рабатывающей промышленности, информация может внести свой вклад в экономический успех. Это является важным элементом в процессе исследований и инноваций. За многие годы компании осознали необходимость иметь доступ к самым свежим информационным данным. Хороший продукт сам по себе, однако, не обеспечит успех компании. Он должен быть разработан и предназначен для удовлетворения требований магазинов. Это предполагает высокий уровень рынка и понимание путей, которыми потребители реагируют на различные продукты. Исследование рынка индустрии резко возросло в последние годы в попытке удовлетворить эти потребности.

Информация также вносит значительный вклад в управление производственными процессами. Действительно, многие современные подходы к производству зависят от обработки и передачи существенных потоков информации. Все это требует стратегического подхода к управлению информацией в производстве. Влияние информации на коммерческую часть частного сектора, возможно, даже больше, чем в обрабатывающей промышленности. Торговля генерирует большое количество канцелярской и административной работы, и именно эта работа, является наиболее открытой для автоматизации. Внедрение автоматизированных систем бронирования произвела революцию в авиационной отрасли, и тем самым создала набор глобальных систем, которые в настоящее время позволяют легко и дешево заказать авиабилеты, взять в прокат автомобиля и забронировать номер в отеле.

В этом случае введение информационных систем резко сокращает расходы и является причиной гибели многих канцелярской и административной работы. В розничной торговле, например, информационные системы используются для контроля запасов. Информация собирается, когда товары продаются, инвентаризация магазина автоматически обновляется, и, когда уровень запаса продуктов становится низким, можно обратиться к поставщикам. Складские запасы доставляются непосредственно от поставщиков в магазины, где продаются. Информационные системы также упрощают жизнь компаний, чтобы сбалансировать спрос и предложение, своевременно предлагая скидки и акции на товары и услуги.

Информация даже оказывает воздействие на традиционные сферы, такие как право или медицину. Адвокаты теперь имеют доступ к сложным правовым информационным системам, и они широко используют компьютеры для контроля за работой и учетом времени. Точно так же врачи теперь в состоянии быть гораздо ближе к своим пациентам через усовершенствованные записи систем управления.

Список литературы

1. Hayek F. A. The American Economic Review, Vol. 35, No. 4, 1945, pp. 519-530.
2. Walsham, G. Ethical theory, codes of ethics and IS practice, Information Systems, 6, 1996, 69-81.

РОЛЬ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОЦИАЛЬНОМ СЛУЖЕНИИ РПЦ

Панина Е.В.

студент группы СПЦ-gz21, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета, Россия, г. Шахты

Ивушкина Е.Б.

профессор кафедры «Информатика», д-р филос. наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета, Россия, г. Шахты

В данной статье рассматривается использование компьютерных технологий в функционировании общественных фондов РПЦ. Невозможно представить деятельность в какой-либо сфере без использования компьютерных технологий. Время и логика развития православия в стране требует расширения пространства пастырского служения. Меняется методология взаимодействия с целевой аудиторией.

Ключевые слова: компьютерные технологии, общественные фонды, социальное служение.

«За последние несколько десятилетий информационно-коммуникационные технологии прочно обосновались в нашей повседневной жизни. Развиваясь с геометрической прогрессией, они способны прямо и косвенно воздействовать на социальную реальность, что приводит к возникновению определенного рода последствий в социуме, за которые должна возникать ответственность у конкретного лица либо группы лиц» [1].

Координацию церковных социальных начинаний во всех епархиях Русской Православной Церкви осуществляет Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению.

Социальное служение Церкви в постсоветской России начало возрождаться в 90-е годы XX века с деятельности братства св. Анастасии Узорешительницы в Санкт-Петербурге и Свято-Димитриевского сестричества в Москве.

Сегодня социальное служение Церкви – это более [2]:

- 500 групп милосердия и служб добровольцев;
- 150 сестричеств милосердия в России и около 60 сестричеств в Белоруссии и Украине;
- 100 детских приютов;
- 30 богаделен;
- 80 домов временного пребывания и социальных гостиниц;
- 30 реабилитационных центров для наркозависимых;
- 11 приютов для бездомных и 3 мобильные службы помощи бездомным;
- 30 центров защиты материнства.

В условиях современности невозможно функционирование такого масштабного аппарата социального служения без использования компьютерных технологий. Базовыми востребованными компьютерными технологиями являются технологии, используемые в различных областях вне зависимости от специфики этих областей: выполнение общих задач пользователя (пакет Microsoft Office), обеспечение жизнедеятельности вычислительных систем (сервисные программы), защита информационных систем в целом (защита пароля, антивирусы), работа в сети (сетевые технологии, интернет) [3].

Благотворительные фонды, как впрочем, и другие общественные фонды, нуждающиеся в пожертвованиях, используют кроме базовых компьютерных технологий автоматизированные электронные транзакции, обеспечивающие безопасный перевод денежных средств и их учет на счете получателя.

В настоящее время меняется методология взаимодействия с целевой аудиторией фондов. В 2016 году возросла популярность вебинаров. Темы вебинаров адаптируются под потребности аудитории и являются практическим ресурсом. В свободном доступе можно просмотреть записи вебинаров на темы «Роль общественных организаций и фондов в помощи онкологическим больным», «Адаптация приемного ребенка в семье», «Взаимная адаптация ребенка и семьи». Благотворительный фонд профилактики и реабилитации больных наркоманией «Нарком» предоставляет цикл вебинаров в области профилактики химических зависимостей [4].

Вебинары удобны тем, что, не выходя из дома, каждый желающий может зарегистрироваться на мероприятие, и принять в нем участие в удобной обстановке, а тем более не нужно покидать собственной квартиры, не говоря уже о регионе.

Впервые в России появляются мобильные приложения для благотворительности [5]. Так, благотворительный фонд «Дети Земли» совместно с Православным благотворительным фондом «Милосердие» и рядом других фондов создали мобильное приложение «Помощь детям». За два года более тысячи человек скачали данное приложение, из них 810 оценили его, причем 99,38 % оценили по наивысшему баллу [6].

В мае 2014 года начала свою работу православная социальная сеть «Елицы». Популярность этой сети растет за счет множества проектов, реализующихся на данной платформе. Каждый пользователь может задать вопрос священнику, организовать пожертвования, задать вопрос психологу, избавиться от химической зависимости с помощью проекта «Победить алкоголизм и наркоманию», самостоятельно организовать общественные мероприятия и т.д. На сегодняшний день в социальной сети «Елицы» зарегистрировано 141843 аккаунтов [7].

Современный период требует расширения пространства пастырского служения и широкого участия Церкви в социальной жизни общества. Использование современных компьютерных технологий в функционировании общественных фондов позволяет более широко осуществлять деятельность фондов, охватывать большие массы людей, а также систематизировать все процессы деятельности.

Список литературы

1. Ивушкина Е.Б., Микитенко Е.Г. Социальная ответственность в сфере информационно-коммуникационных технологий // Инновационная наука. 2016. № 5-1 (17). С. 217-218.
2. Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского патриархата // Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению URL: <http://www.patriarchia.ru/index.html> (дата обращения: 13.01.2017).
3. БИП – институт правоведения // Основные понятия компьютерных информационных технологий URL: <http://bip-ip.com/osnovnye-ponyatiya-kompyuternyx-informacionnyx-technologij/> (дата обращения: 15.01.2017).
4. Благотворительный фонд профилактики и реабилитации больных наркоманией «Нарком» // Сайт о профилактике зависимостей URL: <http://www.narkom.info/category/webinars> (дата обращения: 14.01.2017).
5. Дети Земли // Благотворительный фонд помощи детям URL: <http://www.childrenofearth.org/ru/> (дата обращения: 15.01.2017).
6. Play Маркет Приложение «Помощь детям» URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=org.childrenofearth.app> (дата обращения: 15.01.2017).
7. Елицы Статистика // Социальная сеть URL: <https://elitsy.ru/users/top/> (дата обращения: 13.01.2017).

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
БЕЗНАДЗОРНОСТИ И БЕСПРИЗОРНОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ*****Ревазов В.Ч.***

доцент кафедры философии и социально-правовых дисциплин,
канд. пед. наук, доцент, Северо-Кавказский горно-металлургический инсти-
тут (государственный технологический университет), Россия, г. Владикавказ

Ревазова Э.Ч.

преподаватель русского языка и литературы, МБОУ СОШ №30,
Россия, г. Владикавказ

В статье рассматривается проблема безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних детей и подростков. Выделяются социально-экономические, медико-санитарные, социально-демографические и социально-психологические факторы, ведущие к безнадзорности детей и подростков.

Ключевые слова: несовершеннолетние, безнадзорность, беспризорность, факторы, наследственность, субкультура, родительская и общественная запущенность, семейное неблагополучие, социальные болезни.

Политика Российской Федерации, как социального государства направлена на защиту прав и свобод гражданина, а также создание условий для достойной жизни человека. Без смены поколений, то есть без детей будущее государства довольно призрачно и поэтому оно должно заботиться о формировании их как личностей, как активных членов современного общества. На этом пути достаточно различного рода препятствий. Особое место в

процессе воспитания подрастающего поколения занимает социальное явление под названием девиация. Девиация – это несоблюдение норм и правил поведения, установленных в обществе. Составными частями отклоняющегося от принятых норм поведения в обществе являются безнадзорность и беспризорность среди детей и подростков. По определению закона Российской Федерации «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.99 № 120 ФЗ безнадзорным признается несовершеннолетний, контроль за поведением которого отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей или законных представителей либо должностных лиц; беспризорный – это тот же безнадзорный, – но не имеющий места жительства и (или) места пребывания [4, ст. 14, 15]. Причинами возрастающей безнадзорности детей и подростков в современном трансформирующемся обществе являются тяжелые материальные условия жизни большей части российских семей. Именно семейное неблагополучие является предпосылкой разных деформаций процесса социализации личности ребенка, что проявляется, в конечном счете, в безнадзорности либо беспризорности несовершеннолетних. Можно выделить следующие факторы семейного неблагополучия, ведущие к безнадзорности детей:

1) социально-экономические факторы (низкий материальный уровень жизни семьи, плохие жилищные условия);

2) Медико-санитарные факторы (хронические заболевания родителей и отягощенная наследственность, антисанитария и пренебрежение санитарно-гигиеническими нормами);

3) социально-демографические факторы (неполные и многодетные семьи, семьи с престарелыми родителями, семьи с повторными браками и сводными детьми);

4) Социально-психологические факторы (семьи с конфликтными отношениями супругов, родителей и детей, педагогической несостоятельностью родителей и их низким общеобразовательным, культурным уровнем, деформированными ценностными ориентациями);

5) криминальные факторы (алкоголизм, наркомания, аморальный и паразитический образ жизни родителей, семейные дебоши, проявления жестокости и садизма, наличие судимых членов семьи, приверженных к субкультуре преступного мира) [3, с. 58]. Безнадзорность и беспризорность – социальные болезни, неразрывно связанные с трансформационными процессами в России в период рыночных реформ. Понятие безнадзорность представляет отсутствие надзора за детьми и подростками. Здесь не учитывается факт отсутствия надзора по объективным или субъективным причинам, зато под жесткий контроль попадает семья, опекуны и другие лица, обязанные осуществлять надзор за детьми. Понятие беспризорность по сути, это – характеристика положения несовершеннолетнего в семье и обществе. Такое положение дети и подростки обретают в основном по стечению различного рода обстоятельств, а также отсутствием контроля со стороны родителей или попечителей. Отличительными признаками беспризорности являются: -

прекращение каких-либо связей с семьей, родственниками; нахождение и проживание в местах, не предназначенных для жизнедеятельности человека; -добывание средств к существованию способами, социально порицаемыми в обществе; -жизнь по понятиям преступного мира.

В категорию «беспризорные» – входят дети, не имеющие определенного места жительства или места пребывания. Такие дети составляют десятую часть от общего числа безнадзорных. Среди беспризорных и бродяжничающих подростков, составляющих группу риска, выделяют три уровня: -первый уровень составляют подростки, пребывавшие бесконтрольно на улице меньше месяца. Это означает, что они еще не успели адаптироваться к «законам улицы» и есть возможность вернуть их в семью. Основное средство выживания – попрошайничество; -второй уровень составляют подростки, пребывавшие бесконтрольно на улице в диапазоне от месяца до года. Они уже адаптированы на улице: приобщились к употреблению легких наркотиков, алкоголя, дурманыщей химии, приобрели первый опыт сексуальных связей. Основным средством выживания для них является воровство; -третий уровень составляют подростки, находящиеся бесконтрольно на улице год и больше. За это время они успели приобрести криминальный опыт, есть вероятность участия их в различного рода преступлениях. У подростков на этом уровне прямая дорога в исправительное учреждение для несовершеннолетних преступников. Статистика преступлений среди несовершеннолетних констатирует рост подростковой преступности контингентом, входящим именно в третий уровень. Условия жизни, в которых живут эти беспризорные и безнадзорные подростки, являются тормозом в их умственном, физическом и социальном развитии. Проживание в антисанитарных условиях, в подвалах, чердаках, различного рода свалках без нормального питания, необходимой медицинской помощи ведет к социальной дезадаптации и невозможности продолжения процесса социализации.

Социологические службы России констатируют о росте беспризорности в сравнении даже с периодом после гражданской войны 1918-1920-х годов. По оценкам МВД, в России насчитывается от 500 тысяч до 2,5 млн. беспризорных, детей-сирот – 530 тысяч, детей-инвалидов – 1 миллион, 300 тысяч детей ежегодно рождаются вне брака, 650 тысяч остаются без одного из родителей, десятки тысяч детей и подростков числятся бесследно исчезнувшими, около 30 тысяч несовершеннолетних ежегодно уходят из дома. Еще больше детей живут с родителями-алкоголиками, не учатся и фактически предоставлены самим себе [1, с. 48].

Согласно имеющейся статистике, большинство безнадзорных детей характеризуется высоким стажем родительской и общественной запущенности. Преобладающий возраст безнадзорников – от 8 до 13 лет. Можно сказать, что эти дети не только попали на социальное дно, но и по-своему адаптировались к жизни в нечеловеческих условиях. Практически все они находятся в группе риска, а многие страдают неизлечимыми психологическими и физическими расстройствами и болезнями. Сложилось общественное мнение, что перспектив социальной и человеческой реабилитации у большинства таких детей

очень мало. В определенной степени отношение к безнадзорным детям в настоящее время находится в критической фазе: сохраняющийся потенциал общественного сочувствия не реализуется в силу бедственного материального и психического состояния многих семей, родителей, слабости кадрового и материально-технического обеспечения специальных учреждений, мздоимства и коррупции в органах власти и управления, высокой степенью физической и психической правотравмированности безнадзорных и беспризорных детей [2, с.3].

Детскую и подростковую безнадзорность и бродяжничество в России можно охарактеризовать как трудноизлечимые социальные болезни. Такая медицинская терминология в данном случае уместна, так как речь идет о тяжелой социальной болезни, поражающей людей и общество своими негативными проявлениями и последствиями. В отношении к данному социальному явлению начинают преобладать дискомфорт и равнодушие со стороны общественного большинства, помноженные на ситуативные общественные кампании, регулярно проводимые органами власти и управления. Проблема детской и подростковой безнадзорности и беспризорности, является тяжелым социальным недугом, который по значимости находится на уровне национальной безопасности и требует безотлагательных мер со стороны властных структур, социальных институтов и общественных организаций.

Список литературы

1. Ковалев В.В. Психология отклонения у подростков правонарушителей. М.: Медицина, 1992. С. 48.
2. Миронов С. О положении детей в Российской Федерации // Известия. 2005. № 7. С. 3.
3. Ульянченко И.И. Анализ социальных причин безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних в современной России // Краевая научно-исследовательская лаборатория по проблемам формирования современной личности в поликультурной среде: Сб. матер. / Общ. ред. В.Н. Гурова, А.Е. Шабалдаса, Л.Н. Харченко, С.В. Степанова. – Ставрополь: СКИПКРО, 2005. – Вып. 18. – С. 58.
4. Закон РФ № 120-ФЗ от 24.06.1999г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетними», ст.14, 15.